

А.Линч

КРОСС через СТАЭ

Поглощай да
поглотим будешь

Мир дикаря мал,
Пир дикаря скуп:
Каждый, кого рвал,
Точит и свой зуб.

Души не выбирают, где родиться и под кем. Аваро принадлежит когорте обречённых, которых более удачливые брезгливо клеймят дикарями. Быстрые ноги помогают ему держаться обычаев, но торопливый ум в опасной смеси с наивностью однажды приводит в тупик.

Загнанного зверя выручает тайная дверь в большой мир, где кроме таких же дикарей в избытке тёмные личности иного толка, жаждущие урвать от чужака лакомый кусок.

Побег как образ жизни — неминуемая участь отступника, что задумал под всесторонним натиском остаться собой. Уйти от погони несложно. Труднее понять, где финишная черта.

Аваро сидел на шухере. На место он по обыкновению явился заранее, но не потому, что слишком серьёзно подходил к делу, — он знал, что в такой день никто не станет приставать с дурацкими вопросами, не попросит помочь в огороде или принести воды. Редчайший момент, когда голова в его собственном распоряжении. Наконец можно задуматься о смысле происходящего и последствиях.

Засада часто устраивалась без сговора, но ему это впервые показалось удивительным. Неведомым образом всем жителям в одночасье становилось известно, что и против кого замышляется. Всем, кроме самой жертвы. И ведь Аваро тоже не наказывали сегодня быть здесь — он считывал знаки, расшифровывал взгляды, молча следовал за ведущими. Почему же так слеп тот, на кого открыта охота? Надежда, усталость, самообман?

Аваро прятался среди ветвей желтеющего кустарника и уже успел ободрать руки до крови об его колючки. Укрытие выбрал сам и очень скоро пожалел, но не из-за боли. В уме снова и снова проигрывался один и тот же сценарий грядущего. Его сегодняшняя роль отличалась от привычной и заключалась лишь в том, чтобы прятаться, наблюдать и сигнализировать жестами, — кусты для этой цели подходили лучше всего. И вот теперь, окружённый стеблями шиповника, Аваро нечаянно вспомнил голодный взгляд матери и осознал уязвимость позиции: отсюда некуда бежать. Его охватило предчувствие беды. Оглядевшись по сторонам, он заметил пару мест за пригорком с подходящим углом обзора, но до них ещё нужно было добраться. Тем временем на дороге показалась четвёрка громил. Сигнальный побоялся не успеть, но куда больше опасался привлечь внимание и обнажить страх.

Парни были лишь на год старше Аваро, но повадками легко сошли бы за матёрых разбойников. Кажется, ничто не могло поколебать их веру в праведность порученного дела. Настал их звёздный час.

Они уверенно подошли к дряхлой телеге Трошпара — одинокого мужчины за сорок, жившего в ближнем доме. Самый рослый и грузный едва заметно кивнул в сторону кустов. Аваро напрягся и сжал кулаки. Провокаторы лениво пинали ржавые колёса, курили и подначивали друг друга колкими ругательствами. Один из них глянул на окна соседних построек — не столько по необходимости, сколько по привычке; и достал из рукава куртки лом. С лёгкостью подцепил и оторвал доску кузова, после чего передал инструмент, и все по очереди стали потрошить повозку, не сдерживая гогота.

Трошпар относился к этой рухляди с особым трепетом. Днями напролёт стругал, обтачивал, чистил от ржавчины. Забывал есть, пить и разговаривать с людьми, а ведь в Фосе уже года три как не осталось лошадей. Даже вшивого ослёнка. Телега была ценностью сама по себе — налётчики верно рассчитали, что такого надругательства над святыней Трошп не простит.

Аваро заметил лохматую шевелюру жертвы в углу окна и обернулся лицом к пустырю. Аккуратно раздвинув ветки, он показал букву L средним и указательным пальцами — где-то там за ним пристально наблюдали через бинокль. "Затаиться и терпеть, не выдать себя." Нервная лихорадка, как назло, усиливалась, помогая опадать отмершим листьям.

Пятнадцатиминутное ожидание в таких случаях считалось слишком долгим. Даже хамоватая четвёрка заскучала и начала ссориться. От повозки осталась гора щепок и

искорёженного металла.

Наконец нетвёрдой походкой вышел Трошпар — уже аккуратно причёсанный, в новеньком жакете, словно спешил на свидание. В правой руке лежала добротная палица, из левого кармана торчала рукоятка ножа. Он силился изобразить на лице гнев и бесстрашие, но выходила лишь дергающаяся гримаса. Налётчики довольно ухмыльнулись — всё шло по неписанному плану. Один из них медленно, держась на почтительном расстоянии, обошёл жертву и подпёр собою дверь дома.

— Да вы, шпана, не с тем связались! Я всех вас знаю! И ваших матерей! Ох, тяжело им будет тащить продырявленные тела! — трясущейся рукой он выхватил нож и зачем-то поднял над головой.

Пора! Заученным движением, напоминающим танцевальный элемент, Аваро перекинул средний палец на указательный, превратив L в крест. Он считал про себя: раз, два, три... Не минуло и двенадцати, как вдали послышались гул голосов и топот. Земля под ногами вибрировала. Из-за холма высыпало не меньше сотни бегущих что есть мочи существ: мужчин, женщин, детей, собак.

— Что?? За что?!! — ошалелый Трошпар не мог пошевелиться, челюсть ходила ходуном, в глазах читалось отчаяние.

— Ты знаешь свой грех! Нашей вины тут нет! — пафосно и оглушительно громко возвестил предводитель шайки.

Толпа приближалась, истошно ревя и беснуясь. Трошпар насилу очнулся, бросил палку, сжал лезвие ножа в ладони так, что кровь окрасила рукав, и, спотыкаясь, путаясь в собственных ногах, помчался от дороги к полю. Провокаторы дали ему фору — дожидались остальных, как и предписывал обычай.

Аваро наблюдал гонку не в первый раз, но когда чудовищная волна сравнялась с его укрытием, невольно припал к земле и закрыл голову руками. Он был уверен, что его растопчут и разорвут на куски. Когда парень решил подняться, процессия была уже далеко — только дорожная пыль застилала глаза и забивала ноздри. Трошпар стал крошечной чёрной точкой на горизонте, а после исчез насовсем.

В голове Аваро билась лишь одна сумасбродная мысль: "Бежать! Я следующий!" Но куда? Найти спасение в родных стенах он рассчитывал меньше всего, но, так ничего и не придумав, поплёлся домой, весь грязный и расцарапанный.

По дороге он размышлял об отце. Как кстати сейчас пришёлся бы совет зрелого, мудрого мужчины... Если б только его не поглотили так рано! От отца осталось, пожалуй, только имя — Виандо. Когда парнишка достиг сознательного возраста, Виандо был уже слаб и подавлен: безногий, однорукий и отчуждённый. Поглощать его было совсем не весело: это происходило так медленно, размеренно, буднично, что ни он, ни мать не сумели прочувствовать должной радости от вкуса. Выходит, страдания отца были напрасны? Он не успел ничему научить сына, не нашёл сил для любви к жене. Зато исполнил свой долг сполна без страха и ропота. Теперь Виандо — часть Аваро и Ины. Но почему же они не слышат в себе его голоса, когда он так нужен?!

В Фосе мало кому жилось легко, но Ина едва справлялась с тем, чтобы запасов хватало на зиму. Аваро старался помогать матери: варился, насколько хватало терпения, в общинном котле, вспахивал земли вождя, участвовал во всех состязаниях и облавах — нет-нет да урывал для неё кусок мяса. В эти моменты она смотрела на него, как на божество, точь-в-точь как некогда на Виандо, отчего парню становилось не по себе.

Ина встретила его на пороге.

— С пустыми руками?! — протянула она удивлённо. — И почему самый быстрый бегун в округе внезапно на вторых ролях?

— Хотел бы я знать. Может, утратил доверие.

— Чушь! Полнейшая. Нет ни единой причины. Но ты должен был им показать, что прирождённый загонщик везде поспекает.

— Прости, запутался в кустах колючки и упустил момент сесть на хвост. Я быстрый, но не слишком дальновидный.

Она заботливо улыбнулась и вытащила репейник из курчавых волос сына.

— Неудачи случаются. В следующий раз хоть немного задействуй ноги. Сигнальные всегда найдутся.

— В следующей гонке добычей буду я.

— Это ваше юношеское чувство юмора...

— Я серьёзен как никогда.

— Что ещё за выдумки?! Ты же отзывчивый мальчик, помогаешь маме и соседям, вождь тебя любит. Никому и в голову не придёт гнаться за тобой.

— Сама посвятила меня в тонкости древних обычаев — теперь пожинай. Нет выше чести, чем добровольная жертва. Я не стану ждать, пока меня подкараулят, окружают и зарежут, как свинью.

— Ты слишком торопишься! — Ина начинала злиться. — Мы должны держаться друг за друга, без тебя мне конец! Помочь племени почётно, но не бросать же ради этого мать на произвол судьбы? Оставь добровольные жертвы сиротам да бесплодным.

— Я не отец. Не по мне годами чахнуть и терять искру жизни, откупаясь конечностями. Я предпочту уйти красиво и ярко, как это делали предки. Не бойся, жители о нас не забудут. Попрошу вождя сохранить для тебя часть плоти и быть благосклонным в дальнейшем — его долг беречь родных добровольцев.

— Ты и впрямь не видишь дальше своего носа! — воскликнула она в исступлении. — Молодой и глупый. Брось свои заморочки и послушай меня!

— С чего бы? Ты-то далека от праведности. В забегах давно не участвуешь, соседям пользы от тебя нет. А вспомни Амему! Она пошла на жертву ради сына. Я же не прошу тебя поступить так же. Молю лишь не мешать и не судить.

— Вот как ты заговорил! Что ж, ты прав. Кто я такая, чтоб запрещать что-то самоотверженному герою, с наскока познавшему истинную суть традиций?! Когда-нибудь, возможно, я буду гордиться храбростью сына, но сейчас — исчезни с глаз моих.

Аваро отправился спать во двор. Расположившись на сплетённой руками отца циновке, он устремил взгляд на звёзды — хотел впитать в себя всю безразличную к живым красоту, заразиться этим безразличием, проникнуться до тёмных глубин естества. Скоро он растворится и будет наблюдать за мерцающими огоньками из сотен других глаз. Увидит ли он то же самое? Будут ли звёзды всё так же прекрасны?

Результатом долгих и тягостных ночных раздумий стало то, что Аваро подрых до обеда. У калитки он столкнулся с загадочно ухмыляющейся Иной.

— Где ты была?

— Прогуливалась. Его геройство опять всё проспали.

— Как это понимать?

В ответ она издевательски подняла брови и горделивой походкой направилась к дому.

Аваро со всех ног ломанулся к вождю, предчувствуя неладное. Он долго стучал в дверь, но никто не отзывался. Играющие в ухоженном саду дети показывали на него пальцами и хихикали. Полный досады, он упрямо сел на крыльцо.

— Рано или поздно Гвидо появится! — успокаивал он себя. — Я не отступлю.

Время тянулось медленно, солнце еле плелось по небу. К Аваро подкрадывались мысли: "Может, к бесу всё? Пусть идёт своим чередом. Я слишком много на себя беру". Но он продолжал сидеть. Уйти сейчас было бы малодушием.

Часа два спустя дети стали собирать игрушки. Одна из девочек подошла к Аваро.

— Он до-о-ома, глу-у-у-пый. Но он тебя не при-и-и-мет, — сказала она нараспев.

— Тебе откуда знать, малявка?

— Он же во-о-о-ждь, а ты оборва-а-анец, — и тут же ускакала вприпрыжку, опасаясь отхватить тумачков.

Аваро решительно поднялся и с удвоенной силой принялся колотить по двери и оконным рамам. Он знал, что ему не хватит твёрдости караулить ещё один день.

— Гвидо! Гвидо! Прошу, дай мне поговорить с тобой! Что она тебе наплела? Ты же мудрый человек — рассуди по справедливости!

— Эта дверь из векового дуба. Если сломаешь её, не сможешь восстановить. Дубов много, но такого, как этот, уже не будет.

Гвидо шёл по тропинке от реки с удочкой под мышкой. На дне ведра трепыхалась одинокая крошечная рыбка. Он поднял её двумя пальцами и брезгливо бросил на землю. Дремавший на солнце кот оживился. Он понюхал рыбёшку, шлёпнул её лапой и потерял всякий интерес.

От неловкости Аваро попятился и поспешил отвлечь от себя внимание.

— Плохой клёв?

— Отчего же, отличный. Я выпустил их назад. Ты же знаешь, я люблю мясо.

— Могу я с тобой поговорить?

— Ина предупредила, что ты придёшь, — в голосе зазвучали нотки раздражения.

— Что она рассказала? Ты должен услышать всё от меня. Ей нельзя доверять.

— Это не твоего ума дело, сопляк. Кем ты себя возомнил? Помни, к кому обращаешься.

Аваро словно кололи ножами, при этом лицо Гвидо было хоть и грозным, но совершенно спокойным. Пришлось взять себя в руки.

— Я жду твоего решения.

— Жди.

С таким поражением смириться он был не готов и предпринял последнюю попытку.

— Гвидо! Жертва — единственное, что спасёт меня! Я начал сомневаться — позорный страх поселился внутри. Ты проницательнее всех, от тебя не скрыть эти перемены. Нельзя откладывать поглощение. Спаси мою душу, пока она не разложилась.

— Я и помыслить о таком не мог... — вождь недоверчиво нахмурился. — Ты полезен всем нам, соплеменники тебя ценят — такой талант рождается раз в столетие. Мы всегда считали тебя преданным, отважным, готовым накормить собой страждущих. Какое горькое разочарование!

— И для меня! Но я чист перед тобой. И вижу лишь один выход.

— Я буду пристально наблюдать. Держись поближе ко мне: когда момент настанет, я сообщу.

— Будет поздно! Я убегу! Сегодня же, если не получу одобрения. Ты же знаешь, я самый быстрый. Только от толпы невозможно убежать.

— Угрожать смеешь?

— Нет! Но страх во мне силён! Что если я не совладаю с ним?

Гвидо тяжело вздохнул.

— Я возлагал на тебя большие надежды. Но ты заслужил достойной смерти. Я поглощу тебя с благодарностью. Через пять дней. Готовься.

Аваро радостно поклонился и помчал домой, но уже на полпути внезапно обессилел и повалился на мох под раскидистой липой. Только сейчас он осознал, что натворил.

2

Аваро туго затянул шнурки ботинок и заправил их как можно глубже. Играть в поддавки он не собирался.

"Вам придётся попотеть ради такого свежего мяска".

Он презрительно плюнул на обочину. Как ни старался, успокоиться не получалось. Дрожать заставлял не столько страх, сколько безумный азарт, смешанный с беспочвенной яростью.

"Скорей бы старт. Ждать невыносимо. Тело рвётся вперёд, а мозги буксуют".

Вспомнился Трошпар. Чувствовал ли он что-то подобное? Он явно хотел жить. Утешало лишь то, что мать наконец смирилась, не стала душить слезами. Утром она пообещала чтить Аваро так же, как чтит все эти годы отца, но наблюдать за гонкой отказалась.

Сигнальным поставили главаря четвёрки, выманивавшей Трошпа. Бугай не меньше других был удивлён выбором мишени: на его памяти охота велась только на старых и слабых отшельников. Когда же дело коснулось парня младше его самого, к тому же по всем пунктам удобного, растерял дежурный запал.

Аваро избегал смотреть в глаза фосцам. Жажда плоти легко читалась в улюлюкающих и шипящих звуках, которые они издавали. Лишь вождь сохранял привычное обличье и ободряюще сжимал плечо парня.

— Сегодня ты обретёшь вечность. Мы переварим тебя так же, как переварили отцов, так, как переварят нас дети, а тех внуки.

"Не проверяет ли он, часом, жёсткость моих мышц?" — предположил про себя Аваро и ухмыльнулся. "Это всё очень забавно, если представить, что происходит не со мной. Так и буду думать. Это не я. Это лишь сосуд. Я такой же погонщик, я часть племени, я догоняю".

В первых рядах он увидел лицо своего главного конкурента во всех забегах.

"А ведь пару раз ему удавалось меня обогнать. Не опозориться бы напоследок".

Церемония затягивалась. Как оказалось, мало кто из жителей сразу поверил новости. Большинство спохватилось в последний момент, но и те, и другие загорелись поучаствовать. Жертвовали собой нечасто: старшие не насчитали и десятка раз на своём веку, но каждый чётко отпечатался в их памяти.

Аваро знал, что сначала его погонят по дороге, после — через поле, за которым река. Если поплывет — окружат на лодках, проткнут гарпунами. Чаще добыча бежит вдоль берега, утыкается в излучину, и там её настигают. В детстве, когда ещё не мог в неё влиться, Аваро развлекался, наблюдая с пригорка за толпой: она глупа даже по меркам ребёнка, маршрут предсказуем и повторяется из раза в раз.

"А вдруг мне хватит скорости безнаказанно свернуть от них к другому полю, за которым лес? Так намного интереснее. На незнакомом маршруте, тем более через дебри, они

наверняка замедлятся. Долг жертвы я выполнил. Пусть выполняют долг охотника и как следует поработают. Моя гонка должна быть незабываемой".

А всё-таки лес был очень далеко, их разделяло не меньше часа бега. Доброволец не сомневался в своих ногах или лёгких, но боялся, что за столь долгое время план раскусят и захватят его в кольцо.

Знать бы ещё, что за лесом. Он всегда казался бесконечным — заплутать ничего не стоило. Старожилы отвечали, что дальше поля да деревни в пару домов с буйными обитателями — точно как здесь.

Подтянулась последняя семья. Знак готовности был подан. Вождь медленно вскинул руки, зловеще улыбнулся и синхронно с сигнальным скрестил пальцы. Гонка началась.

Жертву от толпы отделяло метров десять, не больше. Оттолкнулся Аваро неудачно: нога слишком сильно уехала назад на мелком гравии. Послышался довольный смешок. Он знал, что нельзя оборачиваться, пока не удастся сменить направление; летел со всей возможной прытью, но казался себе жалкой улиткой. В тренировочных забегах Аваро всегда чувствовал, где соперник, и это помогало понять, когда кидать все силы на разгон, а когда можно дать ногам отдохнуть. Юноша стал прислушиваться к рокоту толпы, но звуки по-прежнему оглушали, словно ему вопили прямо в ухо. Нужно было тщательно продумать резкий поворот — неверный угол грозил столкновением с левым флангом преследователей.

Всё детство он бегал на дальние дистанции, бегал на время, бегал часами напролёт, но сегодня вера в мощь тела его покинула. Бежать под одобрительные возгласы "давай, поднажми" куда легче, чем что под хищное рычание. Что одна воля против сотни?

Преследуемый обозначил себе одинокое дерево впереди как точку, после которой нужно сменить курс. Это был единственный способ преодолеть страх совершить непоправимую оплошность: просто сделать, а дальше будь что будет. Он поднажал в надежде оторваться и неудачно ступил на кочку. Подвёрнутая нога заныла, но снисхождения хозяина не удостоилась. Десять метров до дерева, пять метров, один... Вот он пронёсся мимо. Дерево осталось далеко позади, а он всё так же летел по прямой.

"Рандо! Сейчас!"

Аваро продолжал бежать к реке. С ногами творилось странное — ими будто командовал кого-то другой.

"Вот почему жертвы действуют так бестолково! Чем дольше тебя гонят вперёд, тем тяжелее отклониться хоть на деление циферблата".

Он рискнул оглянуться назад — загонщики бежали разрозненным строем. Плотный костяк ещё даже не приблизился к дереву, пара охотников вырвалась чуть вперёд и попыталась зажать его с боков. Лишь главный конкурент Аваро во всех забегах — Энвио — был в трёх метрах и тщетно пытался сократить разрыв.

"Это удачный момент. Другого не будет. Пусть даже он меня настигнет, пусть повалит на землю. Но он один, с одним я совладаю. Ударю так сильно, что не встанет. Я успею".

Он не дал себе опомниться. Страх отступил перед созревшим планом.

Два соседних поля разделяла поросль высотой всего по пояс, но густая и колючая. Уже поворачивая в её сторону, Аваро осознал, что перемахнуть в прыжке не выйдет.

"Перелезть секунд пять, если себя не щадить. На повороте Энвио считал ворон, но теперь он в полной готовности. Драки не избежать".

Соперник подотстал и что-то кричал вслед, но слова доносились неразборчиво. Перед кустами Аваро пришлось остановиться. Он резким движением отогнул ветки, перевалился

корпусом на другую сторону и принялся подтягивать ноги. Развязавшиеся шнурки предательски обвилились вокруг шипастых побегов — беглец дёргал и гнул со всей силы, но гибкая молодая поросль отказывалась ломаться.

"Это конец! Без ботинок далеко не убежишь. Распутывать нет времени. Какая нелепица, какой позор!" — пронзали отчаянные мысли.

Энвио нагнал жертву и схватил за торчащую ногу, но как-то слабо и нехотя.

— Что ты делаешь? Я думал, это добровольный забег. Тебя заставили?

— Отпусти сейчас же, дубина! — Аваро попытался врезать загонщику второй ногой по челюсти, но длины шнурка на пируэт не хватило. Энвио лишь сочувственно улыбнулся.

— Прощу, отпусти, они вот-вот будут здесь! Я же самый быстрый! Этот забег не должен быть таким, как все прочие! Позволь мне запомниться, — голос Аваро звучал настолько плаксиво и жалко, что он исполнился ненависти к себе.

Энвио наступил на ветку, удерживавшую добычу, и, покраснев от натуги, сломал пополам.

— Но ты тоже запомни: теперь я самый быстрый.

Аваро тут же вскочил, кивнул и резво понёсся через поле, а Энвио всё стоял, в растерянности наблюдая, как тот стремительно приближается к линии горизонта.

Живая изгородь надолго задержала охотников. Аваро видел вдали лишь пару силуэтов и позволил себе сбавить темп. Нестерпимо ныло в боку, тупая боль терзала подвёрнутую стопу, об череп словно бился изнутри десятков мотыльков.

"Ещё шаг, ещё, ещё один маленький шажок".

Лес уже маячил перед ним, предлагая уйму возможностей: залезть на дерево, забиться в покинутую нору, скрыться в чаще или ступить дальше в неизвестность. Но был ли в этом смысл? Он затеял гонку не для того, чтобы осрамить себя и свой род.

"Без воды придётся совсем туго. Где я найду её в лесу? Когда же, когда мне сдать? Ночью? К утру? Отдохнуть в ожидании следующей погони? Просто выйти к ним на растерзание? Да ни за что! Нужно вымотать их. Но я вымотаю и себя. Умру, как лошадь в мыле".

Троп в лесу не было — никто не ходил здесь, и деревья беспрепятственно топорщились во все стороны, свиваясь ветвями. Аваро пригнулся и первые двести метров пытался бежать, выписывая зигзаги. Как оказалось, напрасно: следов на покрытом листьями мхе не оставалось. Он ещё слышал окрики загонщиков, но никакого хруста и постороннего шелеста. Сообразив, что двигаться бесшумно важнее, Аваро перешёл на осторожный шаг.

Он брёл и брёл. Ни малейшего просвета, ни единой полянки. Срывал и грыз сочные травинки в надежде, что это поможет усмирить жажду. Чуть не наступив на змею незнакомого окраса, беглец отпрыгнул в ужасе, но затем тихо посмеялся над собой.

"Чего тебе бояться, дурачок?"

Он не знал, сколько прошло времени, лес казался бесконечно повторяющимся. Мучительная жажда затмила боль в теле.

"Может, я хожу кругами? Так хорошо запутывал следы, что сам запутался".

Деревья выглядели совершенно одинаковыми — глазу не за что зацепиться.

"Что ж, пусть лес решит мою судьбу. Я слишком устал".

Остановился, прислушался.

"Вроде ничего, даже странно. Их там полсотни, а так тихо. А это что..."

Раздался лязгающий звук — слабый, едва уловимый. Что-то металлическое. Звук

повторялся через разные промежутки, но следовал особому ритму. Так и не поняв его природу, парень поплёлся вперёд. Листья колыхались, срывались и били по лицу, лезли за шиворот.

"Точно! Звук возникает при порывах ветра. Поблизости должно быть рукотворное строение, что-то вроде заброшенного дома лесника с флюгером".

Лязг становился громче, а лес мало-помалу расступался. Аваро вышел на широкую мостовую, по которой запросто могла проехать телега, а то и две, только совсем недолго. Длинной дорога была метров пятнадцать и обрывалась идеально ровными линиями, будто её аккуратно отрезали ножницами с обеих сторон. Вдоль проходила одинокая, местами покосившаяся, но высокая стенка забора. С одного из колышков свисало блестящее лошадиное стремя — оно-то и зазывало Аваро. В десяти метрах за забором лес продолжался, становясь ещё гуще и непроходимее.

"Хмм, откуда стремя? Верхом по этому лесу не продраться".

Но его внимание уже целиком поглотила дверь. Не калитка, которую ждёшь увидеть при любом заборе, а именно высоченная массивная дверь. Краска местами облупилась, но всё ещё привлекала взгляд ярчайшей лазурью посреди желтеющей глуши. На древесном полотне были искусно вырезаны диковинные узоры. Начертать их человек мог разве что с закрытыми глазами: напрочь отсутствовали понятные разуму симметрия, повторяемость, соразмерность, и в то же время линии были плавными, скруглёнными и выверенными. Некое сходство прослеживалось только между ближайшими друг к другу завитками, далее оно размывалось так постепенно, что выявить начало и конец трансформации казалось невозможным.

Аваро не удержался и потянул дверь на себя. Она легко поддалась, даже не скрипнув петлями. Парень застыл в смятении и миг позабыл о гонке: за дверью шёл снег.

— Я сплю?! — замороженно прошептал Аваро, отпрянув.

Он обошёл забор, но с другой стороны снега и в помине не было. То, что он наблюдал за дверью, определённо находилось в иной действительности.

Парень без сил опустился на кочку напротив и уставился в проём, как на живую картину, хотя сюжет не слишком его прельщал. Тоже лес, но другой: серый, полуголый, редкий. Снег падал и таял, но сырой холодный ветер долетал до лица Аваро. Донеслось и журчание ручейка, которого отсюда видно не было.

В оцепенении от встречи с чудом беглец совсем потерял счёт времени, но точно знал одно: не важно, пошли ли загонщики всей гурьбой, или отправили пару лазутчиков — скоро его обнаружат.

"Вдруг не догадаются открыть дверь? Пересажу внутри, если это не мираж. А после? Вернуться и обосноваться в лесу? Есть мышей и подворовывать остатки посевов с полей? Мать... не простит меня. Спокойной жизни ей не дадут".

В глубине леса послышался подозрительный гул, и Аваро вмиг отбросил раздумья — юркнул за дверь и второпях захлопнул её слишком громко. Он огляделся. По эту сторону был такой же забор, словно под линейку обрезанный кусок дороги, но небо, воздух, земля — всё казалось новым, волшебным, хотя и совершенно не гостеприимным.

Лёгкая одежда Аваро ещё не просохла от пота, и он быстро продрог. Журчание вывело к речушке — упав на четвереньки, бедняга принялся лакать ледяную воду прямо из русла, как дикий зверь. Спасти от ооченения мог лишь добротный костёр, что первым выдаёт любого беглеца. В тот момент это было неважно: Аваро охотно продал бы все непрожитые годы за один час покоя.

Хворост попадался сырой, подгнивший, пришлось свернуть к полысевшей роце. Краем глаза парень заметил движение и, резко обернувшись, увидел вдалеке полную женщину в платке и с корзинкой. Похоже, она подглядывала за ним давно, и её насупленные брови не сулили ничего хорошего. Спohватившись, она засемила в сторону от ручья. Аваро подождал немного, и, бросив хворост, отправился по её следам. Он предусмотрительно держался поодаль, ступал бесшумно, старался сливаться с ландшафтом, хотя женщина даже не думала озираться и, запыхавшись, вышагивала размеренно, неторопливо.

Через добрый километр она вывела его к скромной деревушке домов в тридцать, совершенно не похожей на Фос: дворы тесные и голые, цоколи высоченные, стены из тёмных гниющих брёвен, зато заборы и ставни разукрашены во все цвета радуги.

"Захолустье," — предвзято резюмировал Аваро.

Совсем озябший, он уже с трудом разгибал пальцы. Женщина прошла в один из дворов, не затворив за собой калитку. Нарочитая рассеянность выглядела как приглашение, но Аваро опасался новых знакомств. На улице стало тихо и пустынно.

Парень обошёл деревушку со стороны огородов. Земля неплодородная, скудный урожай собрали с месяц назад. Он подкрался ближе к окраинному дому, из трубы которого не струился дым. Поглядел в окна — вроде никого. Засунув совесть поглубже, Аваро подтянулся и перелез через забор.

"В конце концов, сегодня день моей смерти. Имею право делать, что хочу".

Он воровато поднялся на крыльцо и повернул ручку двери — заперто.

Напротив дома стоял покосившийся сарай: тёмный и сырой, он всё же давал защиту от беспощадного северного ветра. Стоило пустовало и в тот час казалось роскошным ложем. Пошарив руками почти вслепую, Аваро обнаружил над привязью грязную рваную попону. Сгрёб в кучу всю солому с пола, два раз обернул попону вокруг тела и зарылся в импровизированное гнездо. Через пару минут пришло облегчение: руки понемногу оттаяли, дрожь прекратилась, но угнетали пустой желудок да переполненные мозги.

"Почему я здесь оказался? Таков и был мой план?"

Он проснулся без малейшего представления, какое на улице время суток. Всё случившееся накануне заволокло пеленой, разум отказывался верить столь радикальным переменам: теперь он не послушный мальчик, не герой, не жертва, а трус, лжец и предатель.

Аваро повязал на себе попону наподобие плаща и тихонько отворил дверь сарая. Ноги жутко ныли, ощущались первые признаки простуды, но при виде борющихся с тяжёлыми тучами лучиков солнца он почувствовал себя счастливым. Не терпелось раздобыть еды и всё разузнать об этом месте.

"К чёрту прошлое. Есть только здесь и сейчас".

Пригнувшись, он пересёк двор и припал к щели забора. За полчаса слезки услышал на дороге несколько женских голосов, жалующихся друг другу на погоду, и досконально изучил коровий бок.

"Сожрал бы целую сырную голову! Идти попрошайничать? Но что сказать? Кто такой и откуда... Нет уж. Лучше держаться от людей подальше. Женщина шла с корзиной из леса — где-то могли остаться грибы".

Он решительно двинул в сторону огорода, чтобы обогнуть деревню, но внезапно остолбенел. Из окна дома за ним наблюдали. Рассмотрев лицо, незванный гость пришёл к себе. Это была девочка, во взгляде которой читалось лишь оживлённое внимание. Чтобы не вызвать в ней тревоги, Аваро выжал из себя улыбку и помахал рукой. Девочка взволнованно улыбнулась в ответ, смутилась и скрыла лицо занавеской.

Вторженец поспешно отступал, но не успел преодолеть и половины двора, как дверь дома распахнулась. На пороге стояла темноволосая женщина чуть младше сорока.

— А, это ты ночевал в нашем сарае? — голос звучал строго и в то же время равнодушно, словно всё это было ей не в новинку.

— Я... заблудился, замёрз. Простите.

Она понимающе кивнула.

— Зайди в дом, — приказали ему.

Внутри было довольно чисто, мебель старая, потёртая, словно из другой эпохи, всюду ковры, вышитые подушки, картины цветов и фруктов в вазах. С внешним убранством резко контрастировал отвратный, затхло-гнилостный запах.

Оказавшись позади женщины в узком проходе, Аваро заметил, как странно развеивается рукав её платья. Вместо левой руки была пустота.

"И здесь то же самое! Надо быть начеку".

Она будто спиной почувствовала встревоженный взгляд.

— Думаешь, сладко растить дочь в угасающей деревне? Земля — дрянь, корячишься-корячишься, один горох всходит. Скотина выручает, но и ей корма нет. Зимы долгие-предолгие. Корову сразу резать жаль, с неё ж тысячи литров за жизнь надоятся! А без мяса ребёнку нельзя...

— Где ж ваши мужчины?

— Были да кончились, — гаркнула она раздосадованно. — Во всей округе. Новых, своих, а не заезжих, боги давать не хотят: у кого мальчишки нарождались, все до пяти лет в землю и возвращались. Не то проклятие, не то хворь привередливая — девкам-то хоть бы хны.

Хозяйка усадила Аваро за стол, достала мешок ячменных сухарей, склянку молока, треугольник сыра; выдала тарелку и кружку из красивого сервиза, а сама спустилась в подвал.

Парень, не дожидаясь её, накинулся на угощения, но аппетит подпортило усилившееся зловоние.

— Брусничное варенье. Вернёт силы. Ешь как в последний раз: караван с сахаром да мукой раньше весны не придёт, — она протянула ему баночку и захлопнула люк. — Жуй и расспросами меня не мучай, я тоже не буду. Мы радушны к чужакам, многие к нам приходят из других мест, бывает, что и остаются. Есть тут дом ничейный — живи хоть год, хоть три, помогай малость по хозяйству. Будешь сыт, одет, обогрет, ну а после... После отплатишь, как полагается.

Аваро кивнул с набитым ртом. Он порядком приуныл, но не подал виду.

"Везде одинаково, куда ни отправься. Волшебная дорога не всегда ведёт в сказочную страну".

Аваро осматривал свой новый дом. Две крохотные комнатки, переживший явно не одного хозяина шкаф на толстых изогнутых ножках, диван с выцветшей обивкой, шатающийся исцарапанный стол. Сколько людей ютилось тут до него? Что с ними теперь? Перевернув табурет, он увидел вырезанное ножом имя. Читалось оно с трудом, что-то на "М".

"Зато тепло, и я здесь один".

В шкафу, кроме драных свитеров, обнаружилось довольно приличное пальто из чёрной шерсти — парнишка не удержался и примерил. Безнадёжно висело, но смотрелось лучше грязной попоны.

— Я же человек, не лошадь! Точно не осёл, — произнёс он вслух и с тяжёлым вздохом прикрыл глаза.

Аваро умылся в корыте, пригладил руками волосы и вышел поглядеть, не происходит ли чего эдакого на улице. На дороге было пустынно. Обрывками доносившиеся из соседнего двора пересуды зрелых дам его не заинтересовали. Парень вернулся в дом за ржавым ножом и ведром с обмотанной ручкой.

"Поохочусь на грибы — себе приготовлю и хозяйке занесу. Нельзя быть в долгу перед кем-то, особенно если это властная женщина".

По пути он увидел играющих на опушке детей. Семеро, исключительно девочки, до смешного шарообразные из-за бессчётных слоёв одежды. В выражениях лиц, движениях, голосах чувствовалась напускная загадочность, отчего игра со стороны напоминала ведьминский слёт или собрание тайного ордена.

— Эй, мужчина! Мужчина! На секундочку, — крикнула самая дерзкая и рослая из них.

— Мне бы успеть вернуться до темна и не с пустым ведром.

— Пять минут, — она деловито настаивала на своём, — и я скажу тебе, где целое море грибов.

— Заманчиво... Так что делать?

— Садись, — она указала на пенёк посреди опушки. Аваро подчинился, а девчонка отошла пошептаться с подружкой. От сомнительного удобства кресла филейная часть начинала подмерзать, и парень в нетерпении встал, чтобы уйти, но интриганка вовремя спохватилась.

— Выбери из нас главную!

— Может, сами проголосуете? Я впервые вас вижу, вдруг ошибусь.

— Представляешь, все голосуют только за себя, а тебе нет нужды кому-то подыгрывать, значит, выберешь честно.

— А зачем вам главная? На войну собрались? Или в отряд копателей картошки?

— А для всего. Мало ли. Зачем на каждый случай выбирать заново? Главная будет придумывать, чем нам заниматься. И все будут её слушаться.

— Думаешь, одна девчонка будет всегда и везде права?

— Конечно. Если только она самая лучшая. Вот и выбери.

— Тааак... Ну и задачку ты мне подкинула. Пожалуй, справедливо, если главной будет самая старшая. Она смышлённее: больше знает о мире, убережёт от опасностей. Я так понимаю, это ты.

— Нее, самая старшая Ло. Эй, иди сюда!

Из-за спин показалась светловолосая девочка вроде бы и вышедшая из ребяческого возраста, но до того низенькая, что, обращаясь к ней, Аваро приходилось горбиться и опускать подбородок. Это была дочка однорукой вдовы.

— Привет. Мне сказали, ты самая взрослая.

— На два месяца старше Регды, — сказала она с пренебрежением.

— А так и не скажешь. Ну что, готова стать главной?

— Это так смешно! Никак не могу перестать хихикать. Особенно, глядя на твоё пальто. Тут же пуговицы не хватает! На, возьми.

Она сняла с себя и протянула парню брошку. Ничего ценного: красноватый поделочный камень, — один из тех, что можно всюду найти под ногами, — окантованный потемневшим сплавом серебра.

— Не надо лишать себя радости посмеяться, — уязвлённо отчеканил Аваро и подарок не взял.

Ло закатила глаза, встала на цыпочки и сама приколотла брошь на место отсутствующей пуговицы. Потрёпанное пальто внезапно приобрело изящный вид, даже напомнило колдовскую мантию из сказок. Дочка вдовы задумчиво отошла на два шага назад, оценивая результат, а Регда тут же подтянулась как можно ближе к уху избирателя.

— Подкупает тебя, ага. Она, конечно, старше, но ты же видишь: нисколько не умная. Взбалмошная даже. Я как-то с ней вдвоём ходила, так она меня в болото завела. Сама смеялась, что ерунда, и так даже интереснее, а я еле вылезла оттуда. Так бы и лежала на дне болота, а матушка искала бы — искала, да только Ло бы никогда не призналась. Это точно. Я вот не такая. Всякий подтвердит.

Аваро порядком утомился от тараторящего шёпота и влажного дыхания, от визгов и будто бы случайных толчков других девчонок, которым уже наскучила игра в выборы — куда охотнее они гонялись друг за другом и прятались за долговязым туловищем, как за деревом.

— Регда, поздравляю, ты главная! Самая бойкая и упорная. Пока этого достаточно. Подрастёте, выберете по новой. Я пошёл. Только дорогу покажи.

Девочка засияла от самолюбования, полезла обниматься, в прыжке чмокнула в щёку, но в конце концов объяснила, куда идти. Она не обманула: и часу не прошло, как ведро до краёв наполнилось душистыми белыми грибами. Оконечность рощицы проходила заманчиво близко от волшебной двери.

"Туда и мигом назад. Разведая, чтобы больше не вздрагивать по ночам".

Новых следов вокруг не было. Дверь выглядела такой, какой он её оставил, но отчего-то захотелось проверить, не исчезла ли магия. Он взялся за ручку и аккуратно повернул. В тот же миг послышался злобный рык — Аваро в ужасе отпрыгнул и приготовился бежать. Дверь затряслась от сильного удара с той стороны, но так и не открылась.

— Я слышу тебя, паршивец! Из-за тебя тут четыре часа торчу! И ещё четыре до конца караула! Домой хочу, феторон! Немедля дуй сюда, псина трусливая.

— Так что тебе мешает открыть дверь и схватить меня? — вызывающе бросил Аваро.

— Гвидо запретил. Это не наша земля, нечего нам там делать. Вернись туда, где был рождён и вскормлен! Не дождёшься от чужаков распростёртых объятий и лёгкой жизни.

— Откуда тебе знать?! Заткнись и передай другим: я не вернусь. Гибель бессмысленнее жизни, это даже я понимаю.

— Здесь мать твоя, сейчас её приведут. Полдня посреде чащи тебя дожидается. Не обедавши, между прочим! Слабо выйти и глянуть ей в глаза?

— Я уйду, — но сам отошёл всего на пару шагов от двери и затаился.

"Используют её, чтоб тебя выманить. Не поддавайся, будь стойким" — внушал он себе.

— Аваро, сын, ты там? Я всё думала: ну не мог он всех надуть, на него это не похоже! Всегда был честным, даже чересчур, пусть и упрямым, но великодушным. С малых лет бегал, что юркий оленёнок, истирал ноги в кровь, чтоб только радовать нас новыми рекордами. Ты, наверное, поранился, не мог вернуться? Что-то помешало? Да что ж ты молчишь, выходи к нам, мы поможем, со всем разберёмся. Гвидо уже остыл.

— Слушай внимательно, мама. Ничего не исправить. Ты должна напомнить Гвидо, что изначально была против гонки, что ты тут ни при чём. Он сам не послушал, принял мою сторону. Это только между ним и мной.

— Прекрати, ты же ещё неразумный мальчишка! Повинишься перед вождём, заложишь руку через пару лет. Ну подразнит тебя мелюзга, да и забудет. Всё будет, как раньше.

"Ах, всё-таки виды имел на мою руку, гад!" — промелькнуло в голове у Аваро.

— Как раньше не смогу. Буду обживаться здесь, за мной уже долг. Хоть где-то проявлю порядочность. Если сбегу и отсюда, за мной могут прийти. Здешние воины жестоки, не хочу навлечь их месть на Фос.

— Что ты говоришь, воины? Скорее беги домой. В Фос они не сунутся, а если сунутся — пожалеют! Сама оружие в руки возьму!

— Ина, это уж не тебе решать, — в разговор вмешался наглый сторож, — мальчишка не стоит таких хлопот.

— Тогда я иду к тебе, сын! Старую женщину воины не тронут. Буду тебе помогать отработать долг, а после вместе вернёмся в родные края.

— Ты-то куда собралась?! Гвидо наказывал порог не переступать, самим не открывать. Ни при каких обстоятельствах. Точка.

— Мама, если они посмеют тебя обидеть — сразу беги сюда, но пока тебе лучше остаться. Ты ведь срослась с Фосом, не представляешь без него жизни. Эта дверь приведёт тебя к страданиям.

— Она уже привела! — мать с силой дёрнула ручку, но её, по всей видимости, оттащили.

— Ина! Возьми же себя в руки! — послышался крик сторожа.

— Будь спокойна за меня. И не думай, что я тебя забуду. Может, когда-нибудь я вернусь, но обещать не могу.

Аваро расслышал сдавленные рыдания.

— Ина, отойди подальше! Вдруг воины уже на пороге! А нас здесь только трое, между прочим. Проклятый шкет, всё из-за него...

После нарастающего яростного рёва дверь насквозь прошили зубья вил.

— До встречи, мама.

Ему уже не ответили. Все звуки Фоса разом умолкли.

Аваро жил в затерянной деревне под названием Анатри уже четыре месяца и знал всех обитательниц поимённо. От нравов местных матриархов глаза его почти не слезали со лба. В отсутствие мужчин анатрийки часто вели себя мужиковато: гордо таскали тяжести, донашивали мужскую одежду, сквернословили, пили, дрались, но не только это отличало их от жён и матерей родного, хотя и потускневшего в памяти, морочного Фоса. Аваро привык, что женщины уповают на мужей, пока те живы, и почитают, даже возвеличивают после того, как жертва принесена. Косясь на соседок, он всерьёз задумывался: а не исчезает ли всякая женская слабость и кротость в тот миг, когда скрывается из виду мужчина-свидетель? Местные были напрочь лишены признательности поглощённым супругам — сама жертва перестала в их устах быть чем-то трепетным, превратившись в обыденность. Женщины охотно расставались с конечностями, чтобы побаловать малышей сытной пищей, некоторые готовились к полному поглощению, чуть только отпрыски на ноги встанут. Обесценилась всякая боль: и мужская, и женская, и седая, и юная.

К счастью, девушек в цвете лет здесь были единицы, хотя Аваро думал об этом с эгоистичным сожалением. Поначалу ему не давал покоя прищур и смешливый голосок Рив — хорошенькой девицы лет на пять постарше, но та была увлечена заботами о дочке и видела в парне одни лишь рабочие руки. Он счёл дозволение любоваться смазливой мордашкой пару минут в день смешной платой за многодневную починку прогнивших полов и демонстративно обиделся на неё. Зато женщины немногим младше Ины, не кроясь, обсуждали меж собой его худощавую фигуру, без стеснения зазывали в гости и не упускали случая пощупать скромные мускулы. Аваро был настолько опьянён окутавшим со всех сторон вниманием, что возомнил, будто цельности его плоти ничто не угрожает.

"Плакать горше меня будут, если придётся тушку раскромсать. Может, через год я понравлюсь им настолько, что об оплате гостеприимства даже не заикнуться".

Зима, однако, разрушила его иллюзии: наступила раньше срока и вместе с морозами и метелями принесла голод тем, кто не успел к ней подготовиться. Сезон подножного корма резко оборвался, мелкого зверья в лесах не стало, у многих куры помёрзли, не было надоя. Склоки с драками участились.

Аваро жил голоднее всех, но новые впечатления заменяли ему завтрак и ужин. Огорчало лишь то, что за устранением чужих хлопот в обмен на мешок гороха или банку молока он вовсе перестал бегать — не с кем было соревноваться и незачем, да и единственные ботинки из тонкой кожи мало подходили для скачек по глубоким сугробам. Он уже не мог, как раньше, всецело полагаться на скорость ног.

К середине зимы, длившейся три четверти года, томных взглядов в сторону Аваро меньше не стало, но характер их переменялся: так же вожаденно кошки смотрят на птиц, щебечущих на ветках. Вот тогда он всполошился не на шутку и отбросил легкомысленность.

"Ведь обещали год, даже три! Но кому есть дело до вскользь брошенного слова, когда речь о чужаке, которого никто не хватится. И всё же резать ноги не дам! Руки — пожалуйста, чтоб больше никогда не иметь дела с чёртовыми инструментами".

Серым ледяным утром он накинул франтоватое пальто, слабо уберегавшее кости от промерзания, и отправился на разведку: под предлогом поиска халтурки собирался послушать чужие разговоры и прощупать настроения. В трёх метрах от калитки

прохаживалась Регда и, завидев парня, подлетела как ужаленная.

— Здравствуй! Нежданная встреча, скажи?

— Давно меня подстерегаешь? Ресницы, смотрю, уже инеем покрылись.

— Подстерегаю?! Сдался ты мне. У меня тут важное дело. Забыл, что я возглавляю юношеский союз?

— Юношеский союз без единого юноши? Вам надо подумать над названием.

— Какая откровенная зависть. Но если ты попросишь, я включу тебя в наше сообщество. Мне как раз нужен подручный.

— Так ты тут с утра пораньше вербовкой занимаешься?

— Чего? Все мудрые люди и так за меня. Раз случай свёл, хотела тебе, старичку, протянуть руку помощи — ходишь всегда печальный, на жалость давишь.

— И как же детский кружок мне поможет?

— Да хоть советом, остереженьем. Ты ж ничегошеньки не знаешь об Анатри.

— Это верно. Но в моём положении лучше держаться подальше от толп людей, даже маленьких и миленьких. Дети — те ещё бесята.

— Миленьких... — румянец на её пухлых щеках запылал вдвое ярче.

— Выдай-ка мне пробное предостережение, может, одумаюсь и вступлю в ваш орден.

Что мне грозит прямо сейчас?

— Заметил, что дочки Рив, Кании и Руз очень похожи?

— А что в этом такого: в крохотных деревушках все друг другу родственники.

— Я вот ни на кого не похожа. Знаешь почему? Потому что моя матушка умная — отец, дух его бессмертен, ни за что бы не рискнул её предать. А вот Рив, Кания и Руз тупые, как курицы.

— Они делили на троих одного мужика?

— Ну как делили: обольщали и соревновались между собой, каждая была уверена, что покорила этого прохвоста Туко. А он взял и обрюхатил всех троих.

— Забавная история! — Аваро усмехнулся.

— Ага, особенно конец смешной. Всех одурачил, только сам расправы не избежал — не в ту деревню сунулся. Три женщины, три ребёнка, шесть голодных ртов. Они без конца грызлись между собой, пока однорукая Дихайта не приказала зарезать Туко и разрубить на три части. Надо было видеть, как любовницы волосёнки друг другу рвали за каждый ломоть мяса, за каждую жилку.

— Не ожидал такого от Рив. Зато теперь ясно, почему она холодна ко мне. Кто захочет вновь проходить через такое...

— Гони их от себя в три шеи. Всех. Тебе ведь полдеревни глазки строит.

— Благодарю. Очень назидательный рассказ. Теперь я знаю об Анатри даже больше, чем хотелось.

— Смотрю, так и ходишь с этой дурацкой брошкой. Хочешь пришью пуговицу? У меня есть очень красивые! Золочёные, красненькие, перламутровые — выбирай любую! Мой подручный должен выглядеть безупречно.

— Уймись, я ведь не сказал, что согласен. И с пальто сам разберусь. Ты лучше отплати мне за то, что выбрал главной именно тебя.

— Что-что? Я единственная могу править этим балаганом. Ты поступил правильно и твоя награда — чистая совесть и моя дружба. Что может быть лучше?

— Хмм. Ты же умненькая, и сама понимаешь: решение было не совсем справедливым в

глазах других девчонок. Просто я знал, что дружба с тобой обещает стать самой полезной. И приятной, конечно же.

— Правда? — она вновь засмушалась. — Раз мы настоящие друзья, можешь рассказать о все-е-ех своих мечтах. Вдруг я смогу их исполнить или помочь.

— Отлично, радость моя, помощь нужна, и даже очень. Пообещай предупредить, чуть только услышишь где-то, что меня хотят пустить в расход. Без разницы, в шутку это сказано или всерьёз.

— А ты думаешь улизнуть? Вернёшься туда, откуда пришёл?

— Нет, там меня ждёт участь ничем не лучше. Просто хочу подготовиться, закончить дела.

— Обещаю. Считаю меня своей покровительницей. Что ж, дарю первое предупреждение: шутки ходят уже давно. Но ты пока целёхонек.

— Кто же эта шутница?

— Все! Даже я порой. Это же просто шутки.

Аваро переменялся в лице, но не бросал попыток скрыть за натянутой улыбкой жгучую досаду. Ещё минуту он вышагивал рядом с Регдой, делая вид, что внимает жеманному щебетанию, а сам едва сдерживался, чтобы не дать дёру.

"Надо было остаться дома. Мирно раствориться среди близких, а не отдаться на суд чужаков. Воля к жизни плодит пустые метания. Олень рад тому, что, сломав ногу, вырвался из капкана. Но ждут его только мучительная болезнь да волчья пасть".

На следующее утро Аваро нашёл у себя под дверью скомканный лист бумаги, на котором ужасно коряво (видимо, левой рукой, чтобы не узнали по почерку) было написано:

"Не верь Регде, она тебя заложила. Времени мало. Ищи другую дверь".

Спросонья парень подумал, что это не более, чем хитроумный розыгрыш или... Провокация?! В бессознательном порыве он оделся, умылся, жадно всосал в себя стакан воды, потянул ручку входной двери. Услышав отрезвляющий щелчок задвижки, нервно бросил её и поспешно зашагал обратно вглубь комнаты.

"Эта зима суровее всех, что я видел. Сковывает тело, тянет силы, вытряхивает душу. А они пережили десятки таких зим. На одном горохе?"

Аваро осторожно приблизился к окну. Дети сновали по улице, съезжали с горок, кидались снежками, не замечая лютого даже через стекло холода. Взрослых не наблюдалось. Как и Регды.

"Другая дверь... Я должен удостовериться. Знали, чем меня заманить, гадюки!"

Он поддел под пальто всю одежду, что была в доме, распихал по карманам сушёных грибов и ягод, подпорченный кусок вяленой утки, пару лепёшек, флягу, огниво и два ножа. Осмотрел свою халупу, мысленно прощаясь с ней.

"Так грустно... Уже начал считать это место домом. Наивный".

Аваро по-лисьи крался огородами, петляя раз в минуту, чтобы запутать отчётливые следы ботинок на снегу. Небывалая стужа без труда достигала тела через пальто и пять слоёв кофт, лишь скорый шаг поддерживал в нём бурление крови. Миновав Анатри, беглец замешкался: с трёх сторон давило засыпанное снегом густолесье.

"Что за странное послание! Дали бы хоть намёк. Думай же, голова".

Переход в Фос находился к западу от дереvuшки, на север и юг все тропы исхожены в поисках грибов. Белым пятном оставался восток — туда парень и направился.

Тропинка пропала спустя полчаса, но скованное тканевой бронёй тело пока ещё протискивалось между голыми ветвями подлеска. Глаза болели от напряжения: в хмурую погоду свет даже посреди дня едва проникал сквозь беспорядочно торчащие кроны сосен. Местами снег лежал выше бёдер — ботинки превратились в чашки, промокшие ноги занемели. Шёл уже второй час блуждания, когда путь Аваро пересекли свежие следы, тянувшиеся с запада в глубь леса.

"Всего две пары ног: большие и маленькие, взрослый и ребёнок. Или двое детей: здесь в порядке вещей иметь одни сапоги на семейство. От двоих в случае чего отделаюсь, хотя удирать через сугробы ох, как не хочется. А вдруг это Рив с дочкой? Но что она делает посреди леса? Написала мне, а после сама рванула к двери? Кто-то прознал о саботаже и угрожал расправой? Зря я на неё обижался..."

Других ориентиров не было, и он доверился проводникам, кем бы те ни оказались. В воздухе стояла леденящая тишина, ни намёка на присутствие других живых существ. Начался снегопад.

Следы привели к заброшенной, но добротной избе. Ставни разбитого окна покачивались от ветра, маленькие ножки успели потоптаться даже на подоконнике. Аваро заглянул внутрь — единственная комната пустовала. В крохотном окне напротив рябил метелью всё тот же морозный пейзаж.

"Дверь была заперта изнутри, ребёнок влез через окно и отомкнул. Следов прочь от дома не видать. Но где мостовая, резьба, голубая краска? На волшебный портал непохоже".

С замиранием сердца парень толкнул дверь, переступил порог. Магии не произошло. Он попал в обыкновенную халупу: прогнивший матрас, давно не топленная печь, стол без ножки, загораживающий проход. Уныло повалившись на пол у стены, он надеялся согреться и перевести дух перед тем, как продолжить поиски. Одолевали мысли одна другой страшнее.

"Меня сюда заманили и сейчас медленно окружают. Кто-то мастерски замёл другие следы. Такое вообще возможно? Точно! Человек был один, переобулся и возвращался задом наперёд. Кто эта блистательная охотница? В любом случае надо готовиться к худшему".

За считанные минуты беглец не просто согрелся, а стал жесточайше обливаться потом. Очнувшись от размышлений, он скинул с себя пальто, одну кофту, вторую, третью, пока не остался в одной жилетке поверх лёгкой рубашки. Когда же рука рванулась снять и её, а комнату вдруг озарил солнечный луч, Аваро наконец сообразил, что к чему. Он подбежал к окну с возгласом ликования: записка не обманула.

В тот дивный момент не слишком хотелось разбираться, существует ли дом в двух мирах или же кто-то смекалистый построил его точную копию с другой стороны. Аваро запер дверь на щеколду, накиннул пальто, спрятал остальное тряпье под матрасом, а затем, отбросив мнительное здравомыслие, прыгнул в окно и кубарем покатился вниз по холму — дом стоял на самой его вершине, слегка прикрытый деревьями. Остановившись на середине пологого склона, парень распластался на душистой траве и начал громко, неуёмно хохотать. Солнце, выглядывая из-за облаков, с почти летним усердием напекало грудь и голову. Волной накрыла первобытная эйфория, воображение рисовало упоительное будущее в распахнувшемся навстречу миру. Здесь его не знают, и можно всё-всё начать заново: стать мудрым вождём, балладником-обольстителем, ушлым дельцом, золоторуким мастером, признанным оракулом — в тот миг казалось, что после стольких злоключений, уроков и испытаний ему легко дастся любая роль. Призрачное величие застилало глаза и наполняло нутро сладостным трепетом.

Забывать было недолгим. Опомнившись, Аваро резко подскочил, стыдливо огляделся по сторонам, отряхнулся. С лица стёрлось всякое выражение, колени привычно согнулись, готовые тотчас спружинить и в волевом рывке унести его в неоглядную даль.

У подножия холма виднелась рваная на петли лента реки. Выросший в припойменном Фосе, парнишка хорошо знал, что реки собирают в себе воды всех окрестных ручьёв, родников, стоков и притягивают алчущие глотки тварей всякого рода, в том числе человеческого, однако устоять не смог и последовал за течением.

Весеннее половодье ещё не наступило, и русло оставалось иссохшим: то тут, то там его разделяли островки розоватого глянцевого песка. Аваро пристально вглядывался в малейшие странности пейзажа — несколько раз на другом берегу мерещились людские фигуры, но при внимательном рассмотрении оказывались стволами деревьев или их тенями. Лишь одно из видений не желало развеиваться.

На дальней косе, чёрт знает как там очутившись, полулежала девушка. Она расположилась на влажном песке так, что боковым зрением могла видеть оба берега, но путника пока ещё не заметила. Аваро долго наблюдал, держась поодаль; за всё время она ни разу не шевельнулась — дремала или была глубоко погружена в свои мысли. Перед соглядатаем встала тягостная дилемма: жизненно важно было разнюхать хоть что-то о местности, но обнаруживать своё присутствие перед незнакомцами совершенно не хотелось. Ничуть не меньше его волновало, что подобраться к девушке, сохранив достоинство, было весьма затруднительно: брод не слишком обнадёживал.

«Перекрикиваться нельзя — услышат за километр. Раздеться на берегу и плыть голым или промочить только-только высохшие штаны и снова продрогнуть. А что дальше? Она испугается? Посмеётся? Напустит на мой след разъярённых мужиков? Известно, что рассказы о волшебных дверях всегда вызывают доверие и сочувствие».

Понадеявшись на природную находчивость, Аваро скинул с себя всё, кроме подштанников, и с разбега плюхнулся в воду. Сердце заколотилось в сумасшедшем темпе — весна-весной, но до тёплой водички было ещё очень далеко. Обе ноги мгновенно сковали судороги, он едва мог грести. На удачу в самом глубоком месте брода вода едва касалась шеи. Девушка резко повернула голову на плеск, но, присмотревшись к купальщику, дальше наблюдала за его барахтаньем без страха. Даже с нескрываемым любопытством. Теперь и Аваро разглядел знакомые черты. Его измученное скелетоподобное тело ещё ползало по вязкому мелководью, а в душе уже разгорался нелепый детский гнев.

Девушка торопливо оправила одежду и двинулась ему навстречу с улыбкой на лице.

— Тебя послали они?! — выпалил Аваро.

— Если б так, ты бы уже варился в супе. Разве не моя записка тебя сюда привела?

— Измятый клочок бумаги с туманными указаниями? Вот это ты постаралась, вспотела от натуги, наверно. Да и как я мог понять, что автор — ты?! Твоя мать при первой же встрече намекнула, что я ходячий труп. Можешь не изворачиваться, я видел в лесу её следы рядом с твоими.

— Измятый клочок? Я сложила записку аккуратным треугольником. Ача! Так и знала! Тебя опередили.

— Что? Кто?

— Специально встала затемно, чтоб меня не подловили у твоей двери, но когда закрывала калитку, увидела в конце переулка Регду. А вчера она приходила к матери и донесла, что ты ведёшь себя странно и хочешь сбежать. Вот назойливая муха! И как я умудрилась подружить с ней целый год.

— Хочешь сказать, вторые следы принадлежат ей? Она где-то рядом?

— Вряд ли. Наверняка она прочла записку и кому-то рассказала, а уже этот кто-то прошёл по моим следам.

— То есть за нами отправили "ищейку". Хотя почему за нами? За тобой! Не так уж я им и нужен, а вот малолетняя дочка главы Анатри...

— Прекрати! Только бы это была не мать... Надеюсь, твоя злость на неё не помешает нам прикрывать друг друга?

— Вернись домой, Ло. Для всех так будет лучше. Ты просто глупый ребёнок! Какие у тебя причины бежать? Ах, какая трагедия, девочку не выбрали главной среди подружек. Я не собираюсь быть тебе папкой.

— У меня были причины, тупица. И это мой побег! — глаза Ло замутнились испуганной яростью. — Я всё устроила, ты лишь присосался, как пиявка. Спасла от расчленения, а ты, свинья, не хочешь помогать?!

Потрясённый не столько резонными упрёками, сколько неистовой атакой, он поумерил спесь.

— Чем я могу тебе помочь? Мы оба никто в этом мире.

— Помоги выжить! А своё место я найду сама.

— Как скажешь: доведу тебя до ближайшей деревни и сдам дояркой больной старухе. Дальше сама выкручивайся.

— Я не буду обузой. У тебя есть нож? Свой посеяла по дороге.

— Прирезать решила?

— Просто дай мне его и заткнись.

Аваро с опаской протянул ей крохотный ржавый ножик. Второй, острее и новее, незаметно засунул поглубже в карман.

— Это разве нож?! Ладно, смотри, — не дожидаясь комментариев, она умелым замахом отправила ножик на десять метров в ствол низкорослого деревца. Полёт был эффектным, но нож воткнулся лишь на полсантиметра и под собственной тяжестью упал на песок. Ло негодуяще зашипела.

— Раздобудешь мне три острых и я тебе такое представление устрою!

— И как это пригодится? Любой обученный трюкач тебя переплюнет. Этим разве что с детишек конфеты собирать.

— Я могу охотиться! На зайцев, птиц, крыс в конце концов — с голоду не умрём. Обойдёмся без других людей. Они тоже никто для нас.

— Ты что-то знаешь о местных?

— Нет, просто... — Ло замаялась. — Мама говорила, что от чужих одни проблемы.

— Так ведь и я тебе чужой. Не то что бы меня убедили смертоносные ножички, но твоя правда, поначалу лучше никому не доверять и обходиться своими силами. Болтовню отложим на потом: скоро стемнеет, я уже продрог до полусмерти, а нужно ещё раз четыре повторить заплыв, чтобы притащить всю одежду. Хозяйка своей судьбы, наверное, и костёр разводить умеет?

— Умею, но он же нас выдаст.

— Незамеченными не подойдут. Если всё же рискнут сунуться, лучше пусть встреча произойдёт здесь. У нас преимущество.

Когда Аваро вернулся на остров, его уже ожидал костерок. Маленький, халтурный, сильно дымящий, но всё-таки костёр. Зайдя за полулысый куст, который прикрывал его лишь формально, окоченевший парень стянул с себя портки и, с трудом управляя конечностями, залез в холодную, но сухую одежду. Лишь спустя полчаса, проведённых вплотную к костру, он отогрелся достаточно, чтобы снова появилось желание ворочать языком.

— А как ты сюда добралась? Даже ног не промочила, хотя брод местами глубже твоего роста.

— Так же, как и ты. Медленно гребла одной рукой, а второй удерживала сумку с вещами над водой. Потом переделась. Мокрой рубашке пришёл каюк — эти лохмотья нам не пригодятся, я её закопала, чтобы потом "ищейка" не нашла.

— А издалека ты показалась мне на удивление спокойной для двенадцатилетней беглянки, опасющейся погони.

— Да ты такого страха, такой растерянности никогда не испытывал! Хотелось бежать дальше, но я должна была тебя подождать. И мне тринадцать. Хватит допросов!

— Ага, где уж мне. Меня всего лишь хотели сожрать. Дважды. Ладно... Я заметил, что на другой берег можно перебраться по узкой насыпи. Это и хорошо, и плохо. Остров не так уж безопасен. Но безопаснее, чем берег или лес.

— В сумке хлеб и немного мяса. На сегодня еды хватит, но с завтрашнего дня учимся охоте.

Они соорудили возле очага гнездо из веток и предусмотрительно захваченных Ло холщовых мешков и улеглись настолько далеко друг от друга, насколько это было возможно. Мерное журчание реки заглушало тревожные звуки соседнего леса, от затухшего костра исходило тепло, но сон не шёл к Аваро. Въедливые сомнения терзали его разум. Снова всё наперекосяк: маячившая перед носом свобода от прошлого, долгов и обещаний в очередной раз оказалась недостижимой.

Аваро открыл глаза, но вставать не торопился. Он наблюдал за Ло из-под приопущенных век — девчонка сидела у воды и точила камнем ржавый нож. Второй также перекопал к ней из кармана его брюк и лежал рядом. Песок на берегу снова был перекопан. Ло почувствовала на себе взгляд и обернулась.

— Можешь не притворяться, я вижу как дрожат твои коровьи ресницы. Зажмотил для

меня хороший нож?! Ну-ну. Пришлось тут всё перерывать в поисках подходящего камня.

— Камней предостаточно, ты просто глупая — не умеешь, не берись. Или клад какой-то ищешь? Тоже покопать захотелось.

— Нет, мы уже выдвигаемся. На охоту ходят утром, а ты дрых почти до полудня.

Они быстро собрали вещи, скрыли следы ночёвки и перешли на другой, ещё не изведанный берег по насыпи. Их встретил влажный, только-только начинающий зеленеть лес. Ло шла почти бесшумно, Аваро то и дело ломал лицом ветки.

— Идём на трели и токование птиц. Я буду метать ножик, а ты лови внизу и добивай, чтоб не мучились.

Два раза Ло целилась в мелких чибисов, раз в жирного тетерева. Сперва нож не долетел, затем просвистел хоть и близко, но мимо, а последний бросок вышел недостаточно сильным и резким — птица успела взлететь. Девчонка ругала ножи и оправдывалась тем, что ещё как следует не примерилась к длине лезвия и весу. Наконец она не столько ранила, сколько оглушила рукоятью залётного белого голубя. Аваро, не долго думая, отпилил ему голову и сунул тушку в мешок. Ло покривилась, но выражение её лица быстро сменилось на озадаченное.

— Второй нож! Он застрял в стволе. Что будем делать? Он нам нужен!

Рукоять торчала на высоте четырёх метров. Как назло поблизости не было ни одного булыжника, и начинающие охотники принялись кидать в неё мелкими камешками. Аваро не попал ни разу, у Ло дела шли лучше, но нож от ударов даже не шелохнулся.

— Если метну со всей дури, смогу выбить один нож другим. Кажется, я так уже делала. Когда-то давно.

— А если он тоже застрянет?! Ну уж нет. Остаться посреди леса без всякого оружия!

— И что ты предлагаешь? Тупым куском металла, который у нас остался, всё равно никого не убить.

— Полезу на дерево.

— Слишком высоко. Ствол широкий, руками не обхватить, а ветки тебя не выдержат.

— Буду опираться на нож. Не такой уж я тяжёлый.

— Сорвёшься с самого верха — точно умрёшь. Или покалечишься. А я останусь без ножа, без охраны и с раненым на спине. Дай мне попробовать. Мой план лучше.

— Это всего лишь дерево. Оно не кусается.

У земли ствол был совершенно гладким. Аваро подпрыгнул и воткнул нож так высоко, как только мог. Глубоко вбил лезвие ударами ладони, в следующем прыжке схватился обеими руками за торчащую рукоять и неимоверным усилием подтянулся. Затем принялся осторожно раскачиваться нижней половиной тела и в крайней точке дуги сумел зацепиться согнутым коленом за толстую ветку справа. Он ловко обвил её бёдрами и сжал так сильно, как только мог. Теперь нужно было вырвать нож из ствола и повиснуть вниз головой, держа себя ногами, только он не рассчитал, что в таком шатком положении силы в руках почти нет. Аваро дёргал и дёргал, а в глазах темнело от притёкшей к мозгам крови. Ноги слабели и затекали. Испугавшись, он решил дать себе передышку: отпустил нож, подтянул туловище и удобно уселся на ветке, опёршись спиной о ствол. Пятиминутный отдых помог мало — голова всё так же раскалывалась, колени тряслись. Все силы он оставил внизу, а это едва была половина пути. Но и отступить уже не мог.

— Ло! Глянь вокруг: тебе нужно старое бревно, не знаю... любая подставка, чтоб дотянуться до нижнего ножа, вытащить и передать мне.

— Ты знаешь, что тут ничего нет. Я и так достану.

— Не смейся, росточка не хватит.

— Поглядим.

Ло прыгала без устали, как одержимая. Безуспешно. Потом села на траву, озадаченно сжав голову руками, снова встала, осмотрела дерево со всех сторон. Что-то вымеряла, прикладывая пальцы то к коре, то в упор к глазам. Отошла на пять метров, разбежалась, подпрыгнув, оттолкнулась одной ногой от ствола, сжала тело в напряжённую струну и подлетела, но недостаточно высоко. Аваро заёрзал, готовясь слезать, но Ло невозмутимо повторила движения в том же порядке и сумела зацепиться. Тут же принялась радостно извиваться и трепыхаться, расшатывая нож, но он легко выдерживал столь малый вес. Лишь когда девчонка рывком задрала ноги выше головы, нож выскользнул из коры, и она ударилась копчиком о корни.

— Ты как?

— Ещё спрашиваешь, пугтрую?!

Но реветь не стала — потёрла поясницу и подняла нож. Впечатлённый Аваро свесился вниз головой, протянул руку и неосторожно взял его у Ло, чиркнув лезвием себе по ладони. Кровь закапала ей прямо на лицо.

— На чёрта ты точила эту дрянную железку! Убить хотела?! Чтобы я медленно умирал от заражения крови?! — зашипел Аваро.

— Слазь, дубина! Лучше придушу тебя голыми руками.

Аваро оторвал край рукава, кое-как обмотал им порез. Сжимать руку было невыносимо больно, и всё-таки он полез дальше. С помощью ножа добрался до следующей ветки, но не рискнул взваливать на нее всё тело: слишком она была хлипкой и сухой, так что упёрся только правой ногой. До заветного ножа не хватало каких-то двадцати сантиметров. Он прыгнул, Ло завизжала. И не зря. Разница в остроте старого и нового ножей оказалась столь огромной, что последний и не подумал давать на себе зависнуть: лезвие тут же выскользнуло из древесины, словно это было масло. Аваро пролетел полметра, но успел ухватиться за его тупого брата — тот предательски вырвался на половину и медленно, но уверенно кренил рукоятку к земле. Поняв, что дело труба, Аваро глянул вниз на последнюю ветку, отделявшую его от земли, отнюдь не казавшейся пухом, и качнулся в сторону. Нож не выдержал. Ветка лишь немного замедлила падение, нещадно оцарапав спину, и Аваро плашмя полетел вниз. Всё, о чём он успел подумать: "нельзя подставлять руки, иначе продырявлю себя в двух местах". Последовавший гулкий вопль показался ему неправдоподобным, словно его издал расстроенный музыкальный инструмент.

Ло нагнулась над ним с выражением неприкрытого ужаса, но Аваро только расхохотался и протянул ей обе руки — в каждой по ножу.

— Я это сделал! — он продолжал заливаться, несмотря на мучительную боль во всем теле. Герой был уверен, что заслужил награду. Заботу. Хотя бы поцелуй.

Ло гневно вырвала из его рук ножи, и тут же метнула новенький обратно на дерево. Лезвие воткнулось ещё выше, чем прежде.

— Ты... Что... Полоумная! Творишь?! В конец тронутая!

Не дожидаясь, пока истерика Аваро разгорится в полную силу, она с остервенелой гримасой метнула второй, а секунду спустя оба ножа приземлились в двух метрах от древолаза.

— Теперь будешь со мной считаться?! — прохрипела девчонка не своим голосом.

— На этот раз тебе повезло, но если бы ты промазала, я оставил бы тебя в этом лесу на растерзание волкам. Без шуток.

— Встань хотя бы. Сейчас похоже, что волков кормить будешь ты.

— Пожалуй, полежу ещё немного. Хватит с меня на сегодня.

Ло покружила у дерева, быстро потеряла терпение и усадила Аваро, потянув за шиворот рубахи.

— Пойдём. Пока ты занимался акробатикой, я сообразила, что голубь, которого мы кокнули, — домашний, или совсем недавно стал диким. Где-то рядом живут люди. Давай решим, идти к ним или бежать подальше да побыстрее.

— Уххх... Моя спина. Еда есть. Сейчас мне точно не нужны новые знакомства.

— Вот именно. Вернёмся к острову?

— Если про ищейку мы догадались верно, нужно найти другое место. Можно на тебя опереться?

— Только если иначе никак. Так куда идём?

— Веди куда-нибудь. Мне правда хреново.

Бродяги шли, как им казалось, параллельно реке, но уже через пару километров очутились перед широченной грунтовой дорогой. Услышав странные звуки, они бросились в кусты. Звук нарастал — это было рычание.

"Не могли же волки обнаглеть настолько, чтоб сунуться на дорогу!"

Сквозь редкую листву Аваро разглядел морду собаки, но легче от этого не стало. Здоровый охотничий пёс со свирепым оскалом приближался к их укрытию. Вскоре послышались и шаги.

— Бод, остынь. Зайцев здесь сто лет не видали, — прозвучал усталый бесцветный голос. Но Бод всё не остывал. Людей было двое — крепкие мужчины средних лет.

"Мне их не одолеть. Надо бежать, но Ло... Она не поспеет за мной. Придётся отвлечь".

— Он чует кровь. Сразу бешенеет. Там дичь подбитая, зуб даю. Сейчас прикончу, — энергично заявил второй мужчина и с ревом кабана залетел в кусты. Аваро не успел даже отпрыгнуть.

6

— Вы кто?! Отвечать! Сейчас же.

— Люди, кто ж ещё.

— Что там, Фирб?

— Знал бы я, что это. Воры небось, может, и похуже что. Иди глянь, ты лучше в дикарях разбираешься.

Мужик буквально выдернул их за локти на дорогу. Освободиться от этих стальных объятий было сложнее, чем от затянутых ремней. Собака попыталась вцепиться Ло в ногу, но девушка подсунула ей мешок сдохлым голубем, и слюнявые челюсти с удовольствием в него вгрызлись.

— Бод! Отойди немедленно, — скомандовал подоспевший приятель дерзицы. — Бооод! Кому сказано!

Пёс обиженно отполз, не сводя глаз с заветного мешка.

— Тоорди, полюбуйся! Когда-нибудь видел такое, а?

— Что именно?

— У девки рожа в крови перемазана, этому руку раскроили. Все грязные, ободранные, прячутся в лысых кустах у дороги. А в мешке голубь. Без головы! — Фирб заржал, широко

разевая пасть.

Аваро сжимал в кармане рукоять ножа и едва сдерживался, чтобы не воткнуть его в гогочущую глотку.

— Видал всякое.

— Вот уж не поверю. Я ж не про кишки тебе. Я про то, что как ни посмотри, а с порядочными людьми такого не могло случиться. Тут или скотоворы, или члены шайки малолетних беспризорников, или беглые арестанты, или сумасшедшие. Ещё про культистов слышал. Жертвы всякие приносят. Сначала животных чик-чик, потом людей. Уж больно голубь у них уморительный!

— Мы просто заблудились! И проголодались! — выкрикнула в оправдание Ло.

— Откуда вы? — ровным тоном спросил Торди. Своим видом он вызывал чуть больше доверия, хотя глаза его были непроницаемыми, блёклыми, потухшими. Движения, мимика, фигура — всё в нём казалось чахлым, увядающим, на фоне чего щегольская одежда и навощенная причёска выдавали отчаянное нежелание стареть.

— Из небольшой деревушки на севере. Она очень маленькая, пара дворов всего. Вы её не знаете, — соврал Аваро.

— Ты брешешь, заморыш, я все деревни на сто километров вокруг знаю. Название говори! — снова встрял здоровяк.

— Нет у неё названия, говорю же, пара дворов всего!

— Тогда говори, что рядом с ней! И кто мать твоя. Мы её живо найдём, — Фирб недобро ухмыльнулся. — Лучше выкладывай, а то и другую руку тебе покромсаю. Чем тогда причиндалы разминать будешь? Эхе-хе, — он снова заржал. — Или ты подсобишь ему, мелочь пузатая?

— Лучше тебе заткнуться, бычара! — Аваро снова потянулся к карману, но Фирб заметил это и заломил ему руку.

— Что там у нас? Нож?! Ты смотри, он мне угрожает. Да я тебе хребет сломаю, раздавлю и в дерьмо втопчу! — лицо бугая покраснело, надулось, а глаза вытаращились. Он ещё сильнее надавил на руку Аваро, но сломать не сумел. Парень тихо завыл, а Ло беспомощно оглядывалась и судорожно дышала, словно в припадке, не веря, что это происходит наяву.

— Фирб, прекрати. Я разберусь. Парень ты надёжный, но твои навыки допроса не выдерживают критики. Сам приведу их в штаб. Ступай вперёд.

— Да этот сопляк меня зарезать хотел! И тебя зарежет, чуть только отвернёшься.

— Не отвернусь. К тому же со мной останется Бод. Иди. Ты во мне сомневаешься?

— Нет.

Он ушёл, напоследок с лютой ненавистью зыркнув на Аваро. Парень с трудом выпрямил руку и без сил плюхнулся на землю.

— Итак, молодые люди. Вы меня утомили, так что времени у вас немного. Я задам пару вопросов, а вы на все из них ответите честно. Ясно?

— Угу.

— Откуда вы?

Аваро замялся, так что Ло решила ответить первой.

— Очень издалека. Из других краёв.

— Настолько далёких, что пешком не дойти?

— Вы в курсе про дверь?

— Естественно. Сам когда-то ей пользовался.

— Вы тоже сбежали из Анатри?

— Нет, там никогда не задерживался. Я из Фоса.

— Я тоже, — подозрительно встрял Аваро, вскочив на ноги. — Знаю там всех до единого, но вас, господин, никогда не видел.

— Не мудрено. Ты ещё не родился, когда я покинул то злосчастное место. Лет тридцать как. И лет двадцать там не появлялся. К сожалению, у меня нет ни времени, ни желания рассказывать вам о своём прошлом — оно и так известно всем здесь. А вот о вашем узнать не должны. Как много поменялось за эти годы! Дверями пользоваться без особого распоряжения верховного правителя запрещено. Только моя сентиментальность и забывчивость повлекли ваше появление в этих краях. Все порталы должны быть закрыты, и я обязательно исправлю свою оплошность, как выдастся свободный день. У вас же только два пути: немедленно вернуться домой или принять мои условия.

— Что за условия?

— О, ничего сложного. Поверьте, их выполнение выгодно прежде всего вам самим. Я сделаю так, что никто не будет задавать вопросов о том, кто вы и откуда взялись, но и вы никогда не должны говорить об этом. Проболтаетесь, и на вас обрушится суровая кара. Я не смогу помочь. Второе условие: вы должны стать частью галт-отряда. Как тебя зовут?

— Аваро.

— Аваро, ты отлично впишешься в роль новобранца. Сколько тебе?

— Девятнадцать.

— А девочка...

— Я Ло.

— Ло отныне твоя сестра. Будет помогать по хозяйству, выполнять мелкие поручения. Внутри отряда вы в полной безопасности, будете всегда сыты, в тепле, окружены друзьями. Я правда желаю вам счастья. Неудивительно, что вы решили бежать с варварской архаичной стороны. Уж я-то понимаю. Здесь всё по-другому. Вы обретёте семью и сможете стать достойными членами общества, приносящими пользу миру.

— Здесь не едят людей?

— Хмм, людей — нет. Только преступников. Они заслужили. Порой случается, что в отдалённых деревнях практикуют меж собой эти чудовищные ритуалы, но мы пресекаем беспредел, как только о нём становится известно. Собственно, для этого и нужен отряд — ловить нарушителей порядка и обезвреживать угрозы. Что скажете, ребята?

— Можно нам это обсудить наедине?

— Да, конечно. Но решайтесь скорее, у меня уйма других дел. Если вы не готовы трудиться во имя высшей цели, вам одна дорога — назад к примитивным существам.

Они отошли в кусты и перешёптывались так, чтобы мужчина не услышал даже обрывков слов.

— По-моему, это чистой воды лицемерие. И про Фос я ему не верю, — процедил Аваро.

— А чем он хуже наших собратьев? Принципы и правила — это хорошо, у них всё по уму.

— Как бы это не оказалось приглашением на вертел.

— Они могли просто схватить нас силой или натравить собаку. Вот если уйдем, нас будут преследовать уже другие люди. Злобные и беспринципные, как тот верзила.

— Этот не выглядит таким же проворным и сильным — как только отвернётся, рванём

во всю прыть на юг. Через пару часов нас уже не найдут.

— Пару часов?! Аваро, я не смогу столько бежать. Если так невежливо откажемся, больше нам ничего хорошего не предложат. Останусь здесь, и будь что будет. Спасибо, что проводил.

— И ты вот так уйдёшь с незнакомым мужиком в неизвестность?

— А куда мне деваться?

— Фек! Ладно, давай глянем изнутри, что там происходит. Для виду скажем да. Но когда я второй раз предложу бежать, ты должна согласиться. Служить кому-то не по мне.

— Идёт.

Дорога к городу была бесцеремонно выдолблена в теле крутого холма. Созданный природой как пухлая полусфера, стараниями строителей он лишился целых шматов плоти и обнажал местами голый скальный скелет. Нависающие камни откосов норовили пробить чью-то голову, но не могли определиться, кто из прохожих больше заслужил.

Вдалеке виднелись скромные покосившиеся домики схожие с теми, к которым Аваро привык в Фосе, и чуть более ухоженные, чем в Анатри. Кое-где паслись тощие после зимы коровы и в меру упитанные козы. Люди встречались редко, по большей части гнули спины на полях и в садах. Одеты селяне были просто и могли только позавидовать шерстяному форменному жакету Торди (особенно посеребрённым пуговицам с гравировкой несуществующей птицы), однако к странной веренице путников интереса не проявили.

Холм остался позади, пространство вокруг приобрело другой масштаб: домов стало больше, они выросли в размерах и теснее прижимались друг к другу. Две помпезные крыши жадно врезались, прямо-таки прорастали друг в друга, отчего заметно накренились и уже растеряли часть черепицы. Аваро воздержался от домыслов об их владельцах: взгляд приковала к себе проржавевшая и заляпанная табличка с надписью "Сервон".

Почти сразу за ней нарисовались стройные и по-своему красивые улицы. Старинные каменные постройки, судя по разномастным вывескам, служили увеселительными заведениями, мастерскими, лавками, харчевнями, казёнными конторами. Стены пожелтели и потрескались, но выдержанная всюду конструкция фасада с ложными колоннами и высоченными окнами производила впечатление чинности и порядка. Взглянув под ноги, Аваро признался себе, что за всю жизнь не видал столько полированного до блеска мрамора, сколько ушло на мощение этого города.

— Нам сюда, — прервал его размышления Торди и свернул прочь от напускной монументальности к невзрачной просёлочной дороге.

— Далеко ещё идти? — устало спросила Ло, в который раз пытаясь оттереть засохшую кровь со лба.

— Не очень.

— Мы, наверное, своим вторжением прервали важное воинское задание. Вы же не просто так бродили по лесу?

— Отчего же. Просто так.

— Но вы торопились.

— Тратить время стоит только на полезные или приятные дела. Наша беседа поначалу не показалась мне ни тем, ни другим. Хорошо, что я ошибся. Приводить новых людей, так сказать, свежую кровь в отряд — одна из моих обязанностей.

— А тот... господин? Он ваш друг?

— Соратник. И поверенный. Иногда для прогулки сойдёт любая компания. Бояться его не стоит, он человек трезвомыслящий. А вон и лагерь! Скоро будем на месте.

Лагерь располагался на вырубленной посреди рощи опушке. Лай, смех, возгласы, улюлюканье периодически долетали до Аваро с километрового расстояния, целый рой людей копошился по округе. База отряда состояла из десятка маленьких и хлипких, наскоро сколоченных деревянных домиков и пятнадцати шатров разной величины.

Вскоре парень различил несколько группок у костров с дымящими котелками, пару солдатиков, таскающих на горбу тяжёлые тюки, мастера, строгающего доски, двух шепчущихся девушек на импровизированной качели и неожиданно много собак. Все они с любопытством поглядывали на приближающуюся к лагерю троицу.

Кто-то свистнул, и из шатров на поляну высыпало человек двадцать. Обитатели лагеря переглядывались, все как на подбор юные и энергичные. Вид беспечных лиц сверстников ободрил новоприбывших. Толпа хором загудела приветственную кричалку:

Новобранец — не засранец,

Новобранец — молодец!

Как у зяблика, румянец,

Но какой растёт боец!

И так три раза, делая краткий перерыв на хохот. Ребята не могли сдержать ответной улыбки.

Торди знаком прервал эту сцену и принудительно отправил зевак заниматься делами, а Аваро с Ло развёл по разным шатрам и велел обустраиваться до ужина, после которого их ждал инструктаж.

7

Первые три месяца в лагере юные солдаты и подумать не смели о побеге. Каждый час был расписан, старшие по званию следили за перемещениями и соблюдением дисциплины. Официально день начинался в пять утра, но новичкам, дабы не оказаться на плохом счету у командиров, рекомендовали вставать не позже четырёх. Чужеземцы после наставлений Торди побаивались выделяться и выполняли указания беспрекословно.

После свистка будильщика солдаты приводили в порядок себя и свои шатры, ходили за дровами, могли немного поболтать с такими же новобранцами. С пяти до восьми — изматывающая физподготовка, включавшая бег, стрельбу из лука, фехтование, рукопашные приёмы. На пол и возраст скидку не давали, так что Ло страдала вдвойне. Позже новички отправлялись разводить костры и готовить завтрак себе и генералам. До обеда ребята постарше читали им лекции о выживании, осмотрительности и самообладании, в конце каждой из которых полагалось хором зубрить до тошноты пять предписаний добропорядочному жителю Сервона:

1. Перепроверять всё за всеми — халатно не углядевший делит вину с ошибившимся.

2. Ничего не забывать. Любое выдающееся событие должно быть письменно зафиксировано и проанализировано на предмет опасности.

3. Объяснять неведающим. Знания принадлежат коллективу, и первейший долг делиться ими по запросу и без.

4. Иметь чёткий план на всякий день и быть готовым ежесекундно отчитаться о результатах.

5. Исключать произвол, согласовывать решения и следовать наставлениям старших для преодоления трудностей.

Со слов рассказчиков правила уберегли город от исчезновения в веках, но даже это мало кому казалось достаточным основанием для того, чтобы повторять их вслух по сто раз на дню. В обход третьего пункта любопытство на лекциях не поощрялось: на вопросы отвечали с большим раздражением, предельно коротко и расплывчато, чтобы вопрошающему стало неловко и ещё менее понятно.

Послеобеденное расписание включало четыре часа охоты, рыбалки, собирательства и

ухода за посевами. Обязанности делились и чередовались. Погода как фактор для командования не существовала, так что Аваро случалось вспахивать грядки в ливень и собирать ягоды под ураганным ветром.

Конец дня был посвящён ремёслам и ремонту лагеря. Каждому выдавался лист с планом работ, рассчитанных на два часа, но Ло и Аваро, толком не знакомым ни с одним ремеслом, ни разу не удалось справиться вовремя. Бывало, они пропускали ужин и возились до ночи, но не смели даже перешёптываться: генералы и их заместители из старших считали, что разговорчики за работой вредят качеству изделий. С планами и прочими бумажками в галт-отряде обращались, как с сокровищем: за одно лишь пятнышко или залом уголка наказывали ночным дежурством.

После ужина оставался час на мытьё и подготовку ко сну, в течение которого можно было перекинуться друг с другом парой слов. Спустя почти три месяца службы Аваро знал имена разве что десятка таких же замученных новобранцев. Торди слово сдержал: о прошлом чужаков действительно никто не спрашивал.

Одно лишь наблюдение дарило призрачную надежду на окончание армейского кошмара — дотошно следовали распорядку только новички. На дисциплину тех, кто прошёл первичную подготовку, то есть «старших» (без всякой связи с возрастом), смотрели сквозь пальцы. Плевать они хотели на свистки будильщиков, физподготовку посещали по настроению, за мелкие провинности и сорванные сроки их лишь слегка журили, а те отшучивались в ответ. Старшие-парни не готовили, старшие-девушки не занимались постройкой новых лачуг; и те, и другие частенько отлынивали от охоты, бесцельно шатаясь по округе под предлогом охраны периметра, и на зависть новобранцам весело чесали языками часами напролёт. На инструктаже, тем не менее, ни о каких различиях между «новенькими» и «старенькими» не упоминалось, так что конкретные условия перехода в разряд последних оставались тайной.

Как-то на утренней тренировке Аваро привычно искал в толпе лицо Ло, чтобы покорчить рожицы, посмеяться над промахами друг друга и над тренером, пока тот не видит, — это был их способ приглушить муки от непомерных нагрузок. Лето окончательно вошло в свои права: духота не успевала развеяться за короткую ночь и даже в столь ранний час плавила мозги, а потому Аваро не сразу поверил глазам, когда не досчитался анатрийки в строю. Он ещё трижды перебрал всех новичков — девчонка так и не появилась. Что-то кольнуло изнутри и заставило разом выпустить весь воздух из лёгких. Возле уха пронёсся деревянный меч соперника, а встревоженный «брат» даже не заметил. Вернул его в реальность только гневный тычок тренера. В полубессознательном состоянии, на одной лишь мышечной памяти Аваро закончил тренировку, а сразу после, удрав с лекции, направился к Торди за объяснениями.

Генералы, к числу которых тот относился, жили в городе, а в лагере появлялись по им одним известному графику. Официально наводить о них справки считалось крайней бестактностью и нарушением субординации, но, судя по обрывкам разговоров «старших», разводить сплетни о командирах было самым популярным в лагере развлечением.

Торди в штабе, конечно, не оказалось, зато Аваро встретил другого знакомого. Он хотел поскорее отвернуться, но Фирб уже поманил его рукой и на всякий случай сделал мину, которая трактовалась совершенно однозначно: "Только попробуй не подойти".

Фирб, несмотря на зрелый возраст, генералом не был. Он обладал уникальным статусом наёмного бойца. Аваро слышал краем уха, что этот громила — редкий самородок по своим

навыкам, но довольно дрянной человек. Встроить его в систему командиров и подчинённых никому не удалось, хотя за неоценимую помощь в поимке преступников он пользовался привилегиями генералов и вращался с ними в одних кругах.

— Ну привет, головорез. Видал, как тренируешься, — кулачник из тебя скверный, одной левой бы ушатал. Но признаю, что погонщика лучше не сыскать. Отродясь не видел, чтоб кто-то так резво бегал. Чего морду скрючил? Кроме меня никто тебя здесь не похвалит — чтоб не зазнавался. А ты-то явно из таких: только дай повод нос задрать повыше и плевать на всех.

— Не терпится отправить меня на войну?

— С кем воевать-то, дурачина? С баранами нашкодившими? Их загонять надо! Тут ты и пригодишься. Но не сейчас. У тебя, заморыщ, ещё два этапа подготовки, как их там... Наставничество и испытательный поход! Кстати, будем знакомы: я твой наставник. Ох, уж я с тебя три шкуры сдеру! Ты теперь что мой холоп карманный — всё-то я припомню... — он сделал паузу и вызывающе долго смотрел парню в глаза. — Уже наделал в штаны?

— А как же правила?! Что по правилам полагается наставнику и ученику? — Аварс мгновенно закипел от такого поворота событий.

— Любить друг друга! Аха-ха! Весело с тобой, любой брехне веришь. Я — наставник? На такое только осёл поведётся, честное слово. Старика-генерала тебе назначили. Он такая развалина, что из города не ходок, будешь сам навещаться — каждый день вместо утренней зубрёжки. Найдёшь дом с коричневой крышей напротив кабака. Только попробуй там загулять со шлюхами и в лагерь не вернуться к обеду! Я первый о тебе доложу.

Аваро даже маскировать не стал безмерное облегчение.

— А чему этот старик... ммм... пожилой генерал будет меня учить?

— Чёрт его знает! Маразму, видимо. Больше нечему. Я этой волокиты не проходил, и без того хорош, хе-хе.

— Как его зовут хоть?

— Мальк Охерн. Ну, вали, больше от меня ничего не добьёшься, пронырливая морда. Пойду скажу, чтоб спуску тебе не давали.

Спрашивать у Фирба про Ло парень счёл опасным: её внезапное исчезновение выглядело подозрительно. Аваро знал о девчонке не многим больше, чем о сервонцах, но для всех они были братом и сестрой — подыгрывая, он и впрямь начал считать тощую златовласку кем-то вроде родни.

"Помог ребёнку сбежать, а теперь она пропала. И что я буду жить дальше, будто ничего не произошло?"

Усидеть на месте Аваро не мог и рванул со всех ног к шатру Ло в надежде найти записку и в страхе обнаружить следы борьбы. Пролетев занавешенный вход, он столкнулся лбом с чуть меньшей, но такой же крепкой головой.

— Ай! Сдурел, что ли?

— Ты где пропадала?! Я уж думал, буду обедать твоими окорочками.

— Спала. Сама не ожидала, что столько продрыхну, — за три месяца отсыпалась. Все мышцы ноют до сих пор, синяки от рукопашки не проходят, ну, теперь хоть котелок варить начал.

— Чего? Думаешь я поверю, что ты просто валялась в шатре, и тебя не посмели разбудить и сделать выговор?

— Я не вру! Вчера разговаривала со своим наставником. Как узнал, сколько мне лет,

возмутился, что меня заставили проходить боевую подготовку. Представь себе, даже отчитал тренера и некоторых "старших".

— Чему тебя ещё наставлять? Торди говорил, ты будешь помогать по хозяйству.

— Я умею писать — здесь это, оказывается, редкость. Позвали составлять планы. Без них в Сервоне и шагу ступить нельзя! — она закатила глаза и высунула язык. — Странно, да? Читать все умеют, а писать только те, кому по должности положено. Как же это они: зная, как пишутся буквы, за всю жизнь не пожелали их повторить? Не понимаю.

— Только не смейся!

— Мм?

— Я тоже тот ещё писарь — еле перо в руках держу. Мать терпеть не могла учить чему-то, кроме правил да обычаев. Бывало, отпраивляла спросить вождя, но чаще с умным видом твердила: "Если нужно будет, жизнь сама всему научит. А не нужно, так зачем мне тратить время впустую".

— А что отец?

— Сама знаешь, что. То же, что и твой.

— Да уж... — она поспешила сменить тему и с полной предвкушения улыбкой пропела: — Завтра ко мне придет Ши-и-ирм.

— Анж Ширм — твой наставник?! Мне бы такую удачу. Меня отдали какому-то старикану, живущему напротив кабака. Наверняка будет меня строить и побивать тростью.

Ширм на бумаге значился начальником лагеря, но навевдывался в свои владения редко. Зато когда всё же навевдывался, с неподдельным вниманием относился ко всему происходящему, старался помогать солдатам или хоть делать вид, что помогает. За юмор, чуткость и своё обращение его любили и новички, и старшие.

— Да, Анж хороший, теперь у меня все эти чёртовы тренировки по желанию, а ругать посмеют разве что за планы.

— Ширм здесь не каждый день, напросись к нему домой. По пути в город за нами не будет надзора — это шанс сбежать. Только не завтра: мне снова угрожал Фирб, но скоро он забудет. Будь готова в конце недели.

— И куда нам податься? Нельзя же так с бухты барахты. У них есть планы, значит, и нам нужен свой. Для начала заслужим доверие и пошпионим. Я поковыряюсь в бумажках — вдруг карту подсматрю, чтобы знать, куда бежать.

— Всё может перемениться по щелчку пальцев. Не в лучшую сторону. Мы наконец получили глоток свободы, но после наставничества какой-то поход. Кто знает, что нас там ждёт. Вдруг мы вообще не переживём испытания? Новички прибывают регулярно, а старшие из лагеря постепенно исчезают.

— Ширм сказал, что база — это ещё не весь галт-отряд, многие перебираются в город, получают назначение и ещё больше свободы. Если уж бежать, то действовать наверняка.

— Ага, уже мечтаешь жить в комфорте и быть уважаемой прислужницей. Мечтать-то не вредно, но для всех места под солнцем не хватит. Слышала, как нас называют? Дикарями! Не погрём, так застрянем в лагере простыми солдатами на год или даже два — есть тут и такие. Ло, опомнись! Ты совсем не чувствуешь угрозы?

— Какой же ты мнительный, Аваро. Ничего я не чувствую! Для меня страдания кончились, и теперь это место в сто раз лучше Анатри. Люди очень добры к нам. Кроме Фирба, конечно.

— А мне вот кажется, Фирб здесь самый безобидный. От него знаешь, чего ждать. А

остальные... Хамелеоны.

— Как и мы, Аваро, как и мы.

Аваро проснулся от того, что его бесцеремонно трясли за плечо, и с трудом разлепил веки. На краешке кровати сидела Ло.

— Вставай и собирай пожитки.

— Нужно бежать?! — вскрикнул он и подскочил на месте.

— Задолбал своим побегом. Ох, забыла, тебе же нечего собирать. Тогда иди за мной.

— Что ты тут делаешь? Девчонкам в ночное время нельзя быть в мужском шатре.

— Уже утро, дурачок. Пора и тебе с распорядком завязывать, совсем плох стал.

Он отогнул шторку и, прищурившись, глянул на большой циферблат под крышей штаба — физподготовка шла уже два часа.

— Надо же, меня никто не разбудил. Это значит, мы теперь "старшие"?

— Почти элита! Мы там с ребятами пишем письмо в высшие инстанции, чтоб разрешили переехать в новые домики тем, кто помогал их строить. А то заселили нас в дряхлые халупы, словно мы отбросы. Я жаловалась на червей под настилом и кривую кровать, а ты, бедняга, вообще в сарае живёшь. Он настолько ужасен, что у тебя даже соседей нет, — никто другой под страхом смерти не захотел бы здесь ночевать. Да у тебя же дырка в крыше! Мог бы заделать!

— Так она в углу, не над кроватью.

Ло в ответ только укоризненно выпучила глаза.

— Да, паршивенько, но не всё ли равно? Мы же не собираемся здесь задерживаться, — начал Аваро уверенно-утвердительно, но ближе к концу фразы выражение лица Ло заставило сменить интонацию на вопросительную.

— Ну хоть напоследок можно мне пожить, как царице?! В кишках уже шалаши, палатки и ночёвки под звёздами. Если хочешь изменить мир, начни вокруг себя! Пошли.

Снаружи, в тридцати метрах от построек потели на физподготовке новички. Аваро захотелось пригнуться и побыстрее уйти с открытого пространства, чтобы тренер не заметил, однако он сдержался. Ло бы не упустила шанс подколоть "братца" за малодушие. Исподволь он разглядывал тренирующихся: оставшиеся и впрямь вступили в отряд позже него.

Обычно командование заседало в штабе — тёмном и сыром срубе, отличавшемся от жилых домиков только размерами, но сегодня длинный кабинетный стол с лавками вынесли в центр поляны. Прямо на столе, по-детски болтая ногами, сидел сам генерал Анж Ширм с планшетом в руке. Его окружало шестеро старших — все беззаботно смеялись. Погода стояла дивная: солнце, лаская, не жгло, лёгкий ветерок доносил дурманящий запах полевых цветов, не видимые глазу птицы благоговейно щебетали из кустов. В светло-русой шевелюре Ширма заплутал солнечный зайчик, а загоравшие рядом девушки подвернули форменные брюки и оголили изящные коленки. После месяцев суеты, мытарств и изнурительного труда эта сцена казалась Аваро такой фантастической, невозможно прекрасной, что он на миг задумался: не имеет ли этот человек родственников среди богов?

Подойдя ближе, он несколько разочаровался: внешность генерала была отнюдь не божественной, всего лишь приятной. При росте ниже среднего он имел непропорционально широкий торс, крупные ручищи и тоненькие ножки. Одет был аккуратно и со вкусом, хотя моднику Торди и в подмётки не годился. Жакета не носил, идеально выглаженная белая

рубашка на манжетах была окантована синей лентой — края её вместо банального банта скреплялись узлом из сплетённых восьмёрок. Покрой рубашки подчёркивал могучую линию плеч, но и выдавал выпуклое, подобвисшее брюхо; верхние пуговицы были расстёгнуты, обнажая курчавую грудь, а типичные для генералов брюки явно ушивались, словно их хозяин гордился тощими ногами. Ширму, должно быть, едва перевалило за тридцать: морщинки на веках и лбу то появлялись, то исчезали. Причёска воплощала подлинный хаос, ей под стать и заросли на подбородке; пухлые дряблые щёки портили овал лица, но недостатки меркли на фоне озорных сияюще-лазурных глаз, уголки которых были направлены вниз — стоило генералу перестать улыбаться, как всё лицо приобретало скорбный измождённый вид. Впрочем, он почти всегда улыбался.

— Привет-привет, Аваро! — встретил его Ширм с воодушевлением. Он даже протянул руку, демонстрируя, что воспринимает солдата как равного. Прочие генералы такого себе не позволяли. Аваро осторожно пожал широченную ладонь, пребывая в замешательстве от спонтанного радушия.

"Думаешь, я польщён, что мне оказали такую честь?" — но вслух ничего не сказал.

Не дав повиснуть в воздухе неловкой паузе, Ширм затараторил:

— Твоей сестре пришла в голову отличная идея переселить вас в более подходящее жильё. Тут ребята тоже не прочь переехать, пообщайтесь и решите, кто с кем будет жить. Но сначала напишем прошение высшему руководству, как того требуют инструкции. Мы договорились, что каждый сочиняет по строке. Получается забавно. Хочешь присоединиться?

— Если нужно.

— Послушай, что вышло:

"Достопочтенный превеликий милостивый Генералиссимус! Ваши смиренные подчинённые из прославляющего честь страны галт-отряда обращаются с надеждой и упованием на благосклонное внимание к своим житейским неурядицам.

Нам известно, что Вы всецело поглощены делами наивысшей всеземельной важности, однако, дабы избежать подрыва здоровья ценных бойцов и ослабления оборонной мощи Сервона, просим благодетельного дозволения предоставить в их временное пользование новаторски спроектированные срубы, надёжно защищённые от вторжения змей, тараканов, плесени и прочих врагов градогосударства. Обязуемся под страхом позорнейшего из возможных наказаний — шествия в нагом виде под окнами канцелярии — бережно хранить вверенное нам казённое имущество.

Приносим глубочайшие извинения за столь дерзкое беспокойство, доставленное высокопоставленной особе и отнятое прошением ценнейшее время, а также направляем безмерную благодарность при любом исходе дела.

Вовеки преданные Вам, служащие верой и правдой, не жалея живота своего, солдаты пригородного галт-отряда. С соизволения и под руководством младшего генерала Сервона Анжа Ширма".

Ну как? По мне, так маловато хвалительных и уничижительных эпитетов.

Старшие заговорщически захихикали.

— А это не слишком?

— На то и расчёт.

— Думаете, у Верховного хорошее чувство юмора?

— Уверяю тебя, что он никогда этого не прочтёт. У него таких писем по сотне в день.

Максимум, на что можно рассчитывать, что один из его почтовых клерков вскрыет письмо, пробежит глазами, не поймёт, о чём речь, и отложит.

— Как же мы тогда получим разрешение? — вмешалась Ло.

— Письмо — чистая формальность. Пока заселитесь под мою ответственность, а я всем скажу, что вот-вот придёт разрешение сверху. Даже если нам откажут, письмо через все инстанции пройдёт не раньше зимы. Так что обустройвайтесь хоть сейчас.

— Блестяще! — восторженно вскрикнула одна из девушек, норовившая как можно теснее прижаться к Ширму.

— Ладушки, если дополнений нет, с письмом закончили. Нам с Ло ещё нужно план составить. Пока выберите домики и определитесь с соседями.

Анж расстелил перед Ло огромный свиток, занявший весь стол — у той аж челюсть отвисла. Не дав подопечной опомниться, генерал склонился над столом и принялся быстро водить пальцем по листу и объяснять ей что-то почти на ухо.

Аваро с ребятами отошёл подальше, чтобы не мешать. Он окинул парней взглядом и подумал, что пора бы перестать звать их про себя старшими. Стоявшего напротив он видел чуть чаще, их даже ставили вместе на рукопашке.

"Как же его звали... Ортей?"

Припоминая имя, Аваро невольно уставился на его ботинки, начищенные до блеска. Ортей, заметив это, сам начал разговор.

— Да, красивые, но для бега слишком увесистые. Ты-то в этом знаешь толк.

— Никогда не заморачивался насчёт обуви. Лишь бы подошвы не скользкие, и не босиком. Хотя, наверное, хорошие ботинки улучшили бы мои результаты.

— Куда уж лучше! Научишь меня своим техникам?

— Зачем тебе?

— Нууу, как же! Быть быстрым и выносливым, обгонять других. Для здоровья, говорят, полезно. Даже не знаю... Этого мало, да?

— Просто бегай. Но по-настоящему быстрым станешь тогда, когда толкать вперёд будут страх и отчаяние.

— Звучит тоскливо. Солдатам отряда бояться нечего, мы ж не преступники.

— Ты понимаешь страх слишком буквально. Он придёт, когда на кону будет чья-то судьба. Хотя не все могут разглядеть занесённый над головой меч.

— Скажи, как разглядишь надо мной, — он иронично усмехнулся. — Предлагаю занять домик под сосной — подальше от писклявых девчонок, да и внутри я постарался на славу. Даже зверушек на стенах вырезал. Батя мой — лучший мастер по дереву в Сервоне, стараюсь соответствовать.

— Согласен. А зачем ты в лагерь подался, если мог преспокойно трудиться столяром?

— К отцу часто заходит Торди. Странная у них дружба, ничего не скажешь. Зуб даю, что они друг друга на дух не переносят. Но дела ведут. Вот Торди как-то и намекнул, что в роду у меня были неблагонадёжные личности, так что если я хочу сохранить мастерскую от притязаний врагов, коих предки нажили немало, надо бы доказать свою верность службой.

— Вот лицемер!

— А может, и помочь хотел. Мне служба в радость. Здесь здорово.

Домик под сосной и впрямь был выстроен с душой. В резных контурах Аваро почудилось что-то неуловимо знакомое.

— А дверь делал ты сам?

— Ага! Можно было и лучше, но на работу всего по два часа давали.

— Я видел похожую совсем в других краях. Часом, не за дверями ходит Торди к твоему отцу?

— Это старый стиль, лет сто назад много мастеров так умели. А Торди-то двери зачем? Он не будет платить за то, что лагерные изготовят бесплатно. Всё больше ходит за мелкими диковинками для генеральских домов. В красоте смыслит, так что высшие чины его часто просят дом обставить.

Аваро коснулся двери и взволнованно застыл.

— Ну, ты чего? Спишь на ходу?

Напрасно он ждал перехода. Домик точно находился в Сервоне. Со всех сторон.

"Что же отличает обычные двери от порталов?"

Ломая голову над этим вопросом, Аваро прошёлся по комнате. Его отвлекло пыльное зеркало, висевшее напротив кровати: парень не видел собственного отражения со времён побега из Анатри. Внезапно его захлестнуло желание вынести своей физиономии объективный вердикт. В идеале. На деле он и понятия не имел, какими критериями следует руководствоваться.

"Что бы я сказал об этом человеке, если б он был не мной, а посторонним? Даже хуже — чужаком. Долговязый, далеко не такой широкий, как некоторые генералы, зато поджарый и гибкий. Квадратная челюсть, вздёрнутый нос. Волосы цвета древесной коры, зачем-то вьются. Давно они не знали гребня и воска. Но, кстати, лежат прилежно, не то что веник Ширма. Только бестолковые передние пряди отросли ниже ушей и свесились набок. Хотя... Что-то в этом есть".

Критически оглядевшись со всех сторон, Аваро не смог признать себя уродливым или откровенно неказистым. Тем не менее, он остался недоволен впечатлением, которое производил его облик. Зелёно-карие глаза с жёлтыми точками выглядели уныло-невзрачно, почти мертвенно, пугающе бледное лицо излучало странную смесь равнодушия и напряжённости. Пока новоиспечённый сосед разбирали вещи, Аваро пробовал улыбаться, играть бровями, подмигивать — ни одна ужимка не могла излечить застарелую пресность.

"Понятно, почему ко мне не жмутся длинноногие ровесницы".

Вывод был не вполне справедливым: девушки всегда и везде обращали внимание на без малого двухметровую фигуру, но интерес быстро сходил на нет за неумением верзилы проявить ответную симпатию. Сделать комплимент казалось сверхзадачей: он был чуток к красоте, но слова, срываясь с языка, не складывались во что-то приятное, зато легко могли задеть без всякого на то умысла. Флирт представлялся ему глупой детской игрой, а хроническая взвинченность не вызывала доверия у хрупких и ранимых существ.

Утомлённый самобичеванием, Аваро отправился в город искать дом Малька Охерна. Не заметить главный ориентир — кабак — было сложно: даже днём его посетители умудрялись разбивать вдребезги степенность и размеренность Сервона. Под вывеской прямо на мостовой вальяжно развалился щеголеватый, но безнадежно грязный господин. Густо накрашенная дама в траурном платье куталась в разодранную шаль из дешёвой ярко-жёлтой мешковины. Периодически она силилась поднять мужчину, хватала его под мышки, слабо дёргала и сразу сдавалась. Потом смущённо озиралась, отходила на пару шагов, хваталась за голову, теребила локоны и повторяла свой ритуал. Мужчина полностью игнорировал её попытки и бессовестно наслаждался непривычным ракурсом города, с трудом удерживая туловище в сидячем положении. Поймав взгляд Аваро, дама, не думая ни секунды, бросилась

к нему.

— Молодой человек! Помогите! Моему мужу плохо, он не может встать.

— Он пьян? Выглядит вполне здоровым.

— Ну и что? Это не отменяет того, что ему плохо! Отца моего бедного поминали, помер недавно. Вот супруг с горя и напился.

— Поминки в кабаке? Ладно, внутрь его затащу, если драться не полезет, а дальше сами, у меня дела.

Аваро приподнял мужика и тут же пожалел, что согласился. Тот не думал сопротивляться, равно как и способствовать своему перемещению. Обмякшее тело весило больше центнера — напрягая все мышцы, парень кое-как доволочил удивлённо побрякивающего пьянчугу до скамьи в заведении. Пока Аваро переводил дух, жена невнятно причитала. Не выдержав, он прервал бормотание.

— Случайно не знаете, где тут живёт генерал? Мне сказали, в доме с коричневой крышей, а поблизости все такие.

— Генерал этот ваш — дрянь бессердечная. Собутыльник моего батюшки покойного. Он-то его в гроб и свёл. Литрами хлещет! Отец на него равнялся, да не выдержало сердечко. А этому хоть бы хны! Даже в такой трагический день посмел сюда явиться. Теперь и мужа моего спаивает! Проклятие, а не человек.

— Нет, мой генерал совсем старик, куда ему. Мальком Охерном зовут.

— Так и тот уж не юноша. Он это, он, не сомневайся. Вон там его дом. Полчаса как отчалил, наклюкавшись. Даже не выразил соболезнования!

Аваро усомнился в правдивости истории. Во многом потому, что и от самой дамы сильно несло низкопробной бражкой.

На месте он тихонько постучал в дверь. Потом чуть громче. Через пять минут он колотил так, что дверь ходила ходуном. В доме не слышалось никакого движения — подождав ещё минуту, Аваро обошёл его со всех сторон. Шторы окна со стороны кабака были раздвинуты — парню хватило роста заглянуть внутрь. Старик с томным, отстранённым видом стоял у окошка, словно и не слышал, как к нему ломились. Аваро прикинул, что внезапный стук по стеклу чреват сердечным приступом наставника, поэтому поднял руки и махал ими, пока тот не обратил на него внимание. Нахмурившись, Охерн подумал, отошёл, вернулся и, наконец, открыл окно.

— Мымра тебя послала? Видал я, как ты уши развесил на её враки.

— Я только помог дотащить её мужа. Из уважения к утрате.

— Какой утрате?! Родитель уж год как помер, а она что ни день всё ходит его поминать. Совсем рехнулась. Ей бы в траур по утрате мозгов! А муженёк лет пять не просыхает. Ты кто вообще? Откуда взялся на мою голову?

— Торди обо мне не предупреждал?

— Торди?! С чего бы? Ааа... Ну и? Откуда ты, спрашиваю?

— Он обещал, что таких вопросов задавать не будут... — беспомощно пролепетал Аваро.

— Что за остолоп! Откуда пришёл? Я в городе всех знаю, а твою физиономию вижу впервые.

— Из лагеря. Галт-отряда.

— Понятно... Сейчас открою.

Аваро старался не пялиться на Малька, но пересиливал любопытство с трудом: он

впервые в жизни видел настоящего старика. В Фосе так называли людей под пятьдесят, а старше никого и быть не могло. Возраст выдавшего вида наставника представлял для него загадку. Шестьдесят? Восемьдесят? Точно не девяносто, потому что настолько пожилые рисовались ему высушенными на солнце абрикосами. Мальк не был сморщенным и скукоженным, лишь немного расплывшимся; седина ещё не полностью захватила его густую шевелюру. Дед сильно хромал — о том, пьян ли он, судить было трудно: неслаженные движения объяснялись ветхостью тела, затуманенный взгляд легко приписывался мудрой задумчивости и показной пренебрежительности ко всему, что младше него в три раза. Пахло от старика не то воском, не то отсыревшей бумагой.

Вся мебель в просторном доме наставника была из тёмного лакированного дерева — дорогой древний гарнитур. Они прошли в кабинет, освещённый лишь узким окошком под потолком.

— Садись.

Мальк сел напротив него, сложил руки на коленях и уставился в стену. Молчание затянулось. В конце концов старик совладал с меланхолией и вполголоса спросил:

— Торди сказал, чему тебя учить?

— Нет.

— Хмм... — он раздражённо встал, обошёл стеллажи, вытащил с полки книгу и бесцеремонно кинул её на стол.

— Читай, — и тут же ретировался в другую комнату.

Книга содержала уже знакомые предписания сервонцам с чуть расширенными формулировками, скучными историческими справками об их сочинении, поучительными примерами, философскими выкладками, комментариями авторитетных знатоков и явно приукрашенными биографиями этих самых экспертов. У Аваро разболелась голова от зашкаливающего количества случайных фактов и заумных рассуждений. Он тихонько встал и потянулся к полке в поисках более полезного чтива: путеводителя, географического атласа или сборника местных преданий. Не успел он пролистать и двух фолиантов, как за спиной материализовался наставник. Аваро не ожидал, что хромой старик сможет подкрасться к нему незамеченным.

— Что ищешь, гений? Я так понимаю, ты уже прочёл триста страниц и готов к экзамену?

— Почти.

Наставник спросил у него пять предписаний и успокоился. Похоже, он и сам не помнил, о чём книга.

— Ты, судя по всему, неместный. Неуч, стало быть.

— Так точно. Расскажите о Сервоне, мне будет полезно для... стратегического мышления.

— Сервон — это тебе не деревня, а последний сохранившийся город-государство. Благодаря чему он уцелел?

— Пяти предписаниям, — привычно отчеканил Аваро.

— Категорически неверно! Как ты себе это представляешь?! Предписания пойдут поля орошать, будут за порядком следить, растить мастеров да генералов? Благодаря людям — моим предкам. Они предписаниями не ограничивались. Помнили и соблюдали сотни и тысячи правил: не строй крышу из соломы, учи детей грамоте, готовь припасов на зиму больше, чем съел за прошлую, не спи в карауле. Это нам их правила кажутся

элементарнейшими, но они стали таковыми считай вчера и потому лишь, что народ, нахлебавшись горя от своих ошибок, признал их священной истиной. Правила есть правда, и правят по праву. И были они записаны, и более никто не рвался испытывать на себе последствия попраения непреложных законов: кара-то в суровые годы не заставляла ждать. Страшно жить, раз такие вещи объяснять приходится!

Аваро против воли почувствовал себя пристыженным, хотя знаниям о сервонских нравах и обычаях взяться у него было неоткуда.

— А как Сервон появился?

— Легенд много. Одна гласит, что город основал пять веков назад великий воин Флуан, отказавшийся служить грозному всеземельному властителю Циладу. Не из упрямства и себялюбия он нарушил клятвы царю — тот каждое утро варил в котле двух-трёх лучших своих солдат, чтобы задобрить не признанных простым людом богов. Прознав о бесстрашии и неsgiбаемой воле Флуана, к нему сбежали давние братья по оружию, с которыми он вместе рос — всего девять душ. Они набрали войско из кровожадных дикарей и хитростью выигрывали все сражения, пока Цилад не помер, и царство его не пришло в упадок. Но и дикари вскоре бросили службу предводителю и разбежались кто куда, чтобы дальше промышлять грабежом. Гордые воины Флуана не были приспособлены выживать в лесах и горах, не знали даже, какие ягоды ядовиты. Голодали, страдали, болели, пока не сообразили брать себе в жёны девиц из коренных племён, что владели тонкостями охоты и древними искусствами, но разговаривать толком не умели. Богатства Флуана стали множиться, и он построил крепость в тогда ещё окраинных землях. У каждого из великой десятки было по десять жён, а детей и не счесть. Девочки все до единой погибали в младенчестве, так что сыновьям и внукам Флуана снова приходилось путаться с чистокровными аборигенками. Так закалённый мужской дух и женская бессловесная умелость родили трудолюбивый и воинственный народ. Эти черты и по сей день хранят Сервон. Моя любимая история.

По другой версии город вырос сам собою для укрытия бродячих купцов-ремесленников от разбойников да хищников. По третьей предки сервонцев потребовали эту землю у коренных племён в обмен на прекращение вражды. Разве стоят эти две истории, чтоб их передавали через поколения?

— А от царства Цилада точно ничего не осталось? Есть по соседству другие города? Мне бы карту глянуть. Вдруг напасть замыслят, а я даже знать не буду, кто придёт нас убивать.

— Убивать? Ха! От их могущества один скелет остался — жалкие деревушки на сто-двести душ. Слишком слабые противники, давно бы их к Сервону присоединили, кабы был толк. Прозябающих без правил не минует упадок! — гордость за отчизну или хмель ударили Мальку в голову, и всё чаще проскальзывали неуместно высокопарные словечки. — На огромном пространстве ничего, что заслуживает именоваться градом, хотя Марче, Фос, Энфал, Лака при моём деде были солидными поселениями. А теперь что? Курам на смех.

— Фос, к примеру, далеко отсюда?

— Километров триста будет.

— Меньше недели пути верхом! Вы там бывали?

— Этого не хватало. Там дети отцов едят, матери детей. Дикари, одним словом.

Подмывало спросить про двери, но внутренний голос подсказывал: момент неподходящий. Наивность Аваро всё ещё болезненно переваривала факт, что порталы служат не склейке разных миров, а улучшению логистики.

— Полчаса до обеда. Могу предложить мочёные сухари.

— Нет, спасибо. Вернусь в лагерь, сегодня старшие девушки готовят — должно быть съедобно.

— Давненько лагерной стряпни не пробовал. Помню себя новобранцем — молодым, статным! Эх... Завтра приходи обязательно! В то же время. Прервёшь обучение, и всё в кашу смешается. Кстати про кашу: еды мнехвати — на пробу. А от кабака держись подальше, рано тебе.

В лагере Аваро встретил взволнованный галдѣж, солдаты с деловито-озабоченными лицами шныряли из палатки в палатку вместо того, чтоб готовить обед. Только Ортей самозабвенно чистил инструменты на крыльце.

— В чём дело? Из-за чего переполох?

— Зоргата волк укусил. Можешь глянуть, но интересного мало — кровь остановилась, разодранную кожу на ноге подшили.

— Часто здесь так?

— В первый раз. Сам напросился. Второгодки забредают далеко за границы лагеря, спасибо, что головы в логово не суют. Анж Ширм собрался всех волков в лесу перебить — больше ж делать нечего. Хотя он прав, это надёжнее, чем дураков воспитывать.

— Причём тут генералы? Для чего нас учили охоте?! Мы не дети. Большинство из нас.

— Вот у него и спроси. Зоргат, как оказалось, охотник паршивый. А это кое-что говорит обо всех нас. И солдатах, и командирах. Пусть расхлёбывают, сам я в лес теперь не сунусь. Да и не пустят никого без ведома начальства. Можно забыть про вольные прогулки.

— Ты так смиренно об этом говоришь?!

Неожиданно для себя самого Аваро лупанул кулаком в стену.

— Эй, вообще-то я этот домик сколачивал! Чего дебоширишь? Прикончат волков, и будем снова спать спокойно.

— Да плевал я на волков! Они только и ждали повода нас на цепь посадить.

— Кто они-то?

Аваро не стал обременять себя ответом и решительно вылетел на поляну. Ширм и Ло куда-то запропастились, так что парень примкнул к столпотворению возле генеральского штаба.

— ...охамели в край. Надо показать им силу, иначе лёгким кормом станем.

— Да успокойся ты, волки нарочно людей не едят. Кто виноват, что Зоргат подошёл слишком близко.

— Хватит всё на него валить! Волчара исподтишка напал, бедняга и опомниться не успел. Не сегодня, так завтра и до наших шатров доберётся. На словах все мы сильные да смелые, а ты попробуй во сне от зверя отбиться.

— Вот именно! Вдруг волк и лагерь считает своей территорией. Или хуже — кормушкой. Если глотку во сне не перегрызёт, так провизию стащит.

— А на что нам дежурные? И собаки?

— Очень смешно. Все знают, что в дежурство только тупых новичков ставят. А собаки наши первыми попрячутся.

— Сам ты тупица! Меня в дежурство кинули из-за доноса лживого ханжи. Очень на тебя похожего.

— Прости-прости. Ты, Буб — редкое исключение, жертва обстоятельств. Все завидуют твоей гениальности и строят козни.

Кто-то засмеялся. Буб вдохнул побольше воздуха, чтоб разразиться длинным потоком бранных слов, но из штаба как раз вышел удручённый Ширм. Все стихли и с любопытством уставились на него. Командир быстро прошупал глазами толпу и жестами подозвал к себе нескольких второгодок.

— Остальные, сделайте одолжение, расходитесь. Побеседовать можете в своих шатрах. Ваши крики сильно мешают.

Толпа разочарованно рассасывалась, Аваро же просьбу проигнорировал: улучив момент, юркнул за дверь штаба. Без приглашения вторгаться воспрещалось, но он не боялся, что Ширм погонит его метлой или накажет дежурством. Даже хотел этого.

— В чём дело?! — голос Ширма прозвучал неожиданно жёстко, категорично.

— Я потерял из виду сестру, вы не знаете... Ах, вот и она.

Ло сидела в углу и торопливо водила пером по бумаге. Её присутствие в штабе было не к месту: маленькая розовощёкая девочка, взбудораженная чем-то из ряда вон, среди угрюмых мужиков, что готовились к "войне".

— Иди, Ло, позже сам возьмусь за доклад, — в обращении к ней генерал использовал более доброжелательную интонацию.

— Я почти закончила. Можно остаться? — и шёпотом добавила, — Пожалуйста.

Ширм на секунду замер, усилием разгладил морщинки растроганности на лице.

— Как знаешь.

Аваро всё ещё стоял в проходе — Анж глянул на него вопросительно. Без улыбки он казался гораздо старше и строже.

— Слышал, вы планируете охоту. Могу я помочь?

— Верхом скакать умеешь?

— Пробовал в детстве.

— Тогда нет, увы. Надо будет мчаться галопом сквозь чащу, неопытного наездника лошадь скинет или заупрямится.

— У волка чуткий слух. Всадники его напугают, он тут же спрячется. Кто-то тихий должен обнаружить зверя и погнать в нужную сторону, где встретит конница. Либо заманить.

— Мне не нравится слово заманить. Вряд ли тот, за кем волк погонится, отделается испугом. Волки быстрее людей.

— Не все волки, не всех людей. Мне приходилось бегать наперегонки с собаками. Сложно только в начале, потом они выдыхаются.

— План любопытный, но речь идёт о диком звере. Или о целой стае. Я не буду рисковать жизнью новобранца. В качестве загонщиков как раз сгодятся псы, — Ширм отвернулся и продолжил обсуждение с "избранными", игнорируя навязчивость Аваро. — Легко говорить, что солдат нарушил границы, но мы их даже не обозначили! Ни табличкой, ни ограждением. Целиком наша вина... В смысле, командующего состава. Вы тут ни при чём...

Тактика бельма на глазу не работала, так что отвергнутый доброволец покинул штаб, хлопнув дверью. Пытаясь стряхнуть досаду, он обошёл лагерь. Едва Аваро приближался к границам, в будке привставал дежурный и отслеживал каждый шаг. Не обычный новичок-раздолбай, а третьегодка, который появлялся в лагере исключительно по важным поручениям.

Шторка набитого битком шатра Зоргата вздымалась от ветра. Юноши и девушки сидели по краям кровати, на лавке, на полу; сердобольная подружка гладила ногу пострадавшего, а сам он раскатисто заливал о своём приключении.

— Огромный волчище, зубы, как лезвия! Клацал ими и на меня кидался. Я его отпинал по почкам, но он, гадина такая, перехватил мою ногу. От злости я вдарил ему по яйцам —

зверюга тут же ускакал. Хвост поджал, скулил, как цуцик. Если б я струсил и не дал сдачи, он бы точно меня сожрал — всё рвался к горлу. Так что, девчонки, ради вашего же блага будем вас всюду сопровождать. Даже до сортира, хе-хе.

За обедом к Аваро подседа Ло.

— Ну ты и отмочил! Я бы со стыда сгорела. Будь на его месте другой генерал, тебя бы отправили по новой проходить подготовку.

— А что ты там делала? Ходишь за своим Ширмом по пятам, скоро в его тень превратишься. Втрескалась по уши?

— О чём ты? Ему ж лет двести, — она убедительно хохотнула. — К тому же у него жена есть. Просто человек хороший. И весёлый. Ощущаю себя важной и нужной.

— Матёрый боров строит из себя паиньку. Что может быть естественнее? Облаву устроил для того, чтобы все говорили, какой Ширм храбрец, как он всех спас от неминуемой гибели. Только и думает, чем похвалиться перед начальством и впечатлительными особами. Потому и не позволил мне стать центральным звеном плана — вся слава должна достаться ему.

— Ну что за бред! Я предложила помощь, которая мне по плечу, — и он согласился, а ты припёрся строить из себя героя-мученика. Теперь обвиняешь его в том, чем сам грешешь. Это отвратительно.

— Кто тебе сказал, что я собирался геройствовать?

— А что тогда?

— Сама ответь, раз такая проникательная.

— Сбежал бы во время охоты? Они ж на лошадях... Да и бежать некуда.

— Я умею прятаться. Решили бы, что волк загрыз. А про местную географию знаю побольше твоего.

— Ага, и подставил бы Ширма! Погоди, а как же я? Меня в свой план не включил?

— Я ведь собирался сдать тебя дояркой первой же старухе. Вышло не так здорово — придётся тебе быть важной и нужной куклой солдафона. Не могу же я препятствовать счастью любимой сестрёнки.

— Любимой? Ну-ну. В следующий раз хоть предупреди, когда решишь исчезнуть.

Вопреки усилиям Аваро ужалить её побольнее, Ло совсем не выглядела обиженной, разве что немного поникшей. В его путаные размышления грубо вторглась беседа двух пышек-второгодок, сидевших напротив. Они безжалостно расправились со своими порциями, но вставать из-за стола не торопились: вдруг кто-то не доест.

— Он на носочки встал и потянулся за вазой на полочке. Штаны снизу задрались, дай-ка, думаю, гляну — вдруг гладкую лодыжку увижу. Ан-нет, белые чулки из кашемира! Да ещё с вензелями. Где бы мне теперь разжиться такими? Спросить неловко. Может, ты спросишь? Ты девка бойкая, любишь на рожон лезть.

— Ой, только не с ним. Торди я боюсь. Сдаётся мне, не человек он. Не может человек в жару носить сорочку, рубаху, корсет, жилет, велюровый жакет и шёлковый платок.

— Ха-ха! Страсти у него очень даже человеческие.

— А ты больше в сплетни верь, к старости совсем с катушек съедешь. Мне тоже, конечно, хочется верить, только я не дура. Были у меня разные мужики, но ни один не стал бы ждать столько лет! Девки придумали байку, чтобы другие девки ахали.

— Дык то твои мужики, а Торди — старший командир. Говорят, будущий генералиссимус после... Ну, ты поняла.

Наутро Аваро выдвинулся к Охерну с твёрдым намерением выведать ценные сведения. Через окно кабака он разглядел яркую шаль Траурной Дамы и ускорил шаг. На этот раз старик открыл дверь после пятого стука, запах вина был ловко перебит недавно съеденным луком. Генерал еле передвигал конечностями.

— Принёс вам рагу. Вчерашнее, правда, но вкусное.

— Я ж пошутил! Но ты, вижу, парень серьёзный, ответственный. Давай сюда.

— Что у вас с ногой? На неё кто-то покушался?

— Черта с два я дал бы вшивым людоедам себя подьесть! Болячка паскудная. Был у врача — уж год минул — тот глянул, пощупал и выдал: медленно отсыхает моя левая. Виноват, мол, я сам, и только мне её чинить, а коли не послушаю его, так отрезать придётся. Может, кто-то в этой жизни и отведал моей плоти... В общем, ничем не помог, но денег, стервец, взял, как за корову. Говорили ещё, врач хороший.

— Как же нога сама отсохнуть может?

— Вот и я не верю. Глупость, скажи? Но выдумщик он даровитый. Складно заливал, что вены жиром обросли, оттого что кушаю я, видите ли, много. Знавал людей, что с голоду окочурились, но ни один при мне не помер от сытного ужина. И вот... О чём я? А! Прежде жилы мои широкие были, просторные: молодая кровь свободно гуляла из ноги в подмышку, из подмышки в мочку уха, оттуда обратно в мизинец или в более нужные места, хе-хе. В крови — сочиняет лекарь — мелкие красные букашки плавают и носят с собой жизненную силу, а ныне мои якобы из-за жира всё чаще застревают в узких проходах. Так это полбеды! Врачишка обвинил меня, почтенного генерала, что я обленился и гулять перестал! Кровь вся в ногах стоит, а дурные букашки, нет бы обойти затор, начинают цепляться друг к другу, словно мёдом обмазанные. Им так проще, видимо. Новая козявка пытается протиснуться сквозь них, но где там... Против неё сотни, что стали единым плотным комом — не впускают и не выпустят никого. И плевать им, что без новой крови нога опухнет, посинеет и сгниёт.

А жив я, говорит, лишь потому, что имеются ещё резвые букашки, которые гнусный затор по другой, долгой и сложной дороге обходят. И всё ж запугивал меня, что скоро эти комки везде будут. Вот фантазёр!

— А вдруг он прав? Прошу прощения, гулять и меньше есть звучит несложно.

— Ты, чай, в диком племени рос? Нельзя, нельзя быть таким суеверным! Но будь это трижды правдой, что я, старик, могу против заговора собственной крови? Изжить меня со свету хочет. А и пусть: кровь вне тела тоже портится и смердит.

На лице наставника не было и тени страха смерти, он воинственно вскидывал руки, метал искры из потемневших глаз — Аваро даже растерялся. Заранее выстроенная в голове нить разговора расплзлась.

— Торди вам что-то говорил обо мне? — начал он невпопад.

— Зачем ему что-то говорить, у меня глаза имеются. Вижу я, что ты дикарь, но не из самых гнусных. Так ведь и сам Торди не сервонец, а каким человеком стал! Только эта его протекция над своими до добра не доведёт.

— Думаете, у него есть на меня планы?

— В каком это смысле?

— Кажется, он что-то говорил о дверях. Что я могу с ними помогать, — Аваро сочинял на ходу. Он трезво оценил, что любое неосторожное слово заставит его бежать сегодня же, но ради шанса узнать больше готов был идти на любые риски.

— Прямо так и сказал?

— Ну, не совсем прямо, скорее намекнул. Мне так показалось.

— Чтоб он доверил двери сторожить новобранцу? Чужаку?! Тоже, видать, стареет.

— Зачем их сторожить, они ведь все закрыты, так?

— Бывает, что и открываются. По нужде. За их сохранностью да ключами должен надёжный человек следить.

— Открываются?! Для кого?

— Такое удивление неприемлемо. Сервон — не темница, а развитый город. Ясное дело, негоже, чтоб жители беспрестанно кочевали, гибли от беззакония, болезнями заражались, чтоб головорезы к нам лезли. Но бывает, что застревают здесь людишки, которым в Сервоне не место. Таких мы преспокойно выпроваживаем, так сказать, давление сравниваем. Пусть себе дебоширят вволю где-то на другой стороне, не отдавать же всех поголовно на съедение.

— Почему нет?

— Мы не дикари! Пищи тем, кто трудится, хватает. К тому ж, кое-кто из верхушки излишне серьёзно относится к ритуалам поглощения.

— За что сервонцы так не любят дикарей?! Приписывают им алчность и себялюбие, хотя те то и дело жертвуют собой ради детей и собратьев. Если это не благородство, то что тогда?

— Ага, благородством так и пышет от их жадных ртов. Дикари переняли у аборигенов древний обряд, извратили донельзя и прикрываются до сих пор. А изначальную суть вожди от наивных соплеменников скрывают.

— В чём же разница?

— Ты-то настоящего голода, считай, не знал. Вся эта жуть, нагоняемая чудом выжившими старухами: "сегодня ты сыт, но помни, юнец, скоро зима, засуха, мор, война; ты должен быть сильным, а потому при случае сожри отца и мать," — давно уж устарела. Однако поучения их не с потолка взяты: они видали всё то, чем страшат, и ждут этого снова и снова, будто мир закольцован. В прошлом мясистое, здоровое человеческое тело ценилось на вес золота, ведь им можно кормиться месяц, а то и два. Умные аборигены задаром с такой драгоценностью не расставались: обряд — не что иное, как сделка по продаже полцентнера мяса за одну-единственную слабую душонку.

— Может, дикари в отличие от них и глупы, зато бескорыстны.

— Не перебивай! Сделки касались только отцов или матерей и их незрелых чад: между посторонними честного обмена по верованиям аборигенов быть не могло. Считалось, будто ребёнок, поглощая плоть родителей, лишался собственной души. Помню, дед, попав под чары одной ведьмы, пытался доказать мне, что обмен реален. Мол, смотри на молодёжь, как она хорохорится, стыдится, хулит предков, но пару лет спустя повторяет все их ошибки, перенимает манеры, привычки, суждения, не ведая, как так получилось. Всё спрашивал меня: если б обмен был ложью, стали бы люди в муках рожать детей, растить их, выкармливать, ущемляя себя? К чему это, если нельзя переселиться в их свеженькое, полное энергии тело? Коли детей много, так и армию можно создать под руководством единого ума. Я уж побаиваться начал, как бы дед меня под видом солонины собой не накормил.

— Когда я принадлежал к племени... меня заставили поглотить отца. Частями. Тогда он был ещё жив, но и после я не чувствовал никаких изменений. Я остался собой! А если бы отведал плоть матери или других родных? Как бы ужились во мне все эти души?

— Что ж ты так переполошился! Сядь на место, на вот настоечки глотни. Всё это байки,

да и только. Что вообще такое эта самая душа? Ты знаешь? Вот и я нет. Но если бы твоя душа исчезла в миг поглощения, как бы ты почувствовал изменения? Твой отец в тебе не имел бы понятия, каким ты был прежде, а воспоминания тела воспринял бы как должное. Все мы меняемся. Честное слово, оглядываясь на себя молодого, недоумеваю, что у меня было в голове и что я был за человек такой! Хех, ну и побледнел же ты! За чистую монету принял, дурень?

— А куда по поверью девались души детей-людоедов? Было у них своё пристанище?

— О таком не слыхал. Эти души никого не волновали: они ещё не успели обзавестись разумом, опытом, волей, моралью. Какая в них ценность?

— И всё же жаль их. Не потому, что я один из них. Даже не знаю... Без здоровой причины.

— Кем бы ты ни был, ты уже таков. Всё давно случилось, можешь выдохнуть с облегчением. Вот о родне твоей надобно сообщить. В наших краях бытовое поедание карается.

— Они давно мертвы.

— Ааа, что ж, это к лучшему.

— Почему же разрешено поглощение преступников?

— Чтоб безголовые деревенщины не бунтовали. Им всё равно, кого обглаживать. Исконных верований не помнят, а вот вкус человечинки забыть не могут. Как думаешь, передалась тебе эта склонность? — Мальк тщетно пытался изобразить на лице конфиденциальность.

— Я со всех ног бежал от таких. А в детстве к этому готовился, тренировался. Не верите? Могу доказать: до сих пор я самый лучший в забегах и на скорость, и на дальность.

— Поваяло сельским простодушием, — протянул Охерн с ностальгической дымкой в глазах.

— Отчего же?! — злость внутри Аваро росла с каждой насмешкой наставника.

— От слова "самый". А ты не дуйся! Честно признаюсь, что завидую. В своём крохотном захудалом племени каждый мог быть в чём-то самым-самым. Даже ругательные клички по-своему очаровательны, они ясно показывают: есть в тебе такое, что людей приводит в восторг. Я и сам ребёнком проводил дни в шайке таких же мальчишек-погодок, нас на всю округу было не больше десятка. Дети тогда чаще умирали, чем жили, и чаще бывали голодными, нежели сытыми. Потому-то единственный тучный по нашим меркам парень с первого взгляда обзавёлся титулом Жирдяя. Дразнили его до пены у рта, потому как был он для нас сродни сказочной твари. Столько чести, а он, болван, плакал. С тех пор я повидал уйму толстяков жирнее и безобразнее, уже и не вспомню лицо того, самого первого.

— В деревне сбежать от травли некуда, это правда. Вот я и сбежал из деревни.

— И что, доволен ты своим побегом? Отвращение и обожание — стороны одной медали. Будь тот толстяк единственным, я помнил бы его до гроба, рассказывал бы не только тебе, а каждому встречному. Нынче нас много, слишком много. Живём, будто в улье. В людском скопище нет места величию, — на этих словах он зло плюнул себе под ноги и замолчал, будто затушил вспыхнувшую искру.

— Мне казалось, вы любите Сервон...

— А причём тут Сервон?! Люблю всей душой! Я тебе про концепцию в целом. Сервонское общество — лучшее из возможных. Наверняка Торди оценил твои таланты, раз послал ко мне. Но вот эти мысли — про то, что ты самый-самый, — держи при себе, не

позорься. А теперь берись за книжки. Только и знаешь, что зубы заговаривать!

На входе в лагерь строгий дежурный отметил время возвращения Авара в журнале. Потребовал в следующий раз иметь при себе записку с подписью наставника — с новыми порядками побег без чёткого плана и маршрута был обречён на провал.

В центре лужайки Ло восседала верхом на серой кобыле Анжа. Тонкие загорелые пальцы неуверенно, но крепко цеплялись за седло. Ширм вёл лошадь по кругу за поводья, а другой рукой лапал воздух в сантиметрах от бедра девушки, чтобы поймать её в случае падения. Ло сильно сжимала скулы, сдерживая улыбку во весь рот. Только сейчас Аваро осознал, как сильно "сестрёнка" изменилась за полгода. Вытянулась сантиметров на пять, но всё ещё оставалась маленькой, лицо заострилось, глаза выступили вперёд, волосы отросли ниже лопаток. Привычная коса плелась искуснее, с висков исчезли лохматые завитушки. Немного округлилась фигура: прежде царапавшая взгляд худоба пацанёнка превратилась в пластичную утончённость — не женственно-лебединую, а, скорее, цапельную. Ло помахала рукой, рискуя свалиться. Аваро хотел было демонстративно отвернуться, но краем глаза заметил Торди, несущегося к парочке размашистой походкой через всё поле. Парень медленно подошёл ближе в расчёте подслушать разговор. Слух его не подвёл.

— Как прошла охота? — в голосе Торди звучал упрёк. Сведённые на лбу брови намекали, что он уже знал ответ.

— Бонан тагон! Отчёт почти готов, перепоручил ассистентам. К сожалению, на сегодня похвалиться нечем: следов волка не обнаружено. Допускаю, что в наши края он забрёл случайно. В любом случае завтра повторим вылазку, расширим зону поисков.

— Это волк, Анж. Всего лишь. А мы военный отряд численностью сто восемьдесят человек.

— В моём распоряжении, то есть на базе, всего шестьдесят три. Новички и десяток второгодок. Вы и сами знаете.

— Это предложение снять с задач весь состав и направить на охотничьи забавы?

— Мы справимся, не сомневайтесь.

— Мне нужен результат. Как можно скорее. И относитесь к солдатам как к подчинённым, — он укоризненно глянул на Ло. — Кажется, вам с женой пора задуматься о детях. Нянчиться с новобранцами значит оказывать им медвежью услугу. Не забывайте, что субординация — вещь обоюдная. Жду от вас более конструктивного подхода к наставничеству.

— Принято к сведению.

Ширм упрямо продолжил водить лошадь по кругу, только убрал в карман страшющую руку. Торди и не думал уходить, а встал под деревом, не отводя глаз от лужайки. Первой сдалась Ло: нагнулась, шепнула что-то наставнику и заёрзала в седле. Ширм с печальной миной помог ей слезть и повёл лошадь в загон. Поравнявшись с Авара, он остановился.

— Буду рад, если завтра в семь навестишь штаб. Готов испробовать твой план. Если не передумал, конечно.

— Не передумал. Приду.

Ширм удалился, а Ло тут же направилась к "братику" — назло ей Аваро ускорил шаг. Почти перешёл на бег. Пока она тщетно пыталась нагнать его, залетел в свой домик и запер дверь. Ортея в комнате не было. Парень повалился животом на кровать, моля о скорейшем наступлении сна без сновидений. Две минуты спустя в дверь забарабанили.

— Эй! С ума сошёл? Открой. О чём вы там с Анжем переговаривались? Не обо мне надеюсь?

— Сгинь! Не хочу никого видеть. Особенно тебя. Я сплю.

— Три часа дня! Вдруг командиры хватятся?

— У-ма-ты-вай!!

Наступила тишина. Через минуту послышалась возня с другой стороны дома. Следом Аваро различил лёгкие шаги, но даже не поднял головы. На шею ему легла маленькая ладонь.

— Что с тобой?

— Влезла в окно?

— Ага! Думал, от меня просто отделаться? Я везде тебя достану.

— Хочу выспаться. Завтра облава.

— Сбежишь? Один?

— Да. Или нет. Может, выслужусь и получу чуть больше свободы. Может, это мой последний шанс удрать.

— А если не вернёшься... Соревноваться с хищником — не то же самое, что убегать от неповоротливых людишек. Как я узнаю правду: обвёл ты их вокруг пальца или погиб страшной смертью? План твой — полное фуфло!

— Я уже умер. Давно! Переживать за покойника — пустая затея. Ты никогда и не знала меня живого, настоящего.

— Что ты несёшь?

— Это кара. Или проклятие. Поглотивший родителя лишается своей души. Не знаю, кто я, но точно не тот, кем должен быть.

Ло приподняла его за плечи и усадила. Аваро закрывал лицо руками.

— Мне всё равно, кто ты. Я увидела тебя у сарая и сразу поняла: ты во сто раз живее моих родных, подружек и соседей.

— Но не живее, чем Ширм, так ведь?

— Он другой. Без него я смогу, но как быть дальше без тебя? Не хочу даже думать.

— Сладкая ложь!

Аваро резко схватил её за талию — Ло потеряла равновесие и плюхнулась ему на колени. Он держал крепко, хотя девушка не пыталась вырваться.

— Я не вру.

— Тогда докажи, что я хоть что-то для тебя значу!

— Как? погоди, придумала. Я упрошу Ширма. Буду умолять, если потребуется. Он сам откажется от твоей помощи.

Притянув её ближе, Аваро зловеще улыбнулся и прошептал на ухо:

— Я знаю, как умер твой отец. Ты такая же бездушная гниль, как и я.

Ло принялась брыкаться, норовя съездить ему кулаком по носу, но парень мёртвой хваткой вцепился в её запястья.

— Пусти, чокнутый! Надеюсь, завтра волк как следует тобой полакомится!

— Это я и хотел услышать. Больше не лезь ко мне, шалашовка.

Он оттолкнул Ло от себя, и в тот же миг в дверь робко постучали.

— Эй, ты чего заперся? Я тоже здесь живу.

Аваро поднял засов. Девчонка стрелой вылетела из комнаты — Ортей присвистнул, глядя ей вслед.

— Странные у вас с сестрой отношения. Я пару едких выраженьиц услышал на крыльце. Могли бы и потише лаяться.

— Только попробуй разболтать! Это наше дело. И вообще она мне не родная.

— Я похож на трепло? Раз не родная так и правильно, в шею её. Она что тебе смерти желает?

Аваро уже третий час безрезультатно бродил по лесу. Его мутило от запаха подтухшей коровьей печени в мешке за спиной. В первоначальный план Ширм внёс правки: хоть и согласился не брать собак, чтоб не распугивать зверей, но от быстрого новобранца требовал только приманить волка, скормить ему мешок мяса, а пока клыкастый будет с ним разделываться, медленно отойти и подать сигнал ожидающим всадникам — завывать. Если волк испугается и драпанёт, тогда уже погонщик мог его преследовать, выдерживая дистанцию. Лук брать запретили.

...Видимость в густом лесу низкая, издалека не попадёшь, а с десяти метров атаковать — почти самоубийство: одна стрела едва пробьёт шкуру. Пока достанешь вторую, разъярённый хищник уже будет у твоего горла... — инструктировал Ширм на утреннем собрании.

Всё это время Аваро думал о побеге, но чем глубже забредал в лес, тем всё меньше верил, что сможет уйти далеко без карты и припасов. При себе у него были кинжал, четыре метательных ножичка, верёвка с петлёй и мешок смердящего мяса, съесть которое он согласился бы разве что за подробную карту не только Сервона, а всего мира. Или за правдивую историю происхождения дверей. За то, чтоб никогда не знать Ло. Но с последним он не был так уверен: всё-таки мясо пахло омерзительно.

Аваро решил поменять тактику: теперь он отрывал по маленькому куску печёнки и кидал в траву через каждые пятьдесят шагов.

"Так волк быстрее учует приманку, пойдёт по мясному следу и приблизится с нужной стороны".

Когда в мешке осталась четвертина, охотник услышал треск дерева и замер на месте. Звук не утихал. Он опустился на корточки и вгляделся в серую гущу. Что-то дёргалось справа, скрытое кустами. Прежде чем завывать, Аваро должен был убедиться, что это не птица или кабан, иначе весь день потрачен впустую.

Он крался почти бесшумно, но уже через пару шажков треск сменился хриплым рычанием. Сердце забарабанило где-то в глотке, мешая ровно дышать. Охотник медленно достал из мешка кусок печени и кинул перед собой — зверь принюхался, шурша ноздрями, но не подошёл. Треск продолжился. Ноги Аваро начинали затекать, а волк всё не спешил показываться.

"Чем дольше пробуду во власти страха, тем труднее дастся малейшее движение в сторону опасности. Волки трусов любят только на обед".

Он заставил колени распрямиться и подошёл к источнику звука, не кроясь. Метательный нож был наготове. Зверь лишь мельком глянул на него и продолжил с упоением вгрызаться в бревно, превращая его в труху, даже пытался проглотить оторванные щепки. Достав ещё один кусок говядины, Аваро медленно положил его на землю в двух метрах от животного. Никакой реакции. Волк выглядел жалко: рыжеватая короткая шерсть была осыпана репейниками, челюсть не смыкалась до конца и свисала чуть набок, жёлтые зубы казались тупыми и стёртыми. А главное, морда — короткая и широкая — укрепляла подозрения, что никакой это не волк.

— Ты как тут оказался, псина? Отбился от наших на вчерашней облаве?

Собака в ответ на речь прекратила жевать древесину и безразлично уставилась в землю.

"Лагерных псов хорошо кормят, а у этого рёбра торчат. Да и грязи столько на себе собрать за ночь невозможно".

Аваро пребывал в растерянности. Он условился со всадниками, что подаст сигнал при встрече с волком. Значило ли это, что нужно бросить тощего пса в лесу и продолжить поиски? А если Зоргат перепутал, и никакого волка не было?

Решение накинуть на собаку петлю, привязать к дереву и отправиться дальше показалось единственно верным. После охоты он вернётся и отведёт животное в лагерь.

Аваро вынул верёвку и стал примериваться для броска. Обращение с арканом в боевую подготовку не входило, а потому парень сомневался, что попадёт с первого раза. Пёс, почуяв угрозу, оскалился и стал пятиться назад. Из его пасти доносились бульканье и скрежет, как от прикосновения наждачки к ржавому металлу.

Бросок. Петля летела прямоком на шею, но зверь бойко отпрыгнул, рванул к охотнику и, сверкнув клыками, впился в его ботинок.

— Так это всё же ты — кусака! Пусти, сейчас же!

В попытке скинуть щуплую тушку охотник тряс ногой и подтягивал к себе верёвку. Убивать собаку он не хотел, но слюнявые зубы уже продырявили башмак насквозь и щекотали ступню — в отчаянии Аваро завыл. Собака подняла на него стеклянные глаза, перестала теревить ногу, но челюсти не разжала. Он уже почти затянул петлю на её шее, когда послышался топот копыт. Всадники были совсем близко. Пёс тут же вырвался и помчался в противоположную от звука сторону, Аваро — за ним, продолжая выть на бегу. Животное оказалось неожиданно резвым: парень порой терял его из виду и двигался на чутье, выдавливая из себя всю механически возможную прыть. Заныл бедренный сустав, дыхалка подводила — перерыв в тренировках давал о себе знать, но Аваро чувствовал, что при нужде достиг бы предельной для живых скорости и после десяти лет простоя, словно его навык был заслугой разума, а не тела.

Насколько быстро убегала собака, настолько скоро она выбилась из сил. Не стала искать укрытие, а просто ковыляла, с трудом передвигая лапами, пока не застыла на месте. Будто и не заметила веревки, затянувшейся на шее, не проявила ни страха, ни злобы перед Аваро.

"Может, уже признала меня хозяином?"

Он потянул за импровизированный поводок, но собака сильнее упёрлась лапами в землю и снова захрипела. Вскоре их догнал Ширм с помощниками — второгодками. Вид лошадей что-то пробудил в голове собаки: с глаз исчезла мутная поволока, они увлажнились, загорелись, налились кровью. Она даже разразилась сиплым подобием лая, лихорадочно завиляла хвостом.

— Так это и есть тот "волк"? — надменно крикнул второгодка, с которым Аваро добирался до леса в одном седле.

— Больше я никого не нашёл. Собака крупная, лес тёмный. Зоргат мог и барсука принять за волка, зная его склонность к преувеличениям.

— Она на тебя напала? Ты ранен? — перебил Ширм.

— Нет, пострадал только ботинок.

Ширм с минуту отрешённо глядел на разорванную штанину и прокушенную обувь.

— Что ж, ребята, доставим пса в лагерь на опознание. После шума, что мы подняли, в дальнейшей охоте мало смысла. Так держать, Аваро.

— Не могу её с места сдвинуть, заартачилась.

— Неважно. Собака одичавшая, агрессивная — ограничимся двумя пострадавшими. Жаль, но живой вести её в лагерь мы не имеем права. Не волнуйся, я сам её умерщвлю.

— Это же собака! Просто собака! За что вы хотите её убить? Она напала, когда я пытался её поймать — ожидаемая реакция. Бьюсь об заклад, что Зоргат её спровоцировал! Он этим хвастался!

— Чего раскудахтался? — вмешался другой второгодка, — Ты солдат, или кто? Мы сто раз охотились на кабанов, что-то тогда я не слышал нытья в защиту зверей. Ради вкусного мяска готов поступиться сердобольностью? Ты же не местный, из дикарей. Ваши что ни день людей потрошат, а ты с нами в праведника играешь?

— Угомонись! И повзрослей, — приказал Анж помощнику, — Слушать тошно. Аваро, отойди, ты в этом не участвуешь. Моё решение не обсуждается.

Стоило Ширму вынуть ногу из стремени, как собака кинулась к его лошади, будто уловила суть перебранки. Аваро дёрнул верёвку, но пёс успел цапнуть за ногу коня, тут же вставшего на дыбы. Анж чудом удержался в седле.

— Кадавр! — выругался командир, — Держи крепче, парень.

Утихомирив лошадь, он лихо выпрыгнул из седла и достал нож. Проворно захватил под локоть шею пса и с силой сжал его челюсти. Пёс заскулил, но сдаваться не собирался: бодался, извивался, прыгал, бил лапами. Аваро подмывало отпустить повод.

"Пусть хоть в клочья разорвёт Ширма! Так справедливее".

Он решался слишком долго. Генерал всей тяжестью массивного туловища прижал пса к земле и всадил нож точно между третьим и четвёртым ребром. Борьба мгновенно прекратилась. Ширм даже не запачкал манжетов белоснежной рубахи — умелая и аккуратная работа. Казалось, он проделывал подобное сотни раз. В мёртвых глазах собаки застыло больше пыла и неукротимости, чем имелось у любого из солдат отряда.

Командир выхватил верёвку из рук оцепеневшего Аваро и передал её второгодке.

— Привяжи к седлу, и выдвигаемся.

— Хотите протащить его по всему лесу? Это чистой воды надругательство! Вы настоящие палачи!

— Это необходимость. Прикуси язык, — отрезал помощник Ширма.

— Позвольте завернуть его в мешок! Повезу на руках.

— Ты со мной в одном седле приехал. Мне за спиной не нужен труп грязной шавки. И тебя хватает.

— У командира из-за неё лошадь хромает, надо разгрузить беднягу, а то до стойла не дойдет. Анж, залезайте ко мне. Как видишь, новобранец, места для тела нет.

— Поехали, Аваро. Собака мертва, ей всё равно.

Весь обратный путь парень оглядывался назад и наблюдал, как взлетает на кочках и снова погружается в грязь перекошенная собачья морда. Левый глаз почти вылез из орбиты, но правый по-прежнему яростно сверкал.

В лагере к ним быстро сбежалась публика. Кто-то ужасался развороченной тушки, другие смеялись над "грозным зверем". Ло тоже была здесь, но держалась позади и избегала прямого взгляда в сторону Аваро. Послали за Зоргатом.

— Да это же наша Дорлота! — слышалось в толпе.

— Точно-точно.

— Глаза разуйте, вон она, Дорка, под деревом развалилась. Не лагерь же охранять. К тому же это кобель.

— Постоите-ка, — нежданно воскликнул единственный третьегодка, — Эй, Корф, помнишь, два года назад Дора оценилась? Один только выжил, да лучше б подох. То и дело в провизию нос совал, дрессировке вообще не поддавался. Я его отравить собирался, да не успел. Пропала псина. Видать олух какой-то подальше в лес отвёл — и вот он результат.

— Ничё я не помню, два года назад только в лагерь заехал, не до того было.

— Память твоя дырявая, я ж с тобой это обсуждал.

Зоргат доковылял до Ширма, нарочито хромяя.

— ЭТО твой волк?

— Не... Тот здоровый был, страшный, пасть с мою голову.

— Уверен?! — в низком голосе Ширма послышалось нечто давящее, если не угрожающее.

— Ну, не знаю. Может, подстёрся, пока его волочили, зубы растерял, усох. По окрасу похож, глаза вроде те же, злющие.

— Это вообще не волк, болван! — сорвался помощник командира, — За ложное донесение ответишь.

— Да как их разберёшь вообще? Кидался на меня, что медведь разъярённый!

— О как, уже и медведи у него вылезли.

— Чё к словам цепляешься? По-твоему, лучше б я молчал? Чтоб эта тварь больше людей поранила? Рассказал, как видел.

— Угомонитесь, — мягко скомандовал генерал. — Зоргат всё сделал правильно. Охоту прекращаем, но меры предосторожности остаются в силе, раз нет уверенности в показаниях. Ло, где ты? Если не сложно, составь отчёт со слов участников.

— Конечно.

Ширм удалился перевязывать рану лошади. Солдаты разошлись по делам, а труп оставили валяться под кустом. Аваро смотрел на него неотрывно, затем взял лопату и вырыл глубокую могилу. Напоследок он прошептал:

— Надо было отпустить поводок. Прости.

Он ждал, когда Ло явится к нему с вопросами, но девушка так и не подошла. Отчёт обошёлся без показаний приманки.

— Верховный правитель есть центральная фигура циркулярного градоустройства, на чьи плечи всецело ложится тяжкое бремя охраны многовековых законов от попрания и извращения внешними силами. Он единственный вправе рассудить и указать ближайшим звеньям на заведомо вредоносные вмешательства в закономерное жизнепротекание градогосударства...

Охерн второй час зачитывал подопечному выдержки из "Судеб предводителей" — одной из самых старых и, вероятно, самой скучной книги в библиотеке. Монотонно-нравоучительный голос Малька только усугублял уныние — Аваро зевнул восемь раз за минуту. Последние недели старик был его единственным собеседником, да и то вынужденным. Всё свободное время до и после посещения наставника парень тренировался и работал наравне с новичками, чтобы избавиться себя от необходимости слушать лагерную болтовню, а вечером мгновенно проваливаться в сон.

— Как хоть зовут нашего предводителя? Ни разу не слышал, чтоб его называли по имени.

— И не услышишь: этим мы подчеркиваем, что Верховный правитель — титул

безличный. Это отсеивает подлецов, стремящихся к власти только ради вечной славы и почитания.

— То есть простой народ даже не знает, кого винить, к кому идти, когда в Сервоне происходит беспредел?

— Такого не бывает. Генералиссимус — всего лишь элемент безупречно отлаженной системы. Кто бы ни занял эту должность, граждане Сервона неизменно процветают. Они не переживают о смене правителя, более того — они совсем не думают о политике и силы направляют на собственные дела, что всем идёт на пользу.

— Кто и как решает, кому отдать титул?

— Простая калькуляция. Думаешь, мы отчёты от скуки да безделья строчим? Каждая, даже самая скромная бумага обязательно вкладывается в единый годовой отчёт. Тот, чьё имя на год смены правителя упоминается в отчёте чаще прочих, очевидно, оказывает мощное влияние на события настоящего и грядущего. Этот человек и заслуживает титула. Подсчитывают старшие генералы, только им достоверно известно имя Верховного. Я, кстати, знаю, но разглашать его запрещено.

— А если кто-то захочет подтасовать результаты? Или будет писать ничего не значащие отчёты каждый час?

— Разумеется, все отчёты проверяются. И не раз. Твоё недоверие оскорбительно: наделены правом сдавать отчёты только генералы, а в Сервоне бесчестный человек генералом не станет никогда. Радуйся, что я наставник и мягкосердый старик, озвучь ты такое в высоких кругах, на месяц бы отправился поля перекапывать. Со временем и до тебя дойдёт, что наши порядки рождают исключительные условия для трудолюбия: никто не знает, когда Верховный завершит своё правление, потому служащие из года в год работают на пределе возможного, соревнуясь с собратьями в числе побед и благих деяний.

— Простите, если мои слова звучат дерзко. Я лишь хочу избавиться от клейма чужака. Похоже, нужно знать всё о культуре и правилах Сервона, чтобы не навлечь на себя гнев командиров. Последний хамский вопрос: а что может сподвигнуть Верховного покинуть свой пост?

— Смерть. Или тяжкая болезнь. При ином в смене нет резона. Продолжим: "Оберегать тактически ценные линии наступления от диверсий, в том числе привитием подчинённым сакрального к ним отношения..."

— Это про двери?

— Мефито! Стеркейо! — желчно обозвал его наставник. — Ясен хрен, про них! Прекрати меня перебивать!

— Мне казалось, вы чтите предписания. Особенно третье. Не зря ж заставляли зубрить их часами.

— Эти предписания для добропорядочных жителей Сервона, а когда меня выводят из себя, я перестаю быть таковым!

— Ещё раз простите. Я ведь упоминал, что Торди нужна помощь с дверями. Почему они так важны? Он ведь заказывает их с какой-то целью?

— Торди? Заказывает двери?! — Мальк выдержал театральную паузу, после чего от души расхохотался. — Кто тебе скормил эту ересь? Я бы ему кружку пива поставил! Большинству дверей под сотню лет, некоторым и семьсот, если верить историческим заметкам. Помнишь легенду о Флуане и коренных искусницах? Аборигены ещё задолго до возвышения Сервона устанавливали двери в чистом поле на небольшом удалении от

селений. Древний язык никто не понимал, поэтому они укладывали несчастные пятнадцать метров мостовой как намёк местным самим проложить туда дорогу. Для чего их ставили, неизвестно, так что у жителей деревень это вызывало подозрения. Они либо высаживали вокруг густой лес, либо снимали двери с петель и прятали в заброшенных домах, либо вешали на них замок и закапывали ключи. Однако я не слыхал ни об одном случае, чтобы вожди нарочно разрушили порталы. Может, они боялись кары, а может, хотели обладать исключительным правом сбежать от своего разгневанного чахнувшего народа в места, где начнут всё сначала.

— Как же порталы работают? Откуда у аборигенов столь сильные магические способности?

— Если б все об этом знали, то понатыкали бы порталы на каждом шагу. Тогда прощай суверенитет. Представь, что каждый мог бы проникнуть в твою спальню в любое время суток. Не очень приятно, согласен? Поверь, мастера дверей не были ни богами, ни колдунами. Обыкновенные ремесленники, такие же люди, как мы. Почти такие же. Говорят, секрет заключён в их полузабытом языке.

— Эти племена до сих пор живут в Сервоне? Мой сосед мастерит деревянные вещицы, напоминающие оформлением двери.

— Большинство выслали, потому что они отказывались следовать ограничениям и работать в союзе с командованием. Тех, что входили в подпольные кружки, казнили. Болтунам, рвавшимися учить ремеслу кого ни попадя, поотрезали языки. Но то было давно, по тем временам невинное и гуманное наказание. Оставшиеся — это малочисленные дальние потомки, которым метод создания порталов неведом. Многие генералы с радостью спрятали бы двери в каком-нибудь подвальчике, но работают они только на исконных местах. По легендам портал соединяет лишь те территории, что были некогда единым целым, но земля разверзлась и разделила их.

Выходит, Торди отправит тебя на наблюдательный пост. Зачем я тогда распинаюсь? Эх, прежде меня из-за такой ерунды не тревожили.

— Он не говорил про наблюдательные посты.

— Да ты не трусь, работёнка непыльная: днями будешь сидеть на холме и беспрерывно лупоглазить в бинокль, ночами патрулировать вокруг дверей, докладывать Торди о каждом шорохе в пограничной зоне и хватать за шкуру диверсантов. Глубокие познания для этого не нужны. Уже полчаса меня зазря донимаешь, змеёныш. Только заикнись мне ещё о предписаниях!

Мальк продолжил нудную лекцию, но Аваро уже не слушал. Ему и без того было, о чём подумать.

"Ага, Торди, ты заранее знал о нашем появлении. Целенаправленно шёл вербовать и прихватил Фирба, чтоб угрожал нам расправой. Часто ли ты так делаешь, или мы удостоились особой чести?"

В лагере пошла мода травить байки об оборотнях. Аваро по-прежнему избегал праздного общения, но стоило ему появиться на горизонте, солдаты начинали обсасывать эту тему с удвоенной силой. Коллективное воображение разыгралось небезосновательно: Зоргат стал чудить. Сначала жаловался на нестерпимую головную боль и ломоту в суставах — по распоряжению Ширма к нему прислали хорошего лекаря из города. Тот первым делом проверил рану: она благополучно зажила, никаких следов нагноения не наблюдалось, жар если и был, то слабый. Врач сделал компресс и посоветовал скорее возвращаться в строй — разогнать дурную кровь. Солдаты, в особенности новички, решили, будто он симулирует, чтобы продолжать бездельничать и пользоваться всеобщей заботой.

Зоргат всерьёз обиделся, несколько дней не выходил из шатра, никого к себе не пускал, завесил тряпками все окна. Сидел в полнейшей темноте, ничего не ел, вскрыл пол и руками вырыл себе яму под туалет. Когда командиры устали от его выходок и приказали вытащить сбрендившего во двор, он забился в припадке с криком: "Солнце меня убивает! Я горю! Мои глаза! Оно выжгло мне глаза!". Парня привязали к столбу, чтобы успокоился, и оставили так до вечера, игнорируя вопли и мольбы. Как ни странно, это помогло. Ненадолго он снова стал нормальным, даже извинился за вздорное поведение.

А позавчера укушенный избил до полусмерти второгодку, который чересчур настойчиво предлагал ему поесть. Зоргат был тщедушного телосложения, на физподготовке бойцовских качеств не проявлял, а после ранения схуднул ещё больше — никто так и не понял, как он умудрился разнести второгодку в полтора раза крупнее. Такая необъяснимая сила и породила слухи о том, что Зоргат — оборотень, или скоро им станет.

Аваро тоже ловил на себе косые взгляды. Помощники Ширма всем растрепали, что он вступился за волко-пса на охоте. Зеваки сопоставили "факты" и пришли к выводу, что Аваро точно так же породнился со зверем через укусы. То, что полнолуние прошло пару дней назад, а до сих пор никто не обратился, сплетников не смущало. К их забавам присоединилась и Ло, вероятно, чтобы поддразнить "братца" и отомстить за оскорбления.

Фосец по-прежнему добровольно жил по строгому лагерному расписанию. Однообразные занятия угнетали его ум, но отвлекали от тревожного ожидания момента для побега. Второй месяц лета подходил к концу, а на начало осени уже назначен испытательный поход. Второгодки на вопрос о его сути отмахивались, мол, ничего особенного.

"Дальнейшее затянуто туманом, судьба может подкинуть что угодно, но Торди точно не доверит мне сторожить двери после того, как угрозами заставил присоединиться к отряду," — рассуждал Аваро. Если он хотел что-то предпринять, то должен был всё проверить за месяц. Что же у него есть для побега? Каков план? Ответы были неутешительны.

Ему часто снилось, как он бежит по залитым звёздным светом холмам — впервые не от кого-то, а к чему-то. Чему-то манящему, заставляющему сердце трепетать в блаженном предвкушении, чему-то грандиозному. Он наслаждался ощущением бескрайней свободы, всепрощения, прикосновения к корням мироздания. Казалось, он вот-вот вспомнит, как зовётся то, что так его влечёт, но одурманенный разум подводил, мысль ускользала. Чем более настойчив Аваро был в желании докопаться до сути этого "нечто", тем более высокая

стена преграждала ему путь. Пробуждался он с горьким прозрением, что всё это мираж. В реальности нет ничего столь прекрасного, и уж тем более нет слов, чтобы дать этому имя.

В попытке унять одиночество Аваро обзавёлся новым ритуалом: за завтраком он придирчиво разглядывал лица людей. Брезгливость, которую в нём вызывали внешние несовершенства, составляла резкий контраст с полным доброты великолепием сна и отрезвляла, как ушат ледяной воды. Он пытался найти недостатки даже в самых милостивых лицах и успешно находил, мысленно смакуя их и хваля себя за прозорливость.

"Эта волосы распустила: блестящие, гладкие; видать, всё утро вычёсывала. Думаешь, за красивыми волосами твои огромные кривые уши не видны? Ещё и со следами серы. А что ты сделала с бровями?"

"Блондинка расстегнула пуговицу на рубашке, чтоб выглядывала ложбинка увесистой груди. Знала бестия, что делает: парни вокруг без конца туда пялятся. Но меня не проведёт — пышная-то она не только в груди. Вон и уродливая складка на боках. Лицом вообще вылитая утка".

Взгляд Аваро наткнулся на Ло. Внезапно критикан почувствовал некое подобие страха. Они не разговаривали больше трёх недель и, похоже, это был конец их дружбы, и всё же Аваро не горел желанием оценивать девчонку даже притом, что знал: недостатков у неё хватало.

"Ритуал есть ритуал, никаких исключений. Итак, с чего начать? Глаза. Их портят белёсые коровьи ресницы. Портят, так ведь? А то! Ресницам положено быть чёрными. Сами глаза близко посаженные, водянисто-серые — сомнительное сочетание с подпаленной солнцем кожей. Слишком низкий лоб, округлое бесхарактерное лицо. Нос? Заурядный. Губы... С ними сложнее..."

Парню пришлось признать, что лучше губ он в своей жизни не видел: розовато-морковные, выпуклые, бархатистые. Плавные, но чёткие очертания и прелестные ямки в уголках. Здесь критику было нечего делать.

"Что ж, спустимся ниже. Грудь. Она вообще есть?!"

Шёлковая блуза свободно струилась, почти не прилегая к телу.

"Откуда у Ло такие тряпки?! Если Ширм её уже одевает, скоро и раздевать начнёт".

При движениях девушки ткань немного оттопыривалась, два торчащих бугорка нагло гипнотизировали. Аваро больше не мог продолжать оценку. Ло тем временем болтала с лопухой девчонкой.

— Зоргата не отправили в каталажку только потому, что он опять сказался лихорадочным.

— Жалко его, лежит в кровати и неотрывно смотрит в потолок. Даже корчится иногда.

— Жалко, но теперь мы все в опасности. Когда калечил второгодку, что-то он не выглядел больным. Ты бы и за братом приглядывала, — девушка понизила голос. — Он тоже скоро начнёт превращаться, дров наломает.

— Зря волнуешься. Он и до укуса был буйным. Хуже уже не будет.

— Меня не кусали! — вырвалось у Аваро.

— Я не с тобой разговаривала. И, кстати, я видела твой ботинок: прокушен насквозь.

— Собака только кожу зубами поцарапала. Хотя кому я объясняю?! Да, я оборотень! Все слышали? Кто меня разозлит, очень сильно об этом пожалеет, а ваши тупые сплетни начинают меня бесить. Хотите жить долго и счастливо — захлопните пасти и держитесь подальше.

Ло презрительно хмыкнула, но её собеседница выглядела напуганной.

На следующий день Зоргат умер. Примчавшийся из Сервона лекарь только пожимал плечами, а солдаты, которые заворачивали тело в саван, рассказывали, что лицо было жутко перекошено и напоминало звериный оскал.

После физподготовки Ло выцепила Аваро из толпы, толкнула к стене, не дав опомниться, закатала ему обе штанины и принялась ощупывать лодыжки.

— Френеза! Ты что творишь?

— Ищу укусы.

— Видишь же, что их нет.

— Ботинки снимай.

— И не подумай. Ты мне не мамка. Да и сестра с очень большой натяжкой.

— Совсем не соображаешь?! Зоргата больше нет!

— Это вы своими издевательствами свели его в могилу.

— Лошадь Ширма тоже на последнем издыхании. Мне страшно.

— Предупреждал ведь: не подходи близко, и всё с тобой будет в порядке.

— Да не тебя я боюсь, болван, а за тебя.

— А если я следующий, как ты поможешь? Попросишь наставничка взять меня под арест и подготовить саван?

— Чем я так тебя обидела, что ты отталкиваешь меня даже на смертном одре?! — глаза девушки заслезились.

— Она меня уже хоронит! — Аваро громко захохотал и всё никак не мог остановиться.

— Что смешного? — Ло искренне недоумевала.

— Да я и сам не знаю, ахах, видимо, я так долго не ржал, что накопил целую бочку смеха. Хах, как бы теперь вернуть крышку на место. Живот закололо.

Девушка неожиданно прижала его к себе.

— Тшц, траур всё-таки. На нас все смотрят.

Аваро успокоился.

— Нет никакого укуса, уже и царапины не осталось. И чувствую я себя прекрасно. Даже превосходно.

Смерть Зоргата впечатлила не только простых солдат. Через пару дней в лагерь после долгого отсутствия пожаловал с проверкой Торди. Больше всех досталось Ширму. Второгодки быстро пронюхали, что между командирами состоялся тяжёлый разговор, и компетентность Анжа как главы галт-отряда поставили под сомнение. Торди также изъявил желание пообщаться с Аваро. Парень, направляясь к штабу, мысленно готовился к нагоняю.

— Здравствуй. Как твоё самочувствие?

— Всё отлично, спасибо. Если что, меня не кусали — могу доказать. Надеюсь, вы пропускаете мимо ушей все эти сказки...

— Я читал отчёт. Тогда мы не придали ему большого значения, но настигнувшие лагерь трагические события заставили меня перечитать его куда вдумчивее. Генералы недооценили угрозу, но более печальные последствия, к счастью, удалось предотвратить. Прежде всего благодаря тебе.

— Мне?

— Это ведь твой план позволил поймать заразного пса до того, как он успел нанести большой ущерб отряду. Ширм подробно расписал в отчёте, как ты умело выследил зверя и рисковал жизнью больше других при его поимке. Собственно, я ждал от тебя чего-то

выдающегося, и ты полностью оправдал мои ожидания.

— Он так написал?

— Скажи, Аваро, как проходит твоё наставничество? По душе ли тебе Мальк Охерн?

— Он мудрый. Порой с ним трудно, но жаловаться не стану. Он даёт мне все нужные знания.

— Это правильно. Мальк, как ты уже, наверное, понял — человек уважаемый, мало кому достаётся настолько образованный и прозорливый наставник. Дело в том, что я готовлю для тебя особую роль, которая идеально подойдёт твоим природным задаткам. Когда завершишь все этапы подготовки, я введу тебя в курс дела, а пока попрошу прислушаться к совету. Я понимаю, что Ширм — личность харизматичная, что он больше других участвует в жизни новичков, — это предписывается должностью. Но ты не должен брать с него пример. Анж недостаточно целеустремлённый, и всё же его одарённости хватило бы продвинуться дальше в своём развитии, если б кротость и бессмысленная доброта, граничащая с попустительством, не загнали его в тупик. Он стремится помогать всем и каждому без разбору, растрчивает в никуда ценные для руководителя ресурсы: время, силы и волю. Охерн же из другого теста: он учит думать головой, а Ширм — самозабвенно трудиться ради ближних.

— Последнее разве не девиз Сервонцев?

— Ты ещё слишком юн, не видишь всей картины. Думать нужно не о нескольких отдельных жизнях, а о стране и человечестве в целом. Чтобы выживать, мы должны следовать законам природы, а природе добро чуждо. Живой природе и подавно. В лесу все друг другу еда: рвут когтями, зубами, рогами, выдирают из пасти последнее, забивают больных членов стаи, детёнышей — даже собственных. Безразлично опустошают все источники, до каких дотягиваются их шеи да рты, и останавливаются, только когда их наказывает более сильный и прожорливый. Раз уж так случилось, что всё это естественно и продуктивно, раз это верный ключ к существованию в доставшемся нам кособоком мире, то не является ли добро большим злом, чем зло? Добро — слово, вкоренённое со злым умыслом. Оно лишает обездоленных слабого оружия из копыт и рогов при столкновении с хищником, который это слово придумал. Оно калечит. Отрадно, что делать добро зачастую менее вредно, чем дискутировать о нём, думать, или — о, ужас — верить в него. Чем не доказательство тлетворности добра?

— Звучит убедительно, — приврал Аваро, чтобы прекратить тираду.

— Так оно и есть.

— Торди, можно задать вам один вопрос: тогда в лесу вы с Фирбом целенаправленно шли нас встречать?

— Хм-м. Совместил приятное с полезным. Да, в тот день мне поступило донесение, что в лесах чужаки. Я решил сам разведать, вот и захватил с собой наёмника для защиты, ведь я не знал о ваших намерениях. Поверь, если б вас встретили не мы, а целая группа бойцов-наблюдателей, вам пришлось бы куда хуже.

— С этим трудно спорить.

— Кстати, Аваро. Мне тоже не нравятся заигрывания Ширма с твоей сестрой. Генералу не по статусу такое поведение. Подумываю о том, чтобы сменить ей наставника. Ты рад?

— Эээ... Да, наверное...

— Отлично. Меня долгое время не будет в лагере — государственные дела. Сделай одолжение, передай в городскую канцелярию этот документ. Охерн подскажет, где она

находится. Увидимся после испытания.

Аваро прочёл пометку на обратной стороне плотно запечатанного конверта: "важно: донесение о краже порталного ключа. копия".

Аваро без труда нашёл канцелярию по ориентиру, данному Мальком: "Самое помпезное, что есть в Сервоне. Недаром там сто лет назад публичный дом был". Массивное трёхэтажное здание с отделкой под мрамор, хлипкими коваными балкончиками и бесконечными балюстрадами занимало добрую четверть улицы. Перегруженный узкими окнами в пол фасад украшали пилястры и замысловатые барельефы. С боков бывший дом терпимости венчали декоративные башенки со шпильями близкой к фаллической формы.

Посыльному едва хватило сил отворить трёхметровую дубовую дверь. Поднявшись по лестнице с отбитыми ступенями, он попал в длинный тёмный коридор. Ужасно пахло плесенью и отсыревшими тряпками, дощатый пол скрипел и прогибался под ногами, свет в коридор проникал из единственной открытой двери — к ней Аваро и направился.

Он попал в огромный пятиугольный кабинет, заставленный столами и пыльными шкапами, из которых вываливались толстые папки. На столах выстроились кривые стопки бумаг, часть была беспощадно залита чернилами и восстановлению не подлежала. Служащих в кабинете было куда меньше, чем мебели: три женщины и желтушного вида мужичок под пятьдесят.

— Вы к кому? — скрипуче спросила ссохнувшаяся старушка.

— У меня отчёт от старшего генерала Торди.

— А вы, собственно, кто такой?

— Простой солдат из галт-отряда.

— Имя у солдата есть?

— Простите, я тороплюсь. Мне приказали только передать.

— Дайте-ка глянуть... Вы что меня за идиотку держите?

— Ни в коем разе.

— Я же вижу: конверт вскрывался. Заклеен абы как.

— В таком виде мне и вручили. Это ведь не оригинал — поскупились на новый конверт.

— Да вы туда что угодно могли подсунуть! До свидания, молодой человек. В таком виде я отказываюсь что-либо принимать. Вы не в сарай пришли.

— Но меня отправил генерал! И пометка "важно" стоит.

— Я всё сказала. Вскрытые конверты не принимаем!

Из-за кипы бумаг в дальнем тёмном углу ему помахал только что замеченный пятый труженик канцелярии. Ввергнутый в отчаяние гонец снова воспрял духом.

— Ты здесь откуда?

— У меня тот же вопрос. Я-то тут уже третий день прозябаю, — сказала Ло, а после добавила еле уловимым шёпотом, — Убей меня, прошу!

— Для такого я бы предпочёл более укромное место. Что не так?

— Можешь говорить тише?! Не хватало ещё, чтоб услышали мои возмущения. Ты только посмотри на эту махину.

Половину стола занимала подшивка до того толстая, что сидящий человек с комфортом водрузил бы на неё подбородок.

— Свод правил Сервона?

— Если бы — отчётные бумаги для архива. За один год! Я бы год только читала. И зачем это хранить? Вот, погляди: список приглашённых на праздничное заседание

генеральского состава, бумага о покупке бумаги, объяснительная от солдата, проспавшего дежурство. Мне сказали пронумеровать каждую страницу.

Под пальчиком Ло виднелась цифра 156, что относительно всего объёма было самым началом книги.

— Зачем это нужно?

— Для оглавления. Уже в глазах двоится, и рука устала циферки выводить: как попало нельзя, должно совпадать с начертанием в прошлые годы. Я согласна помереть во благо других, если так нужно, но это даже не конечный вариант отчёта. Несколько генералов и их секретарей проверят, что-то уберут, что-то добавят. А начальству нунумерованным отправлять — преступная дерзость. Видишь, карандашом пишу: после проверки всё стирать и заново нумеровать. Каждую страницу! Да я состарюсь раньше, чем закончу.

Забывшись, Ло позволила себе повисить голос. Упитанная женщина с неестественно гладкими волосами и перекошенным от строгости ртом тут же подняла голову.

— Это же простейшая работа! Делается на раз-два. Если с таким не справляетесь, то как вам доверить что-то серьёзное?

Аваро, вооружившись нахальством постороннего, вмешался в разговор.

— А у вас хоть раз было, что не приходилось нумеровать повторно?

— Конечно, нет! Вас, солдат, разве не учат первому предписанию Сервона? Или всё позабыли?

— Про то, что нужно всё перепроверять? Второе предписание не позволяет — про то, что ничего нельзя забывать. Отсюда следует, что у составляющего и проверяющего, если они добропорядочные сервонцы, воспоминания должны быть одинаковыми, особенно, если третье предписание соблюдается с обеих сторон. Тогда нельзя ничего в отчёт добавить, ничего выкинуть из него. Перепроверять же не значит исправлять.

— Ты возомнил, что понимаешь больше, чем высшее генеральство? Правок содержания может и не быть, но страницы меняются местами всегда.

— Это ещё зачем?!

— Затем, что видение руководства куда шире. Во всём важен правильный порядок, структура, организованность. Способов сортировки великое множество: по дате, в алфавитном порядке имён ответственных, по ценности содержания и проч. Так можно получить три совершенно разных отчёта, и только генералы решают, какой порядок лучше отражает дух года. Чем со мной препираться, лучше делом займитесь. Стажёрка, не забывай, ты должна закончить сегодня.

Подождав, пока толстушка углубится в составление планов, Ло прошептала парню на ухо:

— Чтоб генералы штаны просиживали, читая тома этой ерунды? Наверняка случайным образом переставляют листы, чтоб показать, что всё проконтролировали. А мне из-за их заскоков две тысячи страниц по несколько раз подписывать! Скорей бы Анж вызволил меня из этой тюрьмы.

— А кто тебя сюда отправил? Для Торди слишком мелкая пакость.

— У Ширма срочные дела, а к наставничеству он подходит серьёзно.

— Ты могла просто сидеть в лагере, и всем было бы плевать. Не похоже, что кто-то здесь ценит твою помощь, так что благодари за всё своего наставничка. Либо ты ему надоела и он хотел от тебя отвязаться, либо верил, что бессмысленная работа чему-то тебя научит. Смирению, например.

— Ты же знаешь Ширма! Он терпеть не может бюрократию.

— Не любит, но сам в ней словно рыба в воде.

— Мы с ним почти друзья, он не стал бы нарочно меня мучить.

— Признай, что ему просто не до тебя. С какой стати генералу дружить с маленькой глупенькой девочкой?

— Заткнись. Я вовсе не считаю себя пупом земли, но он добрый, он любит людей. А ты ненавидишь. Всех! И скоро тебе ответят тем же.

— Ох, испугала. Для меня любовь таких особ страшнее.

— Очень удобно настроить всех против себя и убежать подальше, поджав хвост. Храбро и благородно.

— Я бы и отсюда убрался поскорее, но сначала обещай помочь мне: ты должна подложить в годовой отчёт доклад из конверта.

— Ага, разбежался. Что опять задумал? Подделываешь документы?

— С бумагой всё в порядке, просто я вскрыл конверт и прочитал. Нам обоим пригодится то, что там написано.

— Я не смогу. Мне доверяют только старые отчёты, да и все приходящие бумажки нужно записывать в журнал — он у той старушки. Она вообще с ним не расстаётся.

— Так отвлечки её как-нибудь, подгадай момент...

— Аваро, я не буду этого делать. Слишком рискованно.

— Трусиха! Тогда дай мне чистый конверт.

Аваро вытащил донесение, переложил в новый конверт, аккуратно заклеил.

— Перепиши пометку.

— Но здесь подпись!

— Вот и пригодится твой навык копирования чужих циферок. Не зря тренировалась.

— Так то цифры, а тут закорючки!

— Просто сделай похоже.

Аваро вернулся к пожилой даме и протянул конверт.

— Теперь всё хорошо?

— Э, вы же только что ко мне подходили...

— Я решил вопрос. Претензия снята?

— Дайте-ка глянуть, — старушка внимательно изучила врученный пакет со всех сторон. — Ну, что ж, чистенький, надёжно запечатан. Так бы сразу!

Она тут же грубо разрезала конверт канцелярским ножом и записала номер донесения в журнальчик.

Аваро договорился встретиться с Ло, как только она закончит работу. Им нужно было многое обсудить, а в лагере уши на каждом шагу. Скоротать время он направился в единственное заведение поблизости, которое знал — в кабак. Денег у солдата не водилось, но он надеялся, что хозяин смилостивится и позволит посидеть в уголке.

Как назло, Траурная Дама снова была здесь, на сей раз без мужа. Она мгновенно узнала парня и под села к нему за столик.

— Моё почтение, юноша. Ничего не пьёшь, не ешь?

— Финансовые трудности.

— Бедняга! Эй, хозяин, налей-ка парню кружку, я заплачу.

— Что вы, это лишнее.

— Я добра не забываю. Да и как забудешь, в моей жизни оно случилось так редко!

— По-прежнему скорбите по отцу?

— Разумеется! Как посмотрю на его форму в шкафу, тут же рыдать начинаю. Сутки могу прореветь! Вот почему я здесь — дома тоска овладевает мною безраздельно.

— Он был служащим?

— Мы же в Сервоне, дорогой. Да не простым служакой, а самым настоящим генералом! Характером так и вовсе Верховным. Но, как обычно, талант не жалуют. Чего скрывать: я и сама была слепа!

Принесли кружку. Хозяин на глаз прикинул стойкость парня и плеснул домашнего вина вместо самогона. Пахнуло бодрящей сладостью.

— Пей-пей, я тебе такие страшные вещи поведаю, с какими трезвый ум не сладит.

Аваро послушно сделал глоток.

— Батюшка был не из суеверных, и меня в том же духе воспитывал, но смерть, знаешь ли, раскрывает глаза. Как бы я по ночам спала, если б позволила родному папке исчезнуть без следа? Никто обо мне так не пёкся, как он.

— А как же муж?

— Что муж?

— Неважно, продолжайте, — Аваро снова отпил из кружки.

— О чём я... По долгам платить надобно, и я доверилась бабке-колдунье из дикарей, она сказала, нет иного пути, кроме того, что предками завещан и прочее мистическое бла-бла. Я как барышня глубоко интеллигентная, со здоровой брезгливостью, расчленять тело не стала — попросила знакомого мясника от руки малость оттяпать и прожарить как следует. Бабка ругалась, но ведь я не дикарка, я б больше и прожевать не смогла.

— По нашим поверьям тело должно быть свежее, а мясо — сырое.

— О, так ты из ЭТИХ?

— Поневоле. Я рос среди дикарей.

— Всё детство чужой плотью кормился? Хотела б я содрогнуться, плюнуть в тебя и гордо удалиться, да только я и сама теперь прокажённая. Надо выпить.

Она подплыла к стойке хозяина — тот со знанием дела налил самогона. Дама тут же опрокинула в себя целую кружку, хозяин подлил ещё. Она призадумалась, но вспомнила, что Аваро наблюдает. На обратном пути умудрилась пролить половину, хотя отмеряла каждый шаг и держалась за стены.

— Так вот, мой вежливый дикарь, чему бы тебя ни учили в племени, всё враки...

— Значит, не подействовало. Мне всякий раз твердили, что душа съеденного теперь внутри нас, но я ничегошеньки не чувствовал.

— Наоборот! От единственного куска я жестоко страдаю! Ручаюсь, что отец где-то в моей душе, но что за проклятие — являет себя только в дурных побуждениях. Прежде я к выпивке не притрагивалась! Разве что на фуршетах... Немного. Со стариком этим, папиным собутыльником, разговоров не водила, а теперь он для меня что красная тряпка! Так и тянет собачиться с пеной у рта. Супруг вмиг опостылел — отец покойный презирал его.

На последних словах дама понизила голос, сделала томный взгляд и принялась накручивать на палец локон. Аваро игривых поползновений не заметил.

— Вы пережили утрату. Это меняет людей.

— Вижу по глазам, что сам себя обманываешь. Покопайся в сердце, дикарь, коли умеешь. Много неприглядного и чуждого найдёшь — того, что не должно там быть. Копаться в сердце это я так, ме-та-фо-рически, хо-хо.

Парень выхватил у неё кружку и махом осушил.

— Вот это другое дело! Схожу за добавкой для двух прекрасных, но отчаянных особ.

Спустя две кружки Аваро уже убеждал Даму в том, что он со своим отцом — полнейшие противоположности, а та, мало что понимая, сочувственно качала головой. После ещё одной парень на весь кабак воскликнул:

— Как же блевать охота от вашего Сервона!

— Тише, голубчик, это не Сервон виноват, а хозяин с рецептом перемудрил.

— Я серьёзно. Как можно жить в вечном рабстве!

— Так не живи. Мы, золотце, дикарей к себе не звали — ты сам привалил.

— Если б я знал, что здесь застряну...

— Так возвращайся домой. Я, без сомнения, буду скучать, но если жрать людей — твоя единственная радость, я не изверг, чтоб отваживать.

— Какой толк возвращаться? Надо идти дальше.

— Иди же, лети, моя вольная пташка! Лети в волшебные края! — она резко встала, опрокинув стул, и с чувством поцеловала Аваро в макушку.

— Где они, а где я... Мне бы карту хоть одним глазком!

— Не вопрос, нашёл из-за чего плакать! У батюшки почившего завались этих карт, отдам любую! Да хоть все! Только они у меня дома. Совсе-е-ем рядышком.

— Пошлите немедленно! Только тсс! Никому ни слова об этом.

— Я могила! Дай только в себя прийти, голова кружится.

Они посидели минут десять, но Дама и не думала трезветь. В кабак, прихрамывая как-то по-особенному, почти задорно, вошёл Охерн.

— Вот ты и попался, сорванец! Я это предвидел: тягу к порокам всегда чую в людях прежде, чем они её проявят.

— Я просто очень прилежный ученик: во всем подражаю наставнику.

— Ах ты какой языкастый стал! Я сюда лишь изредка захоживаю с приятелями парой слов перекинуться.

— Уж при мне бы постеснялся врать, старый хрыч, — отчеканила траурная дама и расхохоталась.

— А ты бы помолчала, ведьма! Твоим показаниям доверия — ноль. Это всем известно.

Как назло Мальк подсел к ним за столик. Хозяин без слов, с почтительным выражением лица поднёс генералу бутылку браги.

— Ладно я, поживший своё, топлю в вине тяжкие воспоминания, но ты ж совсем юнец! Не о чем тебе сокрушаться. У меня в твои годы получше развлечения были.

— Извольте поделиться, какие.

— Женщины, ясен хрен! Красивые и разные, ох, умел же я их охмурять! Только искры летели!

— Это откуда же? — недоумённо вклинилась Дама.

— Из глаз их восторженных, низменное ты создание! Одна лишь, помню, не хотела быть моей, и я всё искал подход: разузнал, где она живёт и сложил романс, дабы распеть ночью под её окнами. По сей день каждое слово в голове отпечатано! Хоть сейчас могу исполнить.

— Увольте! И без того тошно, — воскликнула Дама насмешливо.

— Спойте, — вступился Аваро.

Долго упрашивать Охерна не пришлось. Он поправил рубаху, прокашлялся, глотнул из

бутылки и затянул:

Судьбой дарованный невежде Фолиант,
Мечтаю лезвием отрезать красный бант.
Топазами увенчан броский переплёт —
Я б созерцал его столетья напролёт!

Бумага легче, чем вуали кружева,
А в содержании одни полуслова.
Смогу ли я расшифровать мудрёный шрифт,
Или подарок плутовать опять решит?

Не всем дано собою ночи озарять,
Но ты умеешь с первых строк печали разгонять!
Едва коснувшись, брошу званья и золото,
Чтобы молить о бесконечности шёпотом.

Средь мириадом разрисованных страниц
С полями, полными химер и райских птиц,
Глаза отыщут "извините" и "нельзя",
А руки грифель со свирепостью вонзят.

Чем отдалить неотвратимый эпилог?
Оставь тончайший, ускользящий намёк.
Вписать в легенду троеточие позволь —
Надежд напрасных и спасение, и боль.

Не всем дано собою ночи озарять,
Но ты умеешь с первых строк печали разгонять!
Едва коснувшись, брошу званья и золото,
Чтобы молить о бесконечности шёпотом.

Охерну не хватало дыхания, высокие ноты подменялись низкими, тональность то и дело прыгала, но густой, проникновенный баритон и порывистое исполнение внушили посетителям кабака исступлённую дрожь. Кто-то захлопал, с трудом попадая в ладони.

— И в романсах всё про книжки! Но надо признать: если б вы вместо нудного чтения напевали, я б куда лучше усвоил "Судьбы предводителей".

— Тебе хоть на глаза наклеивай — ни шиша не выучишь.

— Так что, купилась несчастная девочка на дешёвую романтику? — поинтересовалась Дама.

— Я впотьмах перепутал улицу — не под теми окнами спел. Та мымра мною так и не пленилась, зато многие другие пришли в восторг от ночного концерта, и я ещё долго срывал спелые плоды тут и там. Первая любовь счастливой не бывает — запомни это, приятель.

— А вот и бывает! У меня муж — первый и единственный!

— Безумнее пары в жизни не видал!

— Все мы безумны, когда влюблены.

Аваро толкнул ногу Дамы под столом. Она подняла пьяные непонимающие глаза — тогда парень подмигнул. Женщина явно подумала не о том и кокетливо улыбнулась.

— Кхм! Наставник, благодарю за песню, но нам пора идти.

— Что, ВМЕСТЕ?!

— А что тебя смущает, дед? У нас очень много увлекательнейших дел в моём доме! А ты сиди тут и грусти об ушедшей молодости!

— Падшая женщина! Видел бы отец! А ты, Аваро, парень бойкий оказался. Право, не ожидал.

Мальк заметно посмурнел от вести о распаде приятной компании, но Аваро ни за что бы не упустил свой шанс. Он крепко обнял старика, после чего подхватил Даму под локоть и вывел на улицу.

— Куда идти?

— Прямо-прямо-прямо. Потом налево. Ну это смотря куда лицо повернуть...

— Мы будем лицом прямо, раз идём вперёд.

— Тогда направо!

— Веди...

Женщина протащила его через десятки переулков и тупиков, пока не остановилась перед мрачного вида двухэтажным домом без каких бы то ни было украшений. Половина здания побывала в пожаре: обугленные стены, прогалы вместо оконных рам, покорёженная крыша. Только резная входная дверь тёмного дерева выглядела статусно и по-казённому ухоженно. Спohватившись, Аваро замер.

— А муж дома?

— Я почём знаю!

— Он ведь может неправильно понять...

— Ооо, он точно поймёт правильно.

— Пожалуй, подожду здесь, а вы принесите все карты, какие только найдете.

— Вот так номер! Негодяй! Хотел воспользоваться моим упадническим состоянием! А деньги с жемчугами тебе не вручить?! Так и гипнотизирует своими глазёнками, только я не такая! — Дама истерила на всю улицу, пытаясь устроить представление, но прохожие любопытства не изъявили.

— Вы же сами обещали мне карты!

— Какие-такие карты?!

— Местности. Сервона. И другие, если есть.

— А-а-а, да? Обещала? Тогда жди.

Аваро сел на ступеньку короткой лестницы. Он уже десять минут как должен был пересечься с Ло, но опоздание не слишком его страшило.

"Как увидит, что я раздобыл — передумает дуться".

Спустя полчаса ожидания хмель из головы почти выветрился, а вместе с ним рассеивались дерзость и настойчивость. Не дожидаясь, пока привычная опасливость окончательно возьмёт верх, Аваро проник в дом. Его встретила пустая прихожая. За дверью слева обнаружился прокопчённый, всё ещё пахнувший гарью зал с полуразрушенным камином, явившимся очагом пожара. От лестницы на второй этаж сохранился только остов, все до единой ступени превратились в золу. Мебель отсутствовала, а в углу были свалены куски грязной обугленной бумаги — ничего похожего на карты. Каждый лист покрывала

тарабарщина, причём буквы использовались всем известные, мезаязовые, но сочетания их казались совершенно случайными, словно ребёнок баловался. Почерк, впрочем, был изящный и старательный, вовсе не детский.

"Бружигон каргатору абронхортс" — разобрал Аваро на одном из клочков.

Он вернулся в прихожую. Вторая дверь не открывалась, хотя запорного механизма не было — что-то подпирало её изнутри. Аваро навалился сильнее и смог просунуть голову: на полу у двери распласталась Траурная Дама. Парень подвинул её тело ногой и смог протиснуться в спальню, обставленную вычурно-безвкусно: от переизбытка ажурных тканей и цветастых узоров рябило в глазах. Он легонько похлопал женщину по щекам — последовал блаженный стон, переходящий в зевок. Дама, не открывая глаз, лениво поёрзала, поджала ноги к животу и положила ладонь под голову — видимо, ей и на полу было неплохо. В доме царила тишина. Муж либо дремал, либо отсутствовал.

Аваро не стал приводить в чувство взбалмошную хозяйку дома, вместо этого он осмотрелся в поисках сколько-нибудь полезных бумаг. Ящики стола были забиты баночками с красками и пудрой, травяными настоями, шпильками, попало даже кольцо с драгоценными камнями. Шкаф захламляли только бесчисленные платья.

"У неё столь обширный гардероб, а ходит вечно в драной шали. Весь её облик задуман так, чтоб вызывать жалость и снисхождение," — мысленно рассуждал Аваро.

В невзрачном сундучке у кровати он наконец нашёл картонную папку. Внутри лежали завещание, накладные, ростовщические билеты и деловая переписка генерала — почерк с бессмыслицей из соседней комнаты не совпадал. К письму восьмилетней давности о налаживании продовольственного снабжения было приложено две наспех составленные карты: города и округа. В первой Аваро из интересного усмотрел только то, что дом, в котором он по прикидкам сейчас находился, был подписан как: "мстрск рзчк Шафо". Отца Дамы звали иначе.

"Выходит, резчик съехал после пожара. Или его съехали. Хотя с чего я вообще взял, что он выжил".

А вот карта округа парня не разочаровала. Расшифровка графических отметок не прилагалась, но в месте перехода в Анатри чернилами была выведена крохотная арка — Аваро внимательно изучил карту и нашёл ещё пять таких же. Две из них располагались в пешей досягаемости: в двенадцати километрах к западу и в семнадцати к северу от лагеря. Куда ведёт каждая из дверей, не уточнялось, возможно, составители и сами не знали.

Воришка сложил карту несколько раз, спрятал в карман брюк и покинул дом незамеченным, а в голове всё крутилось дурацкое: "Бружигон каргатору абронхортс".

Из-за попойки и визита к Даме Аваро опоздал почти на час, и «сестричка», страшившаяся допроса от дежурного-третьегодки, не стала дожидаться его в городе. Самого загулявшего отчитали за позднее возвращение и хмельной душок, пригрозив в следующий раз написать донос, за которым обычно следовали выговор от начальника лагеря и отправка на полевые или строительные работы с бесчеловечным режимом и телесными наказаниями за любую провинность.

Аваро вынужден был ходить по струнке, а потому приватно побеседовать с Ло удалось только через три дня, когда её отпустили из канцелярии пораньше в честь завершения стажировки. Они сидели прямо на траве возле дороги, ведущей от города к лагерю.

— Ты должна напроситься в гости к Ширму.

— Зачем? Он вернётся только завтра.

— У тебя снова должно быть разрешение выйти в город, чтобы не дать даже повода для подозрений.

— Так зачем мне в город?!

— Слушай, ты просила план — он готов. И он хорош. Было о-очень нелегко, а от тебя требуется какая-то мелочь. Ты читала письмо?

— Конечно, нет. Представь себе, стажёрам не преподносят для ознакомления важные доносы. Мир несправедлив.

— Если вкратце, то некий немолодой дикарь, к тому же хромым, сумел обхитрить постовых и прикарманить ключик от двери на западе. Как ему это удалось, не совсем понятно: по объяснениям постовых он где-то раздобыл их форму и как ни в чём не бывало проник в здание наблюдательного пункта, представившись переведёнником из охраны Верховного. Никто не заподозрил обман, потому что человек знал не только порядки и текущие дела, но также имена и звания всех присутствующих. Через час исчез и самозванец, и ключ из портков старшего. Торди в сопроводительном письме предположил, что версия — абсурд, на самом же деле имел место подкуп. И, наверняка, не обошлось без пьянки в честь новоиспечённого сослуживца.

— И где нам искать этого вора?

— Дослушай! Про западную дверь можно забыть — теперь она охраняется круглосуточно, от неё не отходят ни на шаг. И это нам пригодится. Торди приказал усилить состав наблюдательного поста на случай, если дикарь придёт с целой бандой. Его просчёт в том, что он доверяет только опыту, — подмогу запросил не из лагеря, а с других постов, тем самым ослабив их защиту.

— А толку? Не говори, что ты тоже украл ключ...

— Нет. Но ты только подумай, как легко провернул всё старый больной дикарь! В одиночку! А мы самые настоящие солдаты, на короткой ноге с Торди — нам поверят куда охотнее. Я и отмычек наделал из шпилек одной безалаберной дамы.

— Торди верно подметил, что это абсурд. Дикарь просто подкупил наблюдателей, но даже если нет, они не полные дураки, чтоб второй раз на одни и те же грабли...

— Письмо довольно секретное. Скажем, что нас прислали вместо ушедших на запад. А не поверят — применим силу. С одним-двумя я справлюсь, ты поможешь ножичками. Если их больше, отступим.

— Легко тебе говорить: чуть что не так, дашь стрекача — и всадник не угонится. Ты это умеешь. Даже сможешь вернуться в лагерь, опознают-то не скоро, а у меня отходных путей нет.

— Я соратников не бросаю! Если надо, на руках потащу. Одному бежать не имеет смысла...

— Раньше ты другое говорил. И мы с тобой не бывали в серьёзных переделках. Тогда в лесу Торди устроил спектакль — кто знает, на что они способны на самом деле. Без защиты верхушки с нами не станут церемониться.

— Но и я уже не тот, каким был в Фосе или Анатри. Я кое-чему научился и кое-что стал понимать в людях. Теперь меня не так легко прижать к стенке. Почему ты не можешь просто мне довериться?!

— Ты и сам мне не больно-то доверяешь. Ладно, сделаю, что просишь. Но я развернусь и уйду сразу же, как увижу, что ты ведёшь нас на смерть, или когда снова возомнишь себя всемогущим.

— Идёт! — Аваро выдохнул с облегчением и довольно прищурил глаза. Ло же, уткнув взгляд в траву под ногами, нещадно грызла кожу губ.

— Ещё кое-что. Придётся три дня недоедать: надо собрать еды в дорогу — только постарайся сделать это незаметно. В гости ты должна напроситься именно на четвёртый, никак иначе. Настаивай на своём.

— Почему это так важно?

— Если вдруг пошлют кого-то к Торди за подтверждением, у нас должно быть достаточно времени. Вполне возможно, что он до сих пор торчит на западном пункте. Между тем и нашим, северным, километров двадцать — на лошади туда и назад всего час пути. Это мало. Но я знаю, когда он окажется намно-о-ого дальше. Через три дня годовщина назначения первого Верховного — главное торжество в Сервоне. В резиденцию на роскошное празднество приглашают исключительно выдающихся персон. Всем уже известно, что Ширма не позвали — прикинься, будто хочешь его утешить и устроить свой маленький праздник. Ортей подтвердил, что Торди каждый год заказывает подарки у его отца — честолюбие не позволит старшему генералу пропустить настолько значимое мероприятие. На карте, которую я раздобыл, резиденция не указана, но Ортей уверен, что она очень далеко на юге.

В судьбоносный день Аваро поджидал сообщницу у северной границы города. Вокруг было пустынно: народ стекался к главной площади, где по указу Верховного устроили массовые гуляния с песнями-танцами, играми, состязаниями и, что самое заманчивое, бесплатной похлёбкой из трёхсотлитрового котла. Малька парень визитом не удостоил. Под конец наставничества старик растерял строгость к подопечному: Аваро часто опаздывал, порой и вовсе являлся лишь за подписью в пропуске, а Охерн только милостиво вздыхал, мол, молодая кровь горяча, ничего не поделаешь.

Бежать решено было через лес: чуть дольше, чем по дороге, но гораздо безопаснее. Выходить из лагеря поодиночке и в разное время. Маленькую сумку с припасами привязать к поясу и спрятать под одеждой.

Аваро предусмотрительно сверился с башенными часами и всю дорогу из города продолжал в уме отсчитывать секунды и минуты. Больше всего он боялся утратить чувство времени: заявиться на пост к вечеру значило удвоить недоверие наблюдателей.

Ло опаздывала. Немного, но всё же. Что угодно могло её задержать: дежурный на выходе из лагеря, знакомый генерал или солдат, столпотворение, пьяные прилипалы на площади.

"Вряд ли она так же переживает о пунктуальности. А может... Вот вредина, решила отомстить за тот раз, когда я напился. Желание понятное, но не в такой же момент!"

Аваро усомнился в правильности подсчёта: не слишком ли он торопился проматывать в уме секунды? Можно облажаться раза в полтора.

Он уставился на солнце, преодолев резь в глазах: зенит уже пройден. Значит, не так сильно и ошибся.

Мучила жажда, бок под сумкой был мокрым от пота. Не выдержав, парень снял её и положил рядом. Внутри лежала фляга с водой, но он запрещал себе думать даже о маленьком глотке: на той стороне водоёмов может не оказаться. Тени деревьев потихоньку меняли направление — Аваро перемещался вместе с ними. Он вспомнил, что в трёхстах метрах отсюда между заброшенными дворами видел колодец — дойти туда и назад пять минут, вытянуть воды и напиться ещё пять. Но что если они с Ло разминутся? Вдруг она подумает, будто пришла не в то место и отправится блуждать дальше? Что если обидится, и не захочет ждать?

"При желании могу добежать туда-назад и за минуту. Гораздо лучше, но тогда я ещё сильнее вспотею."

Через полчаса он наплевал на риски и вразвалку поплёлся к колодцу. Голова раскальвалась от жары. Он перестал считать, только наблюдал, как солнце медленно, но упёрто клонится к горизонту. Мутноватая, восхитительно ледяная вода ненадолго облегчила его страдания. Он пил через силу, надеясь наполниться впрок, вылил немного себе на голову, отчего рубаха промокла почти насквозь.

Аваро вернулся к условленному месту — по-прежнему никого. На секунду он заволновался: вдруг Ло уже была здесь и ушла; но отбросил эту мысль — слишком уж бредово звучит. Несколько раз он показывал ей точку на карте, объяснял на словах, называл ориентиры. Путаницы быть не могло. Что-то случилось.

"От чего она не смогла бы отвертеться, что бы напрочь подавило её волю?"

Ответ направил его в кабак. Стрелки часов на площади подползали к двум. Народные гуляния набирали силу — Аваро чуть с ног не сбила нёсшаяся в дикой пляске парочка. Внутрь кабака было не попасть: посетители забили помещение до отказа, часть вожделеющих жидкого веселья стояла у входа с монетами наготове в ожидании, пока к ним протиснется хозяин с кружкой. Аваро пристал к ближайшим с расспросами, но те или отмахивались, или ничего не могли расслышать из-за громкой музыки и гомона толпы.

"Волк меня подери! Как бы кстати сейчас пришлась карта города!"

Он успокоил вьедливые сожаления здоровой мыслью о том, что за восемь лет многое могло измениться. Почти отчаявшись, Аваро ухватил за локоть хозяина, вручающего очередную кружку.

— Если ничего не покупаешь, ступай прочь! Не видишь что ли, сколько народу набежало? Всех обслужить надобно. Не до тебя, солдат.

— Прошу! — заорал ему прямо в ухо парень. — От этого зависит моя жизнь! Всего один вопрос!

— Ну чего тебе?! Давай живее.

— Где дом Анжа Ширма?

— Знать не знаю, кто это.

— Младший генерал, начальник галт-отряда.

— Да развелось этих генералов! Хотя... Стой! Знаю фифу одну с таким же прозвищем, захаживала пару раз. Живёт через две улицы.

— Это его жена, наверное. Заклинаю, подскажите дорогу.

Грубо расталкивая всех на своём пути, Аваро прорвался к нужному дому. Он постучал и тут же крепко сжал правую руку в кулак, чтобы выкинуть его прямым в физиономию Ширма, как только та покажется в проёме. Замок щёлкнул нескоро — открыла женщина. Парень остановил несущийся вперёд кулак уже в полёте и растопырил пальцы в чудаковатом приветственном жесте.

— Ты у нас кто? — она говорила в нос и делила слова раздражающе долгими паузами.

— Простите за беспокойство, Ло случайно не у вас гостит?

— Ло? Что за Ло? А-а, это та белобрысенькая девчушка? Да, у нас, а что тебе от неё нужно?

— Я её брат, хочу проводить сестру до лагеря. А то знаете, эта пьяная толпа...

— Ещё слишком рано! Мы только-только сели за стол. Никого не отпущу, пока пирог не будет съеден. Что я зря всё утро на кухне крутилась?! Видишь этот кошмарный порез на пальце? Не стой в дверях, заходи.

Женщина вела его через очень чистые, светлые, но полупустые комнаты. Мебель, которую он видел: стул, шкафчик с зеркалом, крохотный диванчик, обитый сиреневым бархатом; была новой и добротной, но столь малочисленной, что дом казался нежилым.

— Повтори, будь добр, как зовут девочку, — шёпотом попросила жена Ширма. — Голова никак не хочет запоминать.

— Ло.

— Странное имя. Такое короткое, будто незаконченное. Я ведь угадала?

Аваро пропустил вопрос мимо ушей. Она восприняла это как призыв разъяснить суждение.

— Меня, например, зовут Суфока. Аж шесть букв. Чувствуется цельность при произношении, согласен? А как тебя зовут?

— Аваро.

— Над твоими родителями основательнее потрудились. Букв поменьше, чем у меня, но тоже хорошо.

Парень хотел язвительно подметить, что у её мужа только три, но сдержался: всё-таки они с этой манерной особой кое в чём были негласными союзниками. Суфока и сама спохватилась.

— У сокровища моего, кстати, тоже шесть — не зря мы сошлись. При рождении-то его нарекли Анжионом, только тсс. Никому. Он терпеть это имя не может, даже когда на службу устраивался, в документах указал сокращённо. Причуды самцов!

Ширм и Ло сидели за широким обеденным столом напротив друг друга и о чём-то тихонько, но взволнованно беседовали.

— Ло! Я правильно сказала имя? За тобой пришёл братик, но я уговорила его присоединиться к нам. Даёшь продолжение банкета!!!

Анж сухо поздоровался, Аваро не ответил и испепеляюще уставился на Ло, но та избегала смотреть ему в глаза — лишь на долю секунды взгляд виновато скользнул по его подбородку.

— Что ж ты стоишь, дружок! Застеснялся? Чувствуй себя как дома, вот стул — усаживайся рядом с сестрёнкой.

— Мы спешим вернуться в лагерь.

— Я договорился с дежурным, чтоб не цеплялся к опоздавшим. Такой праздник раз в году бывает, солдатам тоже нужно веселиться.

— Анж, ты такой молодец! Ни о ком не забываешь! — восторженно похвалила жена и хлопнула в ладоши. Ширм натянуто улыбнулся и густо покраснел.

Аваро не нашёл, чем парировать и принуждённо сел. Суфока без умолку щебетала про блюда на столе, предлагая попробовать то одно, то другое, но гость почти не чувствовал вкуса. Лицо женщины против воли приковывало к себе внимание: впервые парень видел такую беспокойную мимику. Брови, щёки, уголки губ, ресницы, крылья носа — всё дергалось, то и дело ползало вверх, вниз, вбок. Поначалу он пытался отследить значение каждой ужимки, но очень скоро устал и признался себе, что ничего не понимает. Загнанный в прострацию до страшного огромными совиными глазами, Аваро и не заметил, как их обладательница сменила тему.

— Анж, ты им не рассказывал, как тебя на службе ранили? Он же раньше дозорным был, объезжал отдалённые деревни, бандитов выгонял — мы тогда ещё не были женаты, всё присматривались к друг другу. Мне его служба страх как не нравилась! Хорошо, что он быстро перешёл оттуда в канцелярию. Я всегда говорила, что он достоин большего. Так и оказалось — его лидерские качества почти сразу заметили и сделали генералом.

— Серьёзно ранили? Как это случилось? — участливо спросила Ло.

— Было страшновато, когда кровь из груди хлестала, но всё обошлось. Обыкновенный деревенский забулдыга воткнул край серпа меж рёбер без особых причин. Я вообще не ожидал — и поплатился. Такой вот я непутёвый солдат.

— А ведь могли и сердечко задеть! Я бы не пережила! Зато мы по-настоящему прикипели друг к другу, пока я его выхаживала. И вот после стольких жертв и мытарств его хотят с должности главного по лагерю сместить! Возмутительно! А ведь давно должны были старшего генерала дать. Но мы-то с вами понимаем, что это происки завистников. И даже имена знаем, но уж не будем за столом... Многовато чести для таких пиявок. Ничего, унывать мы не намерены: у Анжа много друзей в верхушке, которые за него горой! Только чёрствые людишки могут остаться равнодушными к его очарованию. А какую чудесную речь он написал для злопыхателя, обвинившего его в лени и отсутствии дисциплины у солдат! Подождите минуточку.

— Суфока, прошу тебя, не надо! Избавь нас от этого... Я писал её в стол, пусть там и остаётся.

— Ну уж нет! — она вышла из комнаты и вернулась со смятым листком в руках. Встала в театральную позу, выдала серию ужимок, вероятно, означавших: "приготовьтесь, сейчас снизойдёт благодать"; и зачитала одухотворённо торжественным голосом:

"Свершения — плод воли. Воля есть тугое сплетение желаний, желания же рождаются из любви. Я не утверждаю, что всякая любовь чиста и непорочна, но не всегда это плотское сладострастное влечение. Есть и любовь к музыке, природе, красоте, веселью и лёгкости, к человеческому разуму, к жизни, наконец. Проблема силы воли не в отсутствии дисциплины, а в истощении чувств, нехватке любви. Не той, что приходит извне, а внутренней, глубинной. Вылечить недуг безволия может только кропотливое возвращение любви — к чему угодно! — в собственной душе.

Дисциплина орудует страхом и чувством вины, а популярность свою приобрела благодаря тому, что напугать и обвинить всегда быстрее и проще, чем научить любви. Однако этот метод никогда не сравнится с любовью по эффективности..."

Ширм приподнялся и играючи выхватил бумажку.

— Хватит на сегодня посредственной философии, аж в сон потянуло. Ты всё время обо мне, да обо мне. Ребята и слова вставить не могут.

— Разве плохо, дорогой, что я сильно тобой горжусь? Ты слишком себя принижаешь, надо открыто заявлять о своих талантах.

— Да, Анж, мне тоже речь очень понравилась, — пролепетала Ло.

— Я каждое утро перечитываю! За каждое слово расцеловать готова.

Ширм места себе не находил от льющейся с двух сторон патоки. Он обречённо поцеловал руку жены в надежде утихомирить нелепые восторги. Аваро впервые испытал к нему жалость.

— Нам уже пора уходить, не хочется напороться на серп случайного гуляки.

— Что вы, мы же не в деревне! Давайте ещё поболтаем!

Ширм кинул на Суфоку взгляд, полный смертельной усталости.

— Но, если так нужно...

Когда гости оказались на улице, был уже четвёртый час. Посреди весёлого людоворота только эти двое выглядели измотанными и опустошёнными. Их путь лежал на окраину города, граничащую с фермерскими наделами. Аваро первым прервал тягостное молчание.

— Всё плохо, но план ещё может сработать! Украдём коня и до пяти будем на месте.

— Сам себя послушай. Мчать на краденной лошади по дороге, ведущей только к двери?!

— Мердо! Где ты вообще умудрилась с ним столкнуться?!

— Я не сталкивалась, а пришла сама. Мне стало жаль его. Анж столько сделал для меня, а я отплачу грубым обманом? Да ещё и в праздник. Это слишком жестоко.

— То есть тупая учтивость для тебя важнее, чем все мои старания, чем возможность вырваться из проклятого рабства?!!!

— Мы понятия не имеем, что за дверями! С чего ты взял, что там лучше? Сервон — единственный город с какой-никакой культурой и худо-бедно работающими законами. На сотни и тысячи километров вокруг никого, кроме дикарей-людоедов и грабителей.

— Ты повторяешь заученные фразы из лекций. Забыла, что дикари-людоеды — это мы?! Чего нам бояться: мы через всё это проходили! И ещё через многое сможем пройти.

— Я не хочу так жить. А ты — иди дальше. Только не кради лошадь. Без обузы вроде меня ты и на своих двоих доберёшься за полчаса. Возьми мою сумку.

— Она при тебе? Выходит, ещё утром ты была готова сбежать. Что изменилось?!

— Ничего. Я и утром собиралась остаться, просто не хотела тебя обижать...

— Но обидела! Нет, растоптала! Ты хоть понимаешь, насколько подло всё, что ты сделала?!

— Понимаю... Прощай, Аваро, — девушка с непроницаемым лицом поднялась на цыпочки, поцеловала его в щёку и зашагала в сторону лагеря, не оборачиваясь.

Аваро в растерянности смотрел, как отдаляется успешная статья такой привычной, такой родной фигурка. Через минуту она исчезла за поворотом.

"Значит, таков конец... Вот так просто".

Зажмурившись и неимоверным усилием отключив голову, парень со всех ног помчался на север. Никогда прежде он не бегал так быстро.

Семнадцать километров оказалось недостаточно, чтоб отстраниться от гнева, уязвленного самолюбия и назойливых сожалений. Аваро хотел бежать ещё и ещё, всё равно куда, но лес постепенно редел, на опушке впереди уже маячила хижина наблюдателей. Снаружи никто не показывался. Понаблюдав из укрытия, дезертир заметил в окне спину постового, разговоры из дома не доносились.

"Неужели он один?! Надо быть осторожнее, вдруг остальные патрулируют окрестности".

Затаившись среди подлеска, он выждал немного, после чего подобрался ближе. Без сомнения, на посту был всего один наблюдатель. У двери выстроились в ряд пустые бутылки из-под браги — вскоре горе-страж вышел на крыльцо нетвёрдой походкой, чтобы пополнить его ещё одной.

"Через пару-тройку бутылок он уснёт и не заметит, как его обчистят. Если, конечно, ключ у него. Такому бы вряд ли доверили..."

Аваро не стал терять время и вприсядку двинулся к небесно-голубой двери, возвышавшейся над голой поляной в сотне метров от поста. Разглядев знакомые хаотичные узоры, парень не смог устоять и пополз к ней по траве. Всё, как и в Фосе: та же обрубленная мостовая, тот же кривенький забор, удерживающий дверную коробку вертикально, та же краска, только лучше сохранившаяся. Даже ручка похожая — не хватало только лязгающего от порывов ветра стремени. Аваро быстро встал, прикоснулся к прохладной ручке и, потакая наивной вере в чудо, повернул. Дверь не поддавалась. Вмиг он испытал и досаду, и непостижимое облегчение, заглянул в замочную скважину — напрасно, глазам предстал всё тот же сервонский лес. Выудил из кармана шпильки, немного поковырялся в ней, но после пары неудачных попыток сам себя осадил.

"Если снять дверь с петель, она не будет работать. Чуть повредить узор, отколоть кусок дерева — она не будет работать. Наверняка замок — тоже важная часть двери, ломать его нельзя".

Вдалеке послышались голоса. Дезертир во весь опор рванул к кустам и спрятался, боясь дышать. Он долго выжидал, но постовые так и не явили себя и больше не переговаривались. Сообразив в чём дело, парень вернулся к двери: чем ближе он подходил, тем более реальными становились голоса, хотя разобрать слова было по-прежнему невозможно. На той стороне кто-то смеялся. Может, признавался в любви. Был счастлив. А может, всё это ему померещилось. Аваро приложил ухо к двери, послушал ещё немного, а потом, нисколько не кроясь, пересёк поляну и степенно прошествовал в каком-то метре от хижины. Он направлялся в лагерь самой короткой дорогой.

Дежурный явившегося перед самым закатом солдата ни о чём не спрашивал: наверное, решил, что тот на радостях весь день пил и танцевал, как и десятки других выходцев из глуши, впервые познавших Сервон во всей его прелести. Доковыляв до кровати, Аваро рухнул, как подкошенный.

На следующий день глаза Ло встретили его гремучей смесью из радости и страха. Она бы предпочла, чтоб он тихо-мирно, без лишних слёз и объяснений убрался из её жизни навсегда, но именно поэтому Аваро упорно не желал оставить "сестричку" в покое.

Чувство времени притупилось. Лагерь, как и любое другое чрезмерно упорядоченное и

отчуждённое от реальности место, мог похвастаться занятой аномалией: час здесь тянулся вечность, а неделя ощущалась минутой. Нет, фосец не забыл о побеге, но то, как развалился казавшийся безупречным план, надолго выбило его из колеи. Раньше он ловил идеи прямо из воздуха, каждый звук подсказывал верное направление — он будто шёл по тропинке, посыпанной белым рисом. Теперь Аваро просыпался с совершенно пустой головой, а засыпал потерянными и выпитыми до дна.

Наставничество закончилось, и появились новые причины как для грусти, так и для радости: в город было уже не вырваться, зато Ширм лишился оснований беспрестанно ворковать со своей ручной зверушкой. Но и Аваро стало невыносимо с ней: любой пустячковый трёп превращался в монолог Ло о том, какой Анж удивительный и какая противная, неподходящая у него жена, или о том, как прекрасно и справедливо, что за ним всё же сохранили должность.

За выяснением отношений и самокопаниями Аваро не заметил, как лету пришёл конец. На горизонте уже маячило испытание.

В начале осени в лагерь прибыла Квиета — особа, которую второгодки часто называли проводником. Это была хоть и не первой молодости, но миловидная и бойкая помощница одного из младших генералов, подчинявшихся напрямую Торди. По слухам она не только сопровождала первогодок к месту испытания и объясняла его правила, но и следила, оценивала, чтобы в конце дать каждому солдату развёрнутую характеристику. На первый взгляд Квиета казалась излишне чуткой и компанейской для такой роли, отчего возникал резонный вопрос, искренна ли эта благодушность. Никто не знал методов оценки, не знал, считать ли каждый её взгляд проверкой, попадут ли частные беседы в отчёты и на что эти отчёты повлияют.

Неделю спустя взволнованные первогодки стояли посреди поляны в ожидании проводника. Солнце уже не превращало мозги в жаркое, ночи стали длинными, бодрящими, но рыжина едва тронула верхушки деревьев. В Фосе в эту пору обычно заряжали дожди, здесь же ранняя осень была ласковее лета.

Первогодок разбили на группы по пятнадцать человек, Аваро попал в первую по очередности. Ло хотели закинуть в следующую: родственников обычно разделяли, дабы справлялись с испытанием без костылей. Аваро такой подход понравился, но девчонка, видимо, через Ширма упросила Квиету записать её вместе с "братом". Кроме них на поляне томились: здоровяк Генэм — умелый боец, которого Аваро победил в рукопашке лишь раз; Зуми — лопухая приятельница Ло со склонностью к суевериям; Ревул — лощёный донельзя парень, успешно совмещавший в себе грубость и молчаливость, к тому же художник — всё время что-то рисовал в блокноте; Премад — пугливый и услужливый молодой человек с очень маленьким черепом, воплощавший представления Аваро об идеальном сервонце; Конур — вечно неумытый, взъерошенный пошляк и хохмач; Дривит — личность возвышенная и принципиальная, но нелепая в своей изнеженности: всё, что связано с телесными неудобствами, делал из-под палки, не забывая пожаловаться и попричитать. Остальную семёрку — четырёх парней и трёх девушек, заехавших в лагерь позже него, Аваро знал очень плохо, даже имён не помнил.

Испытуемым строжайше запретили брать что-либо с собой — в рядах солдат это вызвало немало возмущения. Особенно сокрушались Зуми о расчёске и Дривит о шерстяном пледе и анисовом чае. Наконец подошла Квиета в тесном комбинезоне болотного цвета, за

ней плелись второгодки, увешанные рюкзаками.

— Здесь всё, что вам может понадобиться. Необходимый минимум: паёк, огниво, фляга, спальная подстилка, кружка, миска, ложка. Нож один на группу — он хранится у меня, как и котелки. Два лука и стрелы тоже понесу я — такие правила. Охотиться будете по очереди, оружие выдаётся под расписку. Так, ребята, — она обратилась к второгодкам, — вы знаете, что делать. Испытание есть испытание, всё должно быть честно.

Второгодки бросили рюкзаки на траву и принялись обыскивать и ощупывать каждого из пятнадцати.

— Эй, с девчонками понежнее! — одёрнула их Квиета. — Не с мешком картошки обращаетесь.

— У этого в кармане блокнот и карандаш. Остальные чисто.

— Давай сюда. Ревул, ты чем слушал? Сказала же чистейшим мезаязом: не брать НИЧЕ-ГО.

— Не выбрасывайте. Это пригодится, — он подмигнул с серьёзной миной. — Для испытания.

Квиета раскрыла блокнот и глянула одним глазом.

— Не-а. Не пригодится. Нисколечко.

— Откройте двадцатую страницу.

— Двадцатую, говоришь... Хмм, недурно. Кажется, поняла, о чём ты. Пусть пока полежит у меня, если решу, что пригодится — выдам назад. На время. Всё, хватит разглагольствовать, разбираем рюкзаки и хвостиком за мной. Шагаем по одному. Ма-а-аксимум по двое. Не отстаём. Ох и устанут ваши ножки!

— А куда мы идём? — спросил Тенэм.

— Узнаете, когда придёте. Вот вам хороший стимул активнее шевелить булками.

Душистые поля, холмы с оврагами и ручьями скоро сменились малопроезжим лесом. Положение солнца подсказывало, что движутся они на юго-запад. Тропа уже порядком заросла, колючие ветки цепляли одежду, царапали руки и норовили воткнуться в глаза — при всём желании даже двое не могли разминуться на узкой дорожке.

Конур развлекался тем, что оттягивал преграждающий путь побег и резко отпускал перед лицом идущего следом. Когда несчастный начинал ругаться, виновник напевал выдуманные строки на мотив известной песни:

— Собачий хвостик ароматный шлёт привет! Пёс без подтирки посещает туалет!

Кончилось тем, что Конур стал замыкающим, немало огорчившись, что его шутку не оценили.

Дирвит кряхтел и постанывал.

— Так и знал, что ноги натру! Специально ботинки побольше надел, и на тебе — ступни распухли. Не мудрено на двадцатом-то километре! Живого места на мне не осталось. О-о, да тут шмели! А ещё змею видел — огромную, чёрную, страшную. Мы точно вернёмся целыми после испытания?

— Это уже от вас зависит, господа рядовые. Но трогать змею не советую, — отвечала Квиета.

— Вообще-то мы прошли шестнадцать километров двести пятьдесят метров, — вставил Ревул. — Погрешность плюс-минус тридцать.

— Ты откуда знаешь? Считаешь шаги всю дорогу?

— Нет, глазомер хороший.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

— Думаю, он прав, — подтвердила Квиета.

На редкие привалы давали не больше десяти минут. Ближе к вечеру местность стала более изрезанной, иногда приходилось взбираться на гору. Дул свежий ветерок, но одежда Тенэма была почти полностью пропитана потом. Тащить вверх центнер мышц оказалось тяжёлой работой, но он не жаловался — на разговоры не хватало дыхания. Премад с подхалимской улыбочкой предложил понести сумку Квиеты с припасами и оружием — сперва она отказалась, но на пятый час пути изрядно вымоталась и, глядя на его жалкую подобострастную физиономию, сделала исключение из правил и пошла налегке. Премад краснел от натуги, но упорно тянул лямку как ломовая лошадь. Ло с Зуми тихонько переговаривались, кажется, всё о той же несчастной Суфоке.

Аваро еле сдерживался, чтоб не перейти на бег. Стоило ему обогнать Квиету больше, чем на полсотни метров, как она грозно крикнула ему в спину.

— Молодой человек! Я и так о тебе наслышана, не нужно пытаться меня впечатлить своей проворностью. Не знаешь, что девушки от такого не в восторге? Двигаемся в общем темпе.

Конур безудержно захохотал.

— Но здесь всего одна тропа! Куда я денусь? Тащимся весь день, а бегом я бы преодолел этот путь меньше чем за час.

— Терпеливость и связь с коллективом тоже подвергаются испытанию. Хочешь, напишу в отчёте, что ты эгоцентрист?

— Это что-то плохое?

— Почти приговор.

Уже начинало темнеть, когда Квиета заявила:

— У вас полчаса на то, чтоб найти подходящее место для ночёвки.

— Мы ведь никуда не пришли! — воскликнул Дривит. — Ночевать среди змей! Да и вокруг густой лес, колючки, обрывы.

— Пеняйте на себя, раз такие медленные. Я всего лишь проводник. До планового места километра четыре, в темноте обустроиваться не пойдёт.

Группа застыла в ступоре: на узкой тропе не уляжешься, и костер не развести так, чтоб весь лес не запылал. Со всех сторон деревья и кусты плотно жались друг к другу.

— На картинах у подножья гор всегда либо долины, либо ущелья. Шанс пятьдесят процентов, что лучшее место — внизу. Даже семьдесят, потому что гора пологая, — подал идею Ревул.

— Значит, идём вниз, — поддержал Тенэм, — осталось найти безопасный спуск.

Тенэм, Дривит и четверо других парней пошли вперёд. Премад, Конур, Аваро и Ревул собрались назад — туда, где художник приметил небольшой прогал между деревьями. Квиета беспечно плюхнулась на землю и с интересом наблюдала за происходящим. Девчонки хотели было усесться рядом, но Квиета их разогнала.

— Ну уж нет! Вы такие же испытуемые. Работайте вместе с коллективом.

Единой стайкой они увязались за Тенэмом, но Аваро выхватил из толпы предплечье Ло и потянул за собой.

— Ты куда это?! Держись рядом.

Зуми нехотя последовала за подругой.

Прогал и правда выглядел обнадеживающе. Склон был крутым, но преодолевался легко благодаря стволам деревьев, за которые разведчики хватались руками. Обратный путь предстоял менее приятный, но сейчас их это не волновало. Недалеко от подножия Конур оступись и чуть не улетел с обрыва. Премад готов был пожертвовать собой — съехать на заднице по камням и проверить, что дальше, но смысла это имело мало: он мог там застрять, а другим не хотелось рисковать копчиками.

Отряд попытался обойти обрыв слева, но уткнулся в сплошные заросли дикой малины и плюща. Направо оказалось не лучше. Тогда Премад решился на отчаянный шаг: обмотал руки курткой и принялся ломать проклятые кусты. За каждый расчищенный сантиметр приходилось платить кровью. Самоотверженность соратника впечатлила Аваро, и он стал помогать, приминая побеги ногами к земле. Ревул с Конуром отнеслись к их затее скептически.

— До утра, глядишь, весь лес сметёте. У-у-у, берегитесь, жалкие колючки, они уже идут за вами! Лесорубы без топора поистине беспощадны! — острил Конур.

Через двадцать минут терпение Аваро лопнуло и он, прикрыв лицо руками и наплевав на целостность всего прочего, пропустил себя через сотни торчащих шипов. Фосец знал об акулах только из книжек Охерна, но в тот миг поверил, что жертвы зубастых испытывают сходную боль. Кровь сочилась отовсюду, порезы саднили и пульсировали, одежда была прорвана в нескольких местах.

— Ты мой герой! — воскликнул Конур немного ошарашенно. Ревул небрежно ухмыльнулся.

После прорыва растолкать колючки оказалось намного проще, и соратники протиснулись вслед за Аваро. Дальше путь выглядел сносным, но проплешины вели куда-то в сторону, не торопясь спускаться вниз. Раздался гулкий крик Тенэма.

— Что это?! — испуганно завизжала Зуми. — Там что-то случилось!

— Тише! Из-за тебя не разобрал, — раздражённо заткнул её Ревул. Через пару мгновений крик повторился.

— Кажется, нас зовут.

— Можешь определить, откуда звук? Сверху или снизу? — спросил Аваро художника.

— Не-а.

— То есть глазомер у тебя само совершенство, а на слух ты полный кретин?! — разочарованно-обвинительно пробасил Конур.

— Какая связь вообще? Про слух я ничего не говорил. Я что тебе, волшебник?! Сам и определи.

— А-а, пофиг. Пойдёмте назад. Там хоть путь известный, а тут непонятно, сколько ещё тыкаться.

— Но мы почти внизу! В долине с ними и пересечёмся, — азартно настаивал Аваро.

— Мы ведь не знаем точно, может, внизу только голые скалы и камни, — вмешалась Ло.

— Опять ты за своё, трусиха!

— Мы идём назад, оставайся, если хочешь, — объявил Конур. — Ло, пошли с нами, ему крышу снесло. Шипы, видать, ядовитые.

— Не волнуйся, если заплутаешь, мы пойдём тебя искать, — заботливо добавил Премад. Парни ушли, Зуми тоже почти скрылась из виду, но Ло всё ещё колебалась.

— Аваро, хватит упрямиться. Это же полная ерунда. Уже почти ночь, а ты ломишься через дебри неизвестно куда. Пошли к ребятам.

— Мне и здесь хорошо. Достало слушать их болтовню. Заночую один. Хоть здесь, хоть на камнях. А завтра ещё и обгоню всех, потом вернусь и снова обгоню. Или сбегу. Кое-что с карты я ещё помню.

— Совсем Квиету не боишься?

— Насмешила.

— А того, что после?

— Слушай, иди-ка ты наверх.

— Хватит командовать. Не могу же я здесь тебя бросить...

— Тебе не привыкать.

— Тогда у меня не было выбора.

— Чушь! Тупая отговорка.

— Почему ты думаешь, что всё про всех знаешь?

— Тебя я знаю лучше, чем ты сама. Ты в плену у иллюзий о собственной доброте. Я освобождаю тебя от необходимости носить эту маску.

— Тенэм снова кричал. Это точно сверху! Чем хочешь могу поклясться.

— Даже Ширмом?

— Сказала же, чем хочешь.

— Так клянись!

— Клянусь Ширмом! Доволен? Теперь пошли назад.

Карабкаться вверх им пришлось почти ползком, хватаясь за всё, что попадало под руку. Ло несколько раз срывалась, Аваро ловил её и толкал вперёд что было сил. Измазавшись в глине с ног до головы, они-таки добрались до тропы. Уже стемнело, но массивную фигуру Тенэма было сложно не заметить. Рядом с ним, всё ещё тяжело дыша после подъёма, сидели Премад, Ревул, Конур и Зуми.

— О, вот и они. Мы такую обалденную поляну нашли! Причём не в долине, а на выступе скалы. Дривит всю красоту наводит. Квиета распереживалась за свою сумку и отправила за вами.

Через минут десять они были на месте. Взгляду предстала небольшая, во всех отношениях уютная поляна, за исключением того, что с одного края оканчивалась обрывом высотой метров в пять. Дривит выкорчевал пару хиленьких кустиков, натаскал камней и сделал идеально круглый очаг. Приволок откуда-то парочку брёвен, застелил мхом и травой для мягкости, превратив во вполне комфортные лавки, бездельников отправил за хворостом. Девушки забрали сумку у Премада и занялись готовкой.

— Для пятнадцати человек места маловато. Спать будем друг на друге? — всё ещё ворчал Аваро.

— Потеснимся уж как-нибудь, — простодушно ответил Тенэм.

Ревул о чём-то перешёптывался с Премадом, а Конур донимал расспросами Квиету.

— Откуда на нас стальная госпожа свалилась?

— Оттуда, откуда и все.

— А я может, не оттуда. Я, может, с неба. Из гнезда.

— Ну тебя.

Квиета прихлебнула из фляги.

— О-о-о, чую божественный аромат чистого спирту! Глотнуть не дадите?

— Прости, мне и самой мало. Думаешь, легко с вами, оболтусами?

— Зря вы так, лучше нас компании не найдёте. А если не секрет, что вы про меня в отчётике черкаете?

— Секрет.

— Всё равно расскажите. А то подумаю, что там что-то вроде: "Конур — самый обаятельный мужчина во всём Сервоне".

— Напишу, что ты хитёр, пустословен, охоч до выпивки и хорошеньких старух.

— Всё правда, кроме последнего: ну какая ж вы старуха? Девушка в самом соку!

— Солдат! Отставить похабные разговорчики! Совсем страх потерял?!

— Как же мне это нравится! Аж мурашки по коже...

Квиета вздохнула и отсела от него подальше — на свободное место рядом с Аваро.

— Вид у тебя болезный. Так и не скажешь, что атлет.

— Я не атлет, я — бегун.

— А в чём разница? Первое звучит красивее.

— Атлет всё время с кем-то соревнуется. Мне это не нужно. Я просто бегу. И плевать, что красивее.

— Ну-ка, что там у тебя спрятано... — Квиета протянула руки к его ногам и ощупала икры.

Аваро от неожиданности поперхнулся собственной слюной и закашлялся.

— И правда не атлет, мышцы, конечно, есть, но я ожидала чего-то более выдающегося...
Всё дело в том, что ты длинный!

— Тенэм чуть выше меня, но медленнее раз в пять. Хотя щупать его приятнее — поменяйтесь местами с Дривитом.

— Мне и здесь хорошо.

После ужина предстояла нелёгкая задачка уложиться так, чтобы никто во сне не улетел со скалы. В итоге девушки разместились по кругу возле костра, а парни всей гурьбой вдоль линии леса. Дривит растолкал всех и разлёгся, как царь, оправдался большой спиной и захрапел прежде, чем кто-либо успел возмутиться. Остальным пришлось поджимать ноги и дышать друг другу в затылки. Аваро спал спина к спине с Премадом — сосед то и дело ёрзал и вздрагивал.

Когда Аваро открыл глаза, солнце ещё не поднялось из-за леса, но он был не первым: Ревул с Дривитом уже сидели у края обрыва. Влажный холодный воздух бодрил, но вылезать из-под покрывала Аваро не торопился. Он наблюдал, как бледнели последние звёзды, и небо медленно желтело, сияясь сравняться по тону с листьями вязов. Противное урчание в животе всё-таки заставило парня подняться и проверить оставленные у костра миски. Он переступил через Зуми и, стараясь не греметь, схватил почти пустой котелок и уселся недалеко от Дривита, свесив ноги над пропастью. Ревул как ни в чём не бывало рисовал в блокноте.

— Ты что, стырил его у Квиеты?

— Не я — Премад.

— Что ты ему за это пообещал?

— Ничего. Я не просил. Он тот ещё чудила. Но возвращать не стану.

— Почему ты сказал Квиете, что это может пригодиться? — спросил Дривит. — Я вот не могу представить испытание, где художество было бы полезным.

— Это будет полезно не нам, а ей. Я рисую портреты всех, кого вижу. И мои портреты

не то чтобы зеркальное отражение. Скорее вид под лупой — усиливаю внешние черты внутренними.

— То есть ты поможешь ей составить характеристики? Тогда рисуй меня сильным, гордым и отважным.

— Не думаю, что она всерьёз заинтересовалась. Просто ей понравилось, как вышла она сама.

— Дай гляну.

— Обойдётся. Покажу твой портрет, когда закончу.

— Жаль. Уверен, там всё прекрасно.

— Смирись.

Вскоре повставали и другие первогодки. Конур пришёл в восторг, прознав о краже Премада, и всё порывался заглянуть в блокнот к Ревулу. Как только на ноги поднялась Квиета, парни кинулись собираться в дорогу.

Уже через час группа оказалась посреди ступенчатых речных террас, куда лучше подходивших для ночёвки. Горы с колючками остались позади. Пожухлая за лето трава была единственной растительностью до самого горизонта, за исключением пары одиноких кустарников. Шагалось гораздо легче, даже Дривит наслаждался ленивой прогулкой.

Край казался совершенно диким или давно покинутым: ни полей, ни дорог, ни следа домов; но только до тех пор, пока перед путниками не вырос длинный каменный мост с арочными пролётами, соединявший самые верхние ступени террасы. Столь грандиозное сооружение не могло быть построено в случайном месте. На Квиету градом посыпались вопросы — она отвечала односложно:

— Потом поймёте.

Испытуемые постояли на мосту, погладили розоватый, нездешнего вида камень, поплевали вниз. Дривит отвлекал Квиету, пока Ревул делал наброски. Перешли на другой берег — от моста тянулась плохо различимая под травой грунтовая дорога, повторявшая все изгибы узенького рукава реки.

Перед обеденным привалом они снова очутились среди деревьев: сосны, не вписывающиеся в степной пейзаж, соседствовали с высокими узколиственными кустами, которых Аваро прежде не видел. Вместе они образовывали настолько стройные ряды, что сомнений быть не могло: огромный лес высажен вручную. Вскоре проявился ещё один след присутствия человека — берега речки закрепляли бетонные плиты, превращая её в скучный, предсказуемый канал.

В третьем часу Квиета резко остановилась.

— Думаю, вы пришли...

— Как это?! Тут же ничего нет!

— Так! Конур, Тенэм держите луки, расписывайтесь и марш на охоту. Остальные разведите огонь и сварите два котелка каши. Вернусь через часик-другой, тогда и дам все нужные инструкции. И чтоб меня уже дожидался пяток тушек. Увижу за собой хвост — сниму с испытания! Всё ясно?!

— Почему Квиета с нами не пошла? Она же должна наблюдать, оценивать. Вдруг я совершу геройский подвиг, а аплодировать некому. Вы же только завидовать можете, — сокрушался Конур.

— Видимо, не верит, что сегодня мы хоть сколько-нибудь продвинемся. До заката всего два часа, — предположил Тенэм.

— Она что-то Премаду втолковывала. Нашла себе заместителя, — Ревул потрянул головой с плохо скрываемым презрением.

— О-о, так ты наш новый надзиратель. Интересно, с чего бы это? Поделись с соратниками, — всё не мог успокоиться Конур.

— Простите, не могу разглашать, — понуро отвечал Премад.

— Надо было отправить кого-то вдоль реки, — перебил Аваро.

— Что ж он, дурак что ли, там его заметят на раз-два.

— Жажда сильнее страха.

— А с чего вы взяли, что он будет отсиживаться в лесу? Я б на его месте бежала прочь, как можно дальше, — с умным видом заметила Зуми.

— К той дороге, которой его доставили, он не сунется — там полно солдат, а о нашей тропе ничего не знает. На лугах слишком неуютно, тревожно. Аваро прав, он будет искать воду и пищу. Так что по ошибке может забрести в приграничную зону, и мы проиграем, — рассуждал Дривит.

— Да как это мердо выследить? Заманить мяском? — вопрошал Конур.

— Это ж тебе не собака.

— Кто-то нашёл разницу между зверем и дикарём, — заносчиво процедил Ревул.

Аваро подошёл ближе к Ло и зашептал ей на ухо.

— Наверняка нашего поймали — того, что ключ украл.

— Нее, Квиета же сказала: этого взяли за то, что сына поглотил, — её голос захрипел к концу предложения.

— Сказать могли всё что угодно, да и одно другому не мешает. Погоди-ка...

Он опустился на корточки и оглядел дерево неизвестной породы.

— Ты бы хоть за куст присел! — подтрунивал Конур в своей манере.

— Что там? — заинтересовался Тенэм.

— Кора ободрана.

— Дык это дятел, — снова встрял Конур.

— Сам ты дятел, содрали слишком низко. И много.

— Зачем беглецу кора? — послышался голос Зуми.

— Мало ли... У него при себе ничего, может, инструменты мастерил, нужно ж чем-то связать палку и камень.

— Так он нас этими инструментами и того может... — обречённо констатировал Премад.

— А Квиета у нас даже луки отобрала! Заяц, по её мнению, опаснее, чем вооружённый преступник, — Конур неожиданно поддержал упадническое настроение.

— Нас что сюда на смерть загнали?! Он же нас сожрёт! — запищали девчонки.

— Так, успокоились. Нас пятнадцать, он один. Но если так боитесь, я и сам с ним

справлюсь, — Тенэм натянул на себе рубашку и выпятил грудь, — Аваро, он давно был здесь?

— Вряд ли. Но и не меньше двух часов назад. Срез заветренный, насекомые сбежались.

— Глазки все раскрыли и ищем другие следы, нужно понять, в какую сторону он ушёл.

Они побродили с полчаса, но кроме Аваро и Тенэма никто всерьёз не искал.

— Ача! Ленивые скоты! Премад, надеюсь, ты передашь всё как есть.

— Меня не просили следить, просто... — он хотел оправдаться, но так и не нашёл, что сказать.

— Есть ещё кое-что, но я не уверен, — начал Аваро.

— Валяй.

— Видишь маленькие ямки среди листьев и иголок? Думаю, там были грибы. Пахнет похоже. Ни одного не пропустил.

— Тогда всё просто, господа! Возвращаемся к месту сбора и ждём, когда он выдаст себя дымом от костра! — радостно воскликнул Дривит.

— Ты бы так не шумел. А по поводу грибов: захочешь жить, и сырыми сожрёшь, — возразил Ревул.

— Да как же так? Отравиться что ли хочет?

— Это его волнует в последнюю очередь. Он дикарь, ему и сырая человечина — деликатес.

— Хватит жути нагонять, Ревул. Идём по следу грибных лунок.

Ямки то шли сплошь, то исчезали, то вновь появлялись. Ребята точно знали одно: если показывался гриб, они шли не туда. Всеобщее внимание привлёк яркий поток света: в ряду рослых сосен, утыканных, словно по схеме, образовался прогал. На земле распласталось поваленное дерево с обугленной верхушкой.

— Ух ты! Я думала, молнии бьют только в отдельно стоящие деревья, — удивилась Ло.

— А это хороший урок для выскочек, — с глубокомысленной миной изрёк Конур, а затем улыбнулся и приобнял Премада. — Тебе, дружок, пора задуматься.

Место прельстило и разыскиваемого: возле мёртвого ствола они обнаружили отпечатки башмаков, не успевшую потемнеть грибную шкурку и мелкие обрывки коры.

— Он где-то поблизости, — резюмировал Аваро.

— А за корой далеко ходил. Соображает, следы запутывает. С грибами только прокололся — жадность подвела.

— Нужно рассредоточиться и пойти от этой точки во всех направлениях, но так, чтобы оставаться рядом, — предложил Ревул.

— Вы что с ума сошли?! Скоро стемнеет. Запомним это место, а завтра вернёмся. Разбредаться поодиночке в ночном лесу! Луна убывающая — нечисть подкарауливает под каждым кустом!

— Тошнит уже от твоих бредней, Зуми. Мы его упустим! Завтра всё по новой начинать.

— Он ведь ослаблен, его долго не кормили, издевались. Не знает, ищут его или нет, раз сами отпустили, — настаивала Ло. — Вернёмся завтра. Квиета сказала, что мы проиграем, только если преступник подойдёт близко к охраняемой границе, а зачем ему туда? Он направится в другую сторону, и мы просто будем искать чуть дальше.

— Ладно, во многом они правы. Кто-то может заблудиться, тогда хлопоты удвоятся. Продолжим утром, поищем другие следы, — нехотя согласился Тенэм. Решение далось ему тяжело: глаза задиристо сверкали, а внушительных размеров руки чесались почти

физически.

— Ача! Какого чёрта нас отправили вместе с девками?! Мы так близко! — возмутился не знакомый Аваро парень.

— Это же очевидно, — Конур самодовольно ухмыльнулся, снова оказавшись в своей стихии.

— Колись.

— Даю тебе шанс угадать.

— Чтобы они усложняли испытание?

— Не-а. Заметили, что девушек ровно в два раза меньше парней?

— Их и в лагере всего ничего. Мало кто из женщин выбирает такую судьбу, — участливо проговорил Дривит.

— То же самое и в других группах. Строго пять к десяти. Это система!

— И что эта система даёт?

— Не тупи! Конкуренцию. Дух соперничества. Все мы любим показушничать, да, Тенэм?

— А я здесь при чём?! Ещё раз приплетёшь меня — по шее получишь.

— Ни при чём, так ни при чём. Кину хрен через плечо. В общем, по задумке мы должны устраивать сражения за внимание девушек. То-то совсем страшеньких на испытание не отправляют. Но организаторы как-то не учли, что и прекрасные женщины прекрасно умеют бесить.

— Эй! Это ты здесь скорее "для прикола", а мы — самые настоящие служащие — примерные и дисциплинированные. И, кстати, твои шутки по бесячести ни одна женщина не переплюнет! — оскорбилась Зуми.

— Это лучший комплимент! О чём я... Ага! Выбивается из системы только Аваро. Он у нас обделён ещё сильнее — одна из девушек его сестра. Но Квиета, зараза такая, решила ситуацию выравнять. Все же видели, как она его глазами раздевает. Лапает даже.

— У кого-то сердечко вдребезги? Места себе не находишь от ревности?

— Я на свой отчёт работаю, дорогуша. Мои подкаты к проводнику — часть плана настолько грандиозного, что ты, примерная наша, и представить себе не сможешь!

— Фу, тогда вдвойне мерзко.

Стоило им вернуться к пункту сбора у ручья, как Квиета вцепилась в Премада и утащила его на целый час в неизвестном направлении. Вторая стоянка была достаточно просторной, чтоб не пинать друг друга ногами. Тем большее удивление испытал Аваро, когда посреди ночи Ло перетащила свой коврик вплотную к его. Поворочавшись, он всё же смог себя успокоить.

"Следовало бы уже привыкнуть, что только страх заставляет её тянуться ко мне".

Ревул придумал любопытный способ прочесать территорию, не заблудившись. Он назвал это "хоровод наоборот". Наутро все пятнадцать испытуемых собрались вокруг мёртвого дерева, взялись за руки и расставили их почти горизонтально. Глаза подростков смотрели в глубь леса — в сектор личной ответственности. Ответственности равномерно неравномерной, как равно неравны шансы выиграть в лотерею. Осталось выяснить, у кого счастливый билет и для кого какой он. Главным условием было ступать прямо перед собой, не вертеть головой, никуда не сворачивать. Делать шаг в секунду. Соблюдающий правила сможет вернуться к исходной точке: развернувшись на сто восемьдесят для тех, кто в этом

смыслит; для полуграмотных — просто медленно пятясь. Каждый услышит соседей, и, если что-то случится, передаст сигнал тревоги дальше. Что не было оговорено, так это когда повод для зова достаточен. Едва лучи пересекутся зазря, все обречены начинать сначала, иначе радиальный строй рухнет с непредсказуемыми последствиями.

Ледяная рука Ло дрожала так сильно, что эта дрожь резонировала в мозгу Аваро. Он чувствовал новую возможность для побега — соблазнительную, пьянящую, но не мог игнорировать побочный эффект: если одно звено выпадет, кто-то может пострадать. И не кто-то, а Ло — его левая смычка. Да, вероятность невелика — один к шестнадцати, что она встретит людоеда, и вполовину меньше, что он нападет, а не кинется наутёк. По справедливости, она заслужила всё, что может произойти: это был её выбор. Глупая девчонка не послушала своего верного стража. И всё же, и всё же...

Ладони разомкнулись. Аваро выставлял глазами дальний ориентир, достигал его и выбирал новый. Не вращать головой было мучительно, и он несколько раз нарушил правило: по краям видимой области шныряли бесы, о которых предупреждала Зуми. Правда, стоило взглянуть в упор, как они превращались в птиц, зайцев, в опадающие листья. Изредка до него доносились отзвуки голосов, и приходилось вслушиваться: призыв или праздный трёп. Кто-то уже нарушил строй или беседовал сам с собой.

Путь Аваро преградил низенький резной столб с надписью "23 км". Прежде всего охотника привлёк стиль узоров. Что-то было в них от искусства аборигенов, по крайней мере, ему хотелось так думать.

"Двадцать три километра куда, откуда, к чему? Ни стрелки, ни пояснений. Не то, о чём стоит кричать на весь лес".

Он продолжил идти, прикидывая нужную скорость, чтоб не отстать и не оставить соратников слишком далеко позади. Переходил с шарканья на бег и обратно. Метался. Он замешкался, когда изучал столб, но не слишком ли торопился в начале? Тело куда-то рвалось, а мерное, поступательное движение усиливало ментальную тошноту.

Кто-то закричал вдалеке. Мужской голос. Громоподобный. Справа от Аваро, давно уже не видимый, шёл Премад. Был ли это он? Звонкий тенор на такое не способен. Ещё эхо голосов. А вот и писк Премада — уже гораздо ближе. Аваро засомневался, какой из диагоналей довериться, а потому помчал строго направо. Он обежал пол-леса, прежде чем нашёл Тенэма.

— Кто кричал?

— Конур.

— И где он?

— Бросился вдогонку. Я тоже побежал, но выдохся раньше.

— В какую сторону?!

— Точно не знаю. Левее.

Аваро нагнал Конура за считанные мгновения и пронёсся мимо. На ходу вспомнил, что беглец вооружён, но не позволил себе замедлиться: он должен был добраться раньше других.

Парень разрезал собою воздух, мир обратился в расплывчатые пятна и полосы, чиркающие по нему, едва не высекая искры. Лицо обветрилось при полном штиле, ноги касались земли так быстро, что чудилось, будто туловище парит.

Он уже видел, как мечется чужеродное чёрное пятно, осознавшее: спасенья нет. Как оно петляет в наивной вере, что сможет его обмануть. Аваро размажет эту кляксу, не вступая в бой — всё сделает скорость.

Удар вышел звучный и сотрясающий. На миг и сам Аваро чуть не вылетел из сознания, но преступнику пришлось гораздо хуже — он впечатался лицом в землю. В паре сантиметров от косматой головы валялся камень. О таком исходе парень не подумал.

Преступник не двигался. Аваро перевернул его на спину и похлопал по щекам. Послышался сдавленный стон. Губы, нос, скулы — всё было разбито и кровоточило. Парень на всякий случай проверил его карманы, хотя перед ним лежал явно не тот дикарь: слишком молодой, слишком резвый, ни намёка на хромоту.

Конур и Тенэм ковыляли целую вечность. Преступник очнулся, только когда его приподняли и поставили на колени, чтобы связать руки разодранной на лоскуты рубахой Тенэма.

— Вы кто? Это беспредел! Тут рядом надзорный пост, солдаты с вас три шкуры сдерут! Уж я-то знаю, — ошарашенно затараторил дикарь.

— Так мы по их наводке. Поверил, что тебе всё сойдёт с рук?! — Тенэм явно был не в духе после двухкилометрового кросса.

— Они меня отпустили! Отпустили! Клянусь! Я в жизни дурного не сделал!

— Где твой сын, а?! — Конур злобно тряс костлявое тело. — Вставай!

— Что, опять?! — пленник обезумел и принялся вырываться, беспорядочно трести головой в надежде зарядить солдатам лбом. Тенэм быстро пресёк это: дёрнул его за плечи и швырнул перед собой.

— Топай.

Преступник опустил голову и умолк. На вид ему было лет двадцать пять. Весь грязный, измождённый, но без каких-либо следов издевательств — кажется, тюремщики вели себя на удивление нежно. Два раза дикарь порывался сбежать: Аваро тут же ловил его за край лоскута, сковывающего руки сзади, а Тенэм отвешивал тумачков.

Отряд подждал их у поваленного дерева: девушки отпрянули, увидев незнакомца, Премад ахнул восторженно-ликующе, как ребёнок при виде взрослых с конфетами, Ревул бесцеремонно потянул пленника за волосы, чтобы лучше разглядеть лицо, и быстро заводил карандашом в блокноте. Даже Ло одарила триумфаторов благосклонной улыбкой.

Когда они вышли из леса, Квиета мочила ноги в зеленоватой воде канала и потягивала из фляги.

— Куда его теперь?

— Так быстро! Ну дела. У меня бывали группы, что и за неделю не справлялись. Привяжите к дереву.

— Чем?!

— Верёвкой. Ача! Я вам её не дала?! Забыла. Сейчас-сейчас.

— Ты тут главная?! — презрительно зашипел пленник.

— На разговоры получишь право, когда признаешься, чёртов людоед.

— Он был во власти тяжкой хвори! Все соседи подтвердят! И умер... своей смертью.

— Так почему же ты скрываешь, где его закопал?! Мы проверим. Но ты ни за что не скажешь: знаешь, что мы не досчитаемся у ребёнка ручек и ножек. А то и вовсе не найдем ничего, кроме обглоданных костей.

— Пить дай, френеза!

— Обойдётся. Вяжите его.

— А дальше?

— Завтра сдадим его, куда следует.

Аваро подождал, пока к дикарю потеряют интерес, набрал во флягу воды и поднёс её к окровавленному рту преступника. У костра травили байки про облаву. Обсуждение уже длилось дольше, чем отсутствовала группа. Каждый хотел отметить свою причастность к поимке: кто закричал громче, кто больше грибных лунок нашёл, кто своевременным суровым взглядом предотвратил побег из конвоя.

Когда пленник жадно осушил флягу, Аваро перешёл в решительное наступление.

— Откуда ты?

— А, это ты меня свалил, стервятник. С колдунами общаться не стану.

— Больше ни с кем беспристрастным не получится. Есть, что сказать — говори сейчас.

— Леку пугон.

— Зачем ты это сделал? Хотел спасти его дух? Но ритуал работает, только когда поглощают старших.

— Паршивый ты колдун: магия людским правилам не подчиняется.

— А если прав ты, всё равно теперь вы оба сгниёте в тюрьме.

— Я не пророк. Сделал то, что должен был. Другим везло. О-о-очень многим. Но Пезз не исчезнет без следа — я был не один.

— А что если б твой сын выздоровел?

— Не мог. Да и ничего бы не изменилось. Он родился обречённым, как и все мы.

— Ты же произвёл его на свет. Заботился. Значит, верил в перемены, желал для него лучшей жизни. Я вот думаю, что ты переправил его за дверь.

— Думай что хочешь.

— Хромой вор, случаем, не твой поделник?

— Понятия не имею, о ком речь, — глумливо процедил пленник. — Не трать время, служивый.

На следующий день группа выдвинулась вниз по течению ручья. Преступник неохотно перебирал ногами и нарочно тормозил конвой. Вместо бетонных плит показались мраморные, лес понемногу отступал, замещаясь диковинными, цветистыми, несмотря на осень, кустами. Вскоре дорогу преградил кованый забор в два с лишним человеческих роста, увенчанный наконечниками стрел. В переплетении металлических прутьев угадывались птичьи перья и клювы. Орнаменты менялись из секции в секцию, словно рассказывали некую историю, но Аваро не уловил смысла сюжета. Обойти заграждение не представлялось возможным: сначала надо было потратить пару часов в поисках его края. Даже воды канала пробивались на ту сторону сквозь мелкоячеистую решетку.

Квиета знала, куда шла. Через полчаса они оказались у ворот — слишком скромных и невзрачных для такого произведения искусства. Этот запасной выход явно был одним из многих и, судя по паутине, крайне редко использовался. Проводница оглушительно свистнула. Из будки, скрытой за деревьями в пяти метрах от забора выскочил солдат. Форма его отличалась от генеральской, но и рядовым он не был. Испытуемые мгновенно догадались, где находятся. Такой покрой был характерен для ЛОВ — личной охраны Верховного.

Далеко за забор отряд не пустили, но и у окраины было, что посмотреть. Искусственные пруды с мясистыми оранжевыми и красными рыбами; сеть уединённых троп — каждая со своим цветом мощения и окружающей растительности; надпись "Вечный Сервон", мастерски выстриженная на полотне живой изгороди; взмывающие ввысь открытые ротонды с фонтанами, подкупольными фресками и опоясывающими лестницами.

Служащие ЛОВ увели куда-то преступника, а Квиета направилась вглубь сада, где за двухсотлетними дубами и кедрами, за бесчисленными террасами, летними кухнями и банями пряталась обитель Верховного.

— Премад, так тебя сюда водили? Чем же наш кладезь невзрачности заслужил такую честь? — поинтересовался Конур.

— Я дальше ворот не заходил.

— У него отец — начальник ЛОВ, — разъяснила Зуми.

— Будущий командир готовится, не иначе! — её собеседник изобразил на лице почтение.

— Откуда такие сведения? — удивился Тенэм познаниям девушки.

— У меня много друзей. И я умею слушать.

— С такими ушками не мудрено, — не упустил шанс съязвить Конур.

Квиета вернулась взволнованной.

— У вас десять минут, чтоб привести себя в порядок, грязнули. И держите рты на замке. Даже если спрашивают — молчите, я сама отвечу.

— Что случилось?!

— Генералиссимус вами доволен. В награду позвал составить компанию за обедом.

Реакция не заставила себя ждать: возгласы удивления, восторженные визги, испуганные оханья, честолюбивые «ура!» были одинаково громкими и неподдельными.

Особняк поражал холодным величием, но производил бы более приятное впечатление, будь он компактнее и не таким угловатым. Пропорции голубоватого фасада искажались длиннющими балконами на все стороны света и тяжеловесными скульптурами зверей, забытых богов и нелепых плодов их любви. По засилью излишеств резиденция могла сравниться разве что с канцелярией.

Ребят провели через задний ход подсобного крыла. Стены были сплошь увешаны полотнами с совершенно бытовыми, если не простонародными сценами: скоморохами, играющими на дудке, и беззаботно пляшущими полуголыми женщинами, охотой на лис, уборкой урожая. Там, где картины по какой-то причине отсутствовали, пустоту заполняла пышная драпировка. Залы с мраморным полом при всей своей просторности вызывали удушье обилием пёстрых ковров, позолоченного декора, массивных тумб, инкрустированных деревянных фигур и скамеек с балдахинами.

В трепетном молчании испытываемые добрались до трапезной. Фарфоровые тарелки занимали каждый сантиметр стола, но на всех — нехитрые однообразные закуски, какими угощают в придорожных харчевнях: домашние сыры, вяленая рыба, маринованные свиные уши и красиво нарезанный лук. Пиво в кувшинах почти не пахло — вероятно, из-за добавления воды. Зал был пуст. Гости уселись с краю, подальше от громоздкого лакированного трона, спинку которого украшал солнечный диск из чистого золота.

— Можно мне хоть ломоть сыра? Жрать хочу до одурения! — жалостливо попросил Конур.

— Нет! И чтоб больше ни звука от тебя!

Ждать пришлось долго. Не ранее, чем через полчаса вошли охранники — десять человек — и выстроились по периметру. Зал переполняла липкая неловкость. Все взоры встречались в одной точке — на малахитовом циферблате часов. Аваро в третий раз сбился со счёта наматываемых стрелкой кругов, когда ОН наконец предстал перед гостями. Все резко встали, стражи выпрямились и прижали затылки к стенам, словно те собирались рухнуть.

— Что вы, садитесь. Простите за это, — он указал на караульных, — и не сочтите за недоверие: я человек прямой и открытый, привык всё решать лицом к лицу, но полюбуйте теперь на это лицо! После череды гнусных предательств, угрожавших моей персоне, Генеральный совет принял ряд мер безопасности. Мне объявили, что тело Верховного — государственная собственность, засим отвергли все мои возражения и капризы.

Лицо Генералиссимуса действительно пугало: шрам от рубящего удара через всю левую щёку — настолько глубокий, что между краями рассечения влез бы мизинец; на подбородке отсутствовал целый шмат кожи вместе с мясом, весь лоб покрывали крупные рытвины. Недоставало плоти и на шее, и на ушах, и на выглядывавших из-под расшитой льняной рубашки предплечьях. Контраст с обликом выдавшего вида вояки составляли шелковистые тёмные волосы до плеч без единой седой нитки. Прозрачные глаза скользили из стороны в сторону, нигде надолго не задерживаясь.

Квиета кивнула подопечным, и гости принялись за еду, стараясь не слишком громко чавкать и стучать вилками. Верховный пище предпочёл беседу.

— Слышал, охота прошла изумительно. Вот она, необузданная сила юности! Мои победы уже не столь значительны.

— Быть не может! Вы, верно, прибедняетесь, — возразила Квиета.

— Изменники казнены, с кем же теперь мне бороться? Ну, разве что... с муравьями! Представьте только, у МЕНЯ завелись муравьи! Прямо в этой чудесной трапезной. Сановники на застольях умеют насорить — прекрасные люди, но к чистоплотности большинство, увы, не приучено. В том нет их вины: они родом из тех кругов, где о таких вещах не заботятся. Что поделаться!

Перед тем как продолжить, он наклонил свой кубок, намочив плотно сомкнутые губы, но даже глотка не сделал — кадык остался неподвижным.

— Я, пожалуй, даже люблю муравьёв, говорят, они трудяги редкие и совершенно безобидные существа. Но только пока они на своём месте — в лесу, таскают щепки и строят башенки в своём крохотном мирке. Когда же они суются в МОЙ дом, во мне пробуждается к ним жуткое отвращение, желание тут же раздавить всех! Что я и делаю, если уборщики не справляются с обязанностями. Ни один человек в здравом уме не осудит меня, потому что поступит так же, когда нашествие затронет его дом.

Знаю, что просто давя их пальцем по одному, проблему не решить. Где-то под полом уже отложены сотни яиц и за убитыми придут новые, столь же упорные и гнусные, если только я не переверну весь дом и не посыплю каждый угол ядом. Разве стоят они того, чтобы я терпел подобные неудобства?!

— Конечно, нет.

— Но до чего глупые насекомые! Ни малейшего понятия о будущем. Я уничтожаю девять десятых их популяции, но они продолжают лезть и гибнуть, соблазнённые

возможностью пару дней вкушать крошки с моего стола. Они не сознают разницы между муравьями и ЛЮДЬМИ, не ведают, что выбирают себе неравных противников. Посылают разведчиков, создают "тайные" тропы, а ведь все их манёвры явственно видны с высоты человеческого роста. Почему бы им не найти другого места, где не придётся умирать? Я знаю, почему. Они хотят пожинать плоды моего труда, а сами ни на что не гожи — эти никогда ничего не строили и не будут. Единственная тактика войны для них — продолжать безудержно плодиться. В моём же арсенале уйма хитрых приёмов: я ведь человек. Вот и скажите, господа, заметили вы здесь хоть одного муравья?

— Ну что вы, предводитель! Ни единого! — поспешила ответить за всех Квиета.

— Надеюсь, глаза ваши остры.

— Не сочтите за дерзость, Верховный, могу ли я узнать, как вы одержали верх? Это послужит для нас примером.

— От таких славных молодых людей секретов не держу. Я устроил ловушки с лакомой приманкой. Настолько приторной, что букашки напрочь забыли заботу о личинках, а только дрались между собой за каждый кусок. Тут я их и подкараулил. Пары конфет хватило, чтоб уничтожить всех.

— Ловко придумано — преклоняюсь перед вашей изобретательностью.

Аваро переглянулся с Ло, но не заметил в ней и тени беспокойства. Конур и Тенэм плотно припали к закускам, но слышалась возня кухарок, и все тотчас бросили приборы, приберегая место для главного блюда. Служанки унесли полупустые тарелки и взгромоздили на стол закрытые серебряные подносы. На лицах пирующих проглядывали скомканные улыбки предвкушения. Верховный сделал знак охраннику и тот, наклонившись, что-то зашептал на ухо Квиете.

— Благодарю за радушный приём, Верховный. Нам уже пора.

— Ну что ж, не смею задерживать. Вперёд к свершениям, дети мои!

— Но мы почти ничего не съели! — обиженно зашептал Конур.

— Пошли! — одними губами (и немного бровями) скомандовала вожатая.

Остальные члены группы недоумевали не меньше. Дривит едва не расплакался, глядя на подносы с, должно быть, сказочными яствами, источавшими густой мясной аромат даже через крышку. В дверях ребята учтиво склоняли головы в знак прощания, а Верховный безучастно блуждал взглядом по стенам и потолку, словно зал уже был пуст.

Снаружи дышалось необычайно легко после спёртого воздуха особняка.

— Квиета, ну почему мы ушли так скоро? — прицепились к ней девчонки.

— Посидели за роскошным столом, надо и честь знать. Вы будто на бал-маскарад рассчитывали.

— А что сказал охранник?

— Всё-то вам расскажи.

Они почти дошли до забора, когда обнаружили, что Конур куда-то запропастился.

— Да чтоб его олени совокупляли!

Стоило Квиете развернуться, как пропавший вынырнул из-за живой изгороди.

— Я всё слышал! И смертельно обижен! Подумаешь, заплутал немного в этих лабиринтах.

— Вы меня с ума сведёте! Ночуете сегодня одни: старую проводницу пожалели и выделили комнату в гостевом домике. Стоянка строго за двести метров от забора, чтоб не нервировать ЛОВцов. Я тут рядом — чуть что замыслите, бошки снесу. Можете доесть

провизию, завтра с утра грузимся на повозки до лагеря.

— А сразу так нельзя было?

— Цыц! В чём же тогда испытание?!

Молодежь покинула резиденцию и терпеливо подождала, пока Квиета скроется за воротами, прежде чем дать волю чувствам.

— Что это вообще было?! — возмутилась Зуми.

— Испытания проводят не ради нас, а над нами, — уверенно заявил Ревул.

— Как это?

— Испытывают, например, как долго человек может терпеть лишения, — подкинул вариант Дривит.

— А вы видели его лицо? Так страшно. Неужели с дикарями и бандитами бился?

— Там от сражений разве что шрам на щеке. Остальные подозрительно свежие, — заметил Тенэм.

— Вот-вот. Что-то я не слышал ни про нападения, ни про заговоры. Тем более с пытками. Уж не следы ли это чрезмерно страстной, порочной любви?

— Ты всё об одном, Конур! Уже воротит!

— Да я не пойму, с чего бы дикарям понадобилась шкура Генералиссимуса? В качестве сувенира?

— Мой наставник проговорился, что в верхушке есть люди, верящие в поглощение души вкусивших человеческую плоть, — позволил себе вмешаться Аваро. — Может, Верховный — один из них.

— Коллекционирует чужие души?! — опешила Зуми.

— Нет. Надеется подменить их своей, когда загнётся.

— Так и представил себе, как он ходит по площадям и пристаёт к прохожим: "Ну откуси кусочек, очень вкусно, от всей души".

— А что если он и нам среди свиных ушей своё подкинул?

— Тогда уж проще посыпать закуску приправой из перхоти.

Все засмеялись, хотя и нервически.

— Можете не переживать, — успокоил Аваро. — По преданиям только родитель способен занять тело ребёнка.

— Что ж ему, своих детей не хватает?

— Они у него вообще есть? А, Зуми? Ты же у нас все слухи собираешь. Что скажешь на это?

— О таком где попало не трубят. Если б даже знала — не сказала бы. Это уже перебор — государственная тайна всё-таки.

— Все мы дети Верховного, — подытожил Ревул. — Фигурально.

Повисло тягостное молчание. Первым не выдержал Конур.

— Как насчёт ма-а-аленькой, но очень сладкой мести, о которой никто никогда не узнает?!

— Что ты предлагаешь?

— Смотрю я на этот канал — уж слишком он отличается от всего, что выше по течению. Это ведь илистый, мутный, заросший ручей, но кто-то очень хочет, чтоб вода возле его имени славилась чистотой и прозрачностью. Наверняка тратит много денег и прислужьего времени, чтоб так оно и было. А меня от этой мысли только сильнее тянет добавить сюда немного грязи, солдатского пота и мочи. Как удачно, что ручей течёт в

сторону резиденции. Пора смыть с себя дворцовую пыль.

— И сидеть в мокрой одежде всю ночь?

— Так давайте без неё.

— Конур, мы слишком хорошо осведомлены о твоей озабоченности, — скорчилась одна из девушек.

— Да кто там будет смотреть на тебя, замухрышка. Уже почти сумерки. Это не какая-то блажь, а символический жест протеста! Наш художник подтвердит. Так ведь, Ревул?

— Ну... — Конур незаметно для собеседницы ткнул его под лопатку. — С позиции искусства довольно выразительно.

— Не знаю насчёт протеста, но помыться я мечтаю ещё со времён облавы, — вмешался Тенэм, — так что я за.

Они втроём разделись: кто со стеснением, а кто, красуясь развитой мускулатурой; и по очереди прыгнули в воду, окропив вылупившихся брызгами. Вода в речушке еле доставала до плеч. Конур продолжил гнуть свою линию, показательно нежась в явно прохладных водах.

— Вот видите, девчата, мы, мужики, всегда друг друга поддерживаем, а потому всегда и во всём лучше. А бабская дружба — это пшик. Идейности в вас ни на грош.

— С чего ты это взял? — опрометчиво вступила в спор Зуми.

— С того, что вы трусихи. Истинная дружба доступна только храбрым и самоотверженным. Хотите, могу доказать, что вы друг для друга ничегошеньки не значите?

— Рискни.

— Сейчас я брошу своим братьям вызов — ради меня преодолеть страх, неудобства и стыд. То же предлагаю сделать и тебе. Моё авторское испытание. Вот и посмотрим, сколько в итоге здесь будет парней и сколько девушек.

— Так нечестно, вас вдвое больше!

— А мы по пропорции высчитаем. Эй, Премад, долой портки! Присоединишься, и больше слова дразнительного от меня не услышишь!

Премад поначалу замаялся, но азартный взгляд Конура его убедил. Ссутулив куцые плечики и прикрываясь руками, он сел на мраморную плиту, свесил туловище вперёд и оглушительно плюхнулся в воду. С Дривитом обошлось без долгих уговоров — хватило и многозначительного подмигивания, хотя холод он переносил тяжело. Через пару минут в реке плескалось уже семеро. Аваро решил в игре не участвовать и с улыбкой наблюдал с берега.

— Вот видишь, Зуми, даже ты не прыгнула, — давил Конур. — А что это значит? Что ты и сама не веришь в своих подруг.

Закатив глаза, Зуми начала стягивать одежду. Дривит присвистнул, но Конур тут же его заткнул.

— Тише-тише, не спугни пташку.

Девушка прикрывалась рубахой и отбросила её только перед самым прыжком.

— Теперь я признаю, что ты сильная женщина, но всё равно по правилам ты проиграла: чтобы сравняться, вас должно быть... три с половиной. Из жалости округлю в меньшую сторону.

— погоди! — внезапно перебила Ло, — Вызов принят: я подругу не брошу.

Она резко сорвала с себя кофту, чуть медленнее — брюки и бельё, сверкнула полосками белоснежной кожи и взяла разбег, чтобы эффектно скрыться в тёмных вечерних водах. Аваро и не думал отводить глаза.

— Достойно, но нужна ещё одна, — напомнил зачинщик.

Третья девчонка нехотя заёрзала на месте.

— Как бы не так. Ещё две, — оживился Аваро. Он и подумать не мог, что раздеться будет так легко. Река охладила пылающую голову, но сердце колотилось всё неистовей. Быстрее, чем при любой облаве, быстрее, чем при побеге от толпы.

Победителей определить не удалось: к ночи в канале поплескались и помочились все пятнадцать. Сошлись на том, что испытание завершено успешно. После заката все отогревались у костра, зубы Премада громко стучали.

— Не унывай, дружбан, я помогу тебе согреться. И себе. И вообще всем, кто пожелает, — Конур достал из рюкзака две бутылки с чем-то прозрачным.

— Откуда?! Ты что, стащил у Верховного?!

— Нет, вежливо попросил у кухарки. Для Квиеты. Видимо, о ней уже наслышаны.

— Ну ты даёшь!

— Налетайте, чего уж там, но запомните мой подвиг.

— Фу, но оно так воняет...

— Сейчас водичкой разбавим, выдавим туда ягод с правительственных кустов и будет лучше любого вина, — нахваливал Дривит.

От заманчивого предложения отказались только Тенэм и Ревул, не выносившие пьянства как такового. После пары кружек Конур-таки свистнул у последнего блокнот.

— О-о-о, все знакомые лица. Какой же я тут уродливый.

— Зато смешной.

— В качестве извинений ты должен пририсовать этим головам туловища. Голые туловища. Материала у тебя теперь хоть отбавляй.

— Э-э-эй! Ты совсем оскотинился?! — заорала Зуми. — Ревул, не смей!

— Я пишу только с натуры, — отрекся художник.

— Ничего страшного, я помогу с набросками. У меня очень хорошая память на детали, — сквозь очевидную сальность в голосе Конура пробивались нотки пакостливости. Девушку аж перекосило от такого хамства.

Одна из бутылок уже опустела. Кто-то напевал под нос старую песенку, подтянулись и другие голоса — звонкие и крепкие, насмешливые и одухотворённые. Дривит отбивал рваный ритм шлепками по бедру. На втором круге песня зазвучала громче и нахальнее.

Хандра паршивая схватила за шкуру?

Зашей в извилистом кармане дырку!

Я знаю точно, чем расплавить жилы,

Рычаг развязности толкни вполсилы.

Проныра-стражник снова загулял —

На то и ночь, чтобы спалить соседский сеновал.

Уже в котомку собраны вещички,

Прощанье скрасит только звучный чирк от спички.

Решает судьбы

Незримый шулера кивок.

Мальцам грозятся сутью,

Матёрым — вязью из кишок.

Обтянут алым шёлком ладный старенький обоз,

Мы будем первыми на тракте без тоски и слёз.

И не фальшивь мне про наследие на полпути —
Грошовый рай сквозит, от сглаза шторку опусти.

Решает судьбы

Незримый шулера кивок.

Мальцам грозятся сутью,

Матёрым — вязью из кишок.

Нарыв под сердцем

Пусть нечистотами истёк —

Не дай себе до смерти

Одеть на голову мешок.

Аваро не подпевал, а только всё сильнее налегал на выпивку.

Он не помнил, как очутился в лесу. Вокруг был мрак, много дерева и листья, шуршащие под ногами. Ещё рядом была Ло — ближе, чем он когда-либо представлял. Аваро с трудом различал, где заканчивались её губы и начинались его. Кажется, её — двигались энергичнее и напористей. Кажется, его руки сжимали нежное слишком грубо. Кажется, она не оставалась в долгу. Хмельное забытьё прервал хруст веток.

— Слышишь? Кто-то идёт.

— И что? Уверен, мы не одни такие, — он продолжал увлечённо водить пальцами под одеждой Ло.

— Хочешь, чтоб нас увидели?

— Мне всё равно.

— Мы же для них брат с сестрой!

— Фек! Забыл. Надо уйти подальше в лес.

Он потянул Ло за руку, но та словно заледенела.

— Ребята! Ау! — крикнул парень, шебуршавший в кустах. — Есть тут кто?

— Чего тебе, Премад?

— Наш галдёж разбудил охрану, а они Квиету. Ух, какая злая прибежала! Ещё и спирт учуяла. Загоняет всех на перекличку.

— Уже идём, — поспешила заверить Ло.

Аваро дождался, когда стихнут шаги, и в последний раз впился в распухшие с непривычки губы. Его приняли вяло, небрежно, раскаянно. Ло безнадежно трезвела.

Две недели в судьбе Аваро не было перемен. Жизнь в лагере под неусыпным надзором складывалась из тошнотворно однообразных эпизодов: поглощения еды, охоты, боевой подготовки, ручного труда, истощающих разговоров ни о чём, благословенного сна. Ло делала вид, будто между ними ничего не было, и по-прежнему увивалась за Ширмом, стоило его широким плечам показаться на горизонте. Аваро уже почти поверил, что так продлится вечно.

Круг разомкнул Торди. Парень даже обрадовался визиту: слишком долго не было новостей. Поговорить им удалось только к вечеру. К лицу генерала прилипла таинственная недоулыбка.

— Ты, вероятно, заметил, что большинство новобранцев проводят в лагере полтора года, прежде чем мы поручаем им сколько-нибудь серьёзные дела, а ты тут едва ли половину отведённого на воспитание бойца времени — если б я самовольно определил тебя на ответственную должность, меня бы многие осудили.

— Ещё один пустой и бессмысленный год. Я ожидал другого, вступая в отряд.

— Напрасно — это ведь галт-отряд. Терпение, Аваро, оно пригодится. Да, ты здесь недолго. Но тебе уже сколько? Двадцать? Хотя возраст не имеет значения: то, что ты пережил в Фосе, сделало тебя мужчиной, вылепило личность — мне ли не знать. Твои таланты уникальны. Хорошо, что ты смог показать их во всей красе, — в отчёте Квиеты тебе нет равных. Считаю, мы совершаем ошибку, заставляя тебя расслаиваться здесь, пока в окрестностях Сервона случаются беспорядки. И с моим мнением согласились более могущественные силы.

— Чем же я могу помочь?

— Мы удивились, когда узнали, что ты не просто гончая, а самая настоящая ищейка — умная, цепкая, внимательная. Вместе эти качества встречаются нечасто, потому тебя готовы зачислить в малочисленный, но весьма привилегированный отряд. Ты станешь охотником за головами.

— Ищейка... — хмыкнул Аваро. — Мне не по нутру ловить людей. Даже если речь о преступниках.

— Тебе не надо будет ловить — только выслеживать и, когда потребуется, загонять в сети. На родине тебя ведь этому учили? Сам поразмысли: где ещё найдёшь такую свободу? Непрерывную борьбу. Жизнь суетно-деятельную, но напрочь лишённую скуки.

— Свободу? Я буду работать один?

— С напарником — опытным, надёжным, закалённым во всяческих передрыгах, но не смеющим, да и не желающим тобой командовать. Полное равенство и взаимопомощь. Но я бы посоветовал к нему прислушиваться. Итак, твой ответ?

— У меня есть выбор?

— Конечно! Можешь остаться в галт-отряде до полной умственной зрелости.

— Ни за что.

— Вот и решили. Поживёшь в лагере, пока не освободится комната в городе, но появляться здесь ты будешь редко. Готовься к постоянным разъездам. Завтра к тебе наведается напарник.

Следующим утром новоиспечённого охотника за головами ждал сюрприз. Торди умолчал о главном — о том, что Аваро с напарником уже знаком. На перилах лесенки в отличительной вызывающе вальяжной манере восседал Фирб.

Первое задание звучало просто: выследить вора казённого имущества, скрывшегося на западе. По сути же своей простым оно не было, поскольку запад — понятие довольно обширное; обстоятельства кражи и приметы преступника только предстояло выяснить, а с момента, когда его видели в последний раз, прошло уже три дня.

Фирб, однако, не выглядел обеспокоенным. Пока они седлали лошадей, обронил, что в случае провала привезёт генералам первого попавшегося жулика, любого человека "не на своём месте": проверять показания очевидцев всё равно никто не станет.

— А что украли хоть? Или нам не положено это знать?

— Сказал же — государственную собственность, ты глухой или туповатый?!

— Насколько ценную собственность?

— Какая нахрен разница! Важно то, что какая-то шавка решила, будто сможет обдурить Верховного. И нас.

Дорога, тянувшаяся на запад, привела их в маленькое поселение с тремя десятками жителей. На его окраине возвышалось неожиданно громоздкое двухэтажное строение с плохо оштукатуренными стенами, решётками на окнах, высоким забором и пропускным пунктом.

— Это тюрьма? — спросил Аваро.

Фирб запрокинул голову, скривил челюсть и с силой отправил сгусток слюны в небо.

— Можно и так сказать. Родина моя.

Дежурный не на шутку переполошился, увидев ожесточённую гримасу наёмника, и пропустил их внутрь без всяких вопросов. В вестибюле не было ничего, кроме шпукатурки и трёх перекошенных разногартурных стульев, зачем-то покрашенных бордовой краской. У одного вместо сидения зияла дыра. Фирб наказал Аваро ждать здесь, а сам скрылся в кабинете руководства.

Вестибюль от камер отделял коридор с решётчатой дверью, сквозь которую виднелась другая. Не составило труда разглядеть и то, что происходило за ней. Внутри гигантской камеры, заставленной рядами двухэтажных коек, Аваро насчитал не меньше двух десятков заключённых, и все из них — дети: и мальчики, и девочки, и трёхлетние, и ровесники Ло. На узниках были одинаковые холщовые балахоны — с малышкой они спадали и волочились по полу, у ребят покрупнее еле прикрывали колени, рукава трещали по швам. Кроме кроватей виднелись нескольких тумбочек, пара умывальников и нечто, огороженное штормками — предположительно, отхожее место. Из игрушек Аваро рассмотрел только кукол из соломы и грязной материи да камушки, которыми заключенные периодически кидались друг в друга.

В ожидании он обошёл зал по кругу и заметил над главным входом вырезанные из бумаги, раскрашенные как попало и не менее халтурно приклеенные буквы. Они сложились (хотя и не с первого прочтения) в название темницы: попечительский приют "Благонравие".

Фирб вернулся довольно скоро.

— Погнали отсюда. Дали листок с описанием его рожи. Читать умеешь?

— Конечно.

— Ну, раз такой учёный — вперёд, выслеживай. Вот ориентировка. Как найдёшь кого похожего, заедешь за мной в трактир.

— Тогда там и оставайся. Один справлюсь. Не хватало ещё упустить его, пока буду

мотаться туда-сюда.

— Ишь ты! Я бы обрадовался такой заявке, кабы верил, что ты не сдохнешь за первым поворотом. Ладно, денёк придётся с тобой понынчиться.

— А что за дети там были? Их родители мертвы?

— Живее всех живых. Это отродье дикарей, самых отбитых людоедов.

— Зачем их держат в клетке? Солдаты Сервона боятся детского аппетита?

— Клетка нужна не от дармоедов, а ради них — чтоб защитить от притязаний предков и идиотских обычаев. Помешанные папашки готовы ворваться в любой момент и запихнуть отпрыскам своё мясо прямо в глотку. Полные отморозки. По крайней мере, говорят, что такие случаи бывали.

— Так наш преступник похитил собственного ребёнка?! — оживился Аваро.

— Хах, забавная у тебя трактовка государственной собственности. Нет, этот утырок ограбил караван с провизией для приюта. А его снаряжал не какой-то вшивый чинуша, а лично Верховный.

— Один преступник ограбил целый караван? Как это возможно?

— Обычное дело. Понаберут в солдаты безмозглых молокососов, а мне за ними дерьмо убирать. Зуб даю, что они проспали всё ограбление.

— Откуда тогда известно, как он выглядел?

— Местные видели подозрительного типа с котомками.

— Вдруг это не он? Преступник мог сбежать куда угодно, и мы никогда его не найдем, если не узнаем, кто он такой и откуда взялся.

— Ну так сходи к гадалке. Затрахал уже вопросами. Тебя сюда охотником взяли, а не биографом.

Весь день они провели за объездом окрестных сёл и опросом жителей. Наиболее содержательный диалог звучал примерно так:

— Чужаки в деревне появлялись?

— Без них не обходится.

— В последние три дня?

— Ага. Двое.

— Как выглядели?

— Как здоровый лопухий детина с мордой каторжника и бродячий менестрель на побирушках с девчачьей брошкой.

Фирбу ответ мужика пришёлся по вкусу и он решил заночевать в его доме. Аваро, естественно, никто не спрашивал. Хозяин тоже напрягся, но возразить не посмел и кинулся соображать поесть. Первым делом на столе нарисовалась бутылка, час спустя к ней присоединилось некое варево из картошки и моркови.

— Ты что, мяса пожалел, жлобьяра?! — огрызнулся Фирб, — Я за что тебе полтинник вручил?

— Откуда ж ему взяться? А было бы — меня бы тотчас схватили и повинили в людоедстве! Сиди потом доказывай, что это баранина.

— Мудро размышляешь, а всё-таки метнись к соседям и выпроси кусок. Притащишь человечину — наведемся уже к ним.

Хозяин поджал губы и удалился, а Фирб налил себе полстакана зловонной жидкости.

— Не боишься, что он тебя отравит?

— Уж я надеюсь. В трактирах яд с водой бодяжат — давненько я надёжно и

качественно не травился.

Аваро посмеялся, но свой стакан отставил подальше. Добро не пропало даром — хозяин, вернувшись с копчёной свининой, помог наёмнику уговорить бутылку. Вскоре последовала и вторая. Пирующие принялись играть в кости, а парень осматривал домишко в поисках приличного ложа. Одна из кроватей была почти до потолка завалена скомканными вещами: одеждой, постельным бельём, тряпками. Сверху гору от угла до угла покрывала серым коконом густая пыльная паутина. Свободная лежанка обнаружилась в другой комнате — вполне просторная и удобная, но от вида засаленных простыней и омерзительно пятнистого матраса Аваро захотелось переночевать в хлеву или во дворе. Он вернулся к столу. Хозяин жаловался Фирбу на соседей, а тот слушал с профессиональным интересом. Аваро представил, как внутри головы охотника прямо сейчас заполняется воображаемый бланк для доносов.

— Я говорил ему, чтоб даже не пытался. Лучше моего самогону в природе не бывает! Да разве объяснишь что-то упёртому барану? Варит и варит своё паршивое пойло день и ночь! Люди-то знают, что с моим продуктом оно и рядом не стояло, но где мне угнаться за этим пронырой, коли я за каждой партией слежу, ухаживаю, как за дитём. Пьянчуги ждать не хотят, им лишь бы залиться поскорее, вот он и переманивает их. Деньжата мои к нему теперь утекают.

— Так уж и твои?

— А чьи же, бес его дери! Я годами выпивох снабжал, чтобы они пристрастие своё не забрасывали. Эта шваль на всё готовенькое приползла! Но ничего, судьба за меня покарала выскочку — давече у него за одну ночь все волосы повыпадали от зелья своего. Прикинулся больным, да только нет таких болезней. Жаль, что совсем не загнулся.

Фирб непроизвольно ощупал голову.

— У вас точно рецепты разные?! Если завтра проснусь лысым, в ближайшие лет двадцать никто уже твоей чудной самогонки не отведаст. Это я тебе обещаю.

— Обижает, солдат! Обозлился на меня за проигрыш? Дык хочешь, поддаваться начну, только работу мою зазря не хули — чуешь ведь, что нектар чистейший.

— Какого цвета были волосы у вашего соседа? — вмешался в разговор Аваро.

— Черней угля. Патлатые. Лицо ещё такое костлявое. Демон, как ни посмотри!

Фирб продолжал безучастно разглядывать содержимое стакана.

— Вы наверняка хорошо изучили конкурента... Может, он был когда-то замечен в краже?

— Я бы не удивился. Но такого не слыхал, наговаривать не стану.

— И никуда не отлучался по ночам в последнее время?

— Да кто ж за ним уследит? Это тебе только пьяницы скажут, они у его ворот частенько околачиваются, хотя, сдаётся мне, не вспомнят они ни хрена.

— Что ты удумал? — пробасил Фирб неодобрительно.

— Мы должны проверить. Подходит под описание, зачем-то обрился наголо. Слишком подозрительно.

— Я тут немного занят.

— У нас что, работа по графику? Мы спиваться сюда приехали?!

— Вчера ещё лошадь седлать не умел, а сегодня порядки блюсти взялся. Всё никак расслабиться не может. А почему, спрашивается? Потому что девок не пёхает.

— Да кто ж ему даст-то, коли он такой злой да дёрганый? Проклятый круг

получается, — с видом знатока рассудил хозяин.

— Приятного вечера, мне пора.

— Стоять!

— Пошёл ты. Ещё наёмник мною не командовал.

— Дай хоть умоюсь, плащ накину.

Через пять минут они уже стояли у одной из самых бедных лачуг деревни. На стук в дверь никтоне отзывался.

— Похоже, спит лысый. Я бы и сам с удовольствием — еле ноги волочу.

— Притворяется. Кто захочет посреди ночи открывать чужакам?

— Проверим.

Фирб толкнул дверь — она была не заперта. Их встретила темнота без единого звука. Аваро долго ощупывал стол, прежде чем смог найти и зажечь масляную лампу. Дом состоял всего из одной комнаты — прятаться негде. Часть пожитков хаотично валялась на полу, несколько подгнивших разваренных слив крепко впечатались в щели меж досок пола после столкновения с чьим-то грубым башмаком.

— Собирался впопыхах. Откуда-то прознал о нашем приезде.

— Это ж деревня. Слухи разносятся моментально, а факты молниеносно.

— Где теперь его искать?

— Далеко не уйдет. Следов копыт нет. Поищем с утра.

— Ну уж нет. Надо сейчас. Я осмотрюсь.

В слабом свете луны Аваро обходил двор, пока у покосившегося забора не споткнулся о чьи-то фривольно раскинутые ноги. Послышалось недовольное мычание.

— Ача! Что вы тут делаете?

— Жду.

— Монтри?

— Того, что он мне даст.

— Всю ночь собираетесь караулить?

— Да пора бы ему вернуться, ушёл-то давненько. О нас не заботится, совсем немилосердный стал.

— Давно... А вы видели куда?

— За поля куда-то. Выдумал чужакам толкать, когда под боком глотки пересохшие. Видать, хорошо платят. Но кто?! Там и сёл никаких на много километров. Не иначе как бесам наливает.

— Фирб, ты слышал?

— Тебе же сказали: он ушёл ДАВНО. Где ты его в темноте искать собрался?

— На то и рассчитывает, что до утра не хватятся. Может, заночевал в полях прямо у нас под носом.

— Чёрт с тобой, бери лошадь и езжай, хоть мозги проветришь. Я не в той кондиции.

Аваро мчал и мчал вперёд, подгоняя коня шлепками по бокам. Между перекопанными полями проходили лишь узкие тропы, малопригодные для верховой езды. Новоиспечённый охотник противостоял соблазну куда-нибудь свернуть, боролся с тягой проверить радиус. Пришлось бы расплыться, а это кац знает куда заведёт. Его долг — выбрать единственный вектор и разведать до конца, чтоб убедиться в правильности или отместить с полной уверенностью. Не мучиться по ночам предположениями: "А вдруг цель пряталась за следующим кустом, перед которым я свернул?". Выбор пал на левую диагональ.

В полях оказалось светлее, чем на краю деревни. Луна плыла за всадником, норовила заглянуть под капюшон плаща, запомнить лицо. Благодаря преследованию светила он ясно видел, как рыскают по земле юркие мыши и ежи, как скачет оголодавшая саранча. Сладив наконец с лошадьё, парень ускорился, и всё, что проносилось ниже горизонта, слилось в сплошной бессодержательный поток.

Остановил Аваро еле уловимый запах дыма. Зарева от костра не наблюдалось — он искал глазами малейшее рассеивание ночной синевы, но не было ничего, кроме уютного аромата жжёной древесины. Охотник спрыгнул с лошади и медленно повёл её под уздцы. Поступь копыт по рыхлой земле стала почти бесшумной. Нос, оказавшись не самым точным прибором, заставил долго побродить от поля к полю, прежде чем привёл к источнику запаха.

Вдалеке на голой земле сидели четверо. Они явно остерегались гостей: маленький костерок устроили в глубокой яме, отчего он меньше дымил и слабо освещал лишь пару метров вокруг. Отступать было поздно — Аваро сразу заметили. Он плотнее закутался в плащ и подошёл ближе, натянув маску наивной доброжелательности. Двое мужчин и женщина ощутимо напряглись, их ноги приняли положение готовности резко вскочить, рука одного скользнула за пояс. Четвёртый был совершенно спокоен и без страха глядел парню прямо в глаза. Он сидел, скрестив и поджав ноги, — в позе дикарей, участвующих в ритуальном поглощении. Аваро интуитивно признал в самом хладнокровном главаря и решил заговорить именно с ним.

— Бонан весперон! Мчал на север да заблудился, пúстите погреться ненадолго?

— Нехило тебя занесло. Отчего приличной дорогой не поехал?

— Ужасно спешу — дядька при смерти, хочу сообщить его детям, пока не поздно. Думал, через поля быстрее, а оно вон как вышло.

Мужчина почесал совершенно седую голову и жестом указал присаживаться рядом, игнорируя полные недовольства взгляды приятелей. Пламя костра озаряло алым лица бродяг. По правую руку от главаря сидел крепкий мужчина с почти идентичными чертами, но светлой, ещё не тронутой сединой шевелюрой, — вероятно, его младший брат. Слева, обняв колени руками, увешанными кольцами и тяжёлыми браслетами, ёжилась девушка с большими испуганными глазами. Несмотря на изрядную полноту, она показалась Аваро ещё совсем юной, не старше шестнадцати лет. Он принял её за дочь старика, но скоро усомнился в своей догадке — слишком хищно тот наглаживал пухлый загривок. Вид последнего из компании внушил охотнику надежду: несуразная шапка была натянута ниже бровей, на половину лица легли тени от языков пламени, подчёркивая остроту носа и скул. Свинцовое молчание прервал главарь.

— Милая, почему ты не принесла дров? — начал он вкрадчиво. — Я ведь просил.

— Не злись, любимый, я просто не нашла — тут почти нет деревьев. Если хочешь, поищу ещё.

— Теперь уж сиди. Согревайся впрок, потому что через двадцать минут костру конец, и всю оставшуюся ночь твои пальчики обречены коченеть. Это научит тебя думать наперёд.

— Рассвет через два часа, — пробубнил себе под нос человек в шапке.

— Зря ты напомнил. Тсс! Слышишь окрик вдалеке?

— Нет, — последовал настороженный шёпот.

— Я тоже не слышу! — воскликнула толстушка.

— Молчи, не с тобой разговаривают, — старик сильнее сжал её шею, грязные ногти глубоко впились в кожу. Девушка сдержала вопль и виновато сторбила спину. — Это дорога

зовёт его к себе. Вопит, что он уже порядком засиделся. Невежливо заставляя её ждать.

В обращении к приятелям главарь старательно избегал имён. Аваро воспринял его выпад как косвенный укор и в свою сторону.

— Я вам не мешаю? Не хочу доставлять неудобств.

— Ты только присел. Я скажу, когда настанет твоё время уходить, — бросил главарь, не отводя взгляда от лошади.

— Могу подвезти вашего друга. Куда угодно, только бы показал дорогу до ближайшего посёлка на севере.

— Ты же спешил, — попытался подловить его братец главаря.

— Лучше найму там гонца — быстрее будет. Путешественник из меня никудышный.

— Стало быть, деньжата водятся.

— Совсем немного. Придётся что-нибудь продать или заложить — уже ничего не жаль, лишь бы дядя не помер в одиночестве, покинутый и забытый.

— Какой заботливый племянничек! Эй, шмонька, родишь мне таких же?

— Не называй её так, — вступился главарь без энтузиазма. — Каждый мой компаньон заслуживает уважения.

— Когда женой станет, тогда и зауважаю. Хочешь сказать, я и с этим, — он ткнул пальцем в остроносого бродягу, — должен церемониться?!

— В жёнах и детях не нуждаюсь. Как и в СОВЕРШЕННО СЛУЧАЙНЫХ спутниках. И кстати, пора уходить. Вместе. Как удачно для них всё сложилось!

Человек в шапке неуверенно поднялся и жалостливо глянул на жоака, но тот был непреклонен. Аваро предложил новоявленному попутчику место спереди, желая всю дорогу видеть его руки.

— Нет, данкон, мне позади сподручнее.

Охотник за головами тщательно придерживал подолы плаща, взгромождаясь на коня, хотя темнота была ещё слишком густой для того, чтобы кто-то мог разглядеть форменный покррой его брюк. Он протянул остролицему ладонь, но тот ловко управился и без неё. Братья кивнули им вслед и уставились на дотлевающие угли, словно проваливаясь в забытьё, хотя Аваро дал бы голову на отсечение, что стоит лошади скрыться за горизонтом, они подскочат как ужаленные и унесут ноги подальше от этого места.

Подсказки попутчика вернули всадника назад на узкую тропу. Он двинулся на север, но не слишком быстро — надо было подумать, что делать дальше.

"Проследить за ним в посёлке и послать записку Фирбу? Но у меня и правда ни гроша для посыльных. Втереться в доверие и связать его во сне? Слишком много мороки, да и он начеку".

Аваро не нашёл ничего действенной, чем попросту развернуть лошадь в обратном направлении.

— Какой же я растяпа! Забыл дома листок с адресом. Сам бы, может, и доплутал по старой памяти, но гонцы без ориентиров не возьмутся.

— Тогда ссади — мне туда не надо.

— Я мигом! Путь назад уже знаю. Пешком всё равно в два раза дольше ковылять будешь.

— Так давай здесь подожду.

— Не хватало, чтоб и ты заблудился. А мне искать потом? Да и мало ли разбойников.

— Полчаса назад ты не больно-то их страшился.

Аваро ритмично стучал голеньями по рёбрам лошади, стараясь внушить ей ту нервную

дрожь, что обычно окутывала в решающих забегах его самого. Животное, по всей видимости, распознало импульс и неслось, будто хвост полыхал.

— Тормози, — крик сзади звучал жёстко, ультимативно. Аваро молча игнорировал. Последовал толчок в поясницу — удар вышел слабый, не хватило замаха. Пассажир метил в почку, но промахнулся и чуть не потерял равновесие. В остервенении он попытался выкинуть переднего из седла, стал колотить по голове и царапать руки, вырывая поводья. Аваро держался крепко и стойко сносил побои.

Всего пара-тройка километров отделяла их от деревни, когда атаки прекратились, а нога попугайчика странно вытянулась вперед: он что-то выуживал из кармана. Тут охотник не на шутку запаниковал и с разворота двинул пассажира локтем по челюсти. От неожиданности тот на полном ходу свалился с лошади, чудом не угодив под копыта. Аваро сумел остановиться только через сотню метров и побежал к месту падения. Подозреваемый не двигался. Его лицо уткнулось в землю, шапка сползла с затылка и обнажила пробивающуюся черную щетину.

Опустившись на колени, Аваро коснулся его артерии — пульс был сильный, частый. Он резко перевернул упавшего за плечо и натолкнулся на взгляд маниакально сверкающих в предрассветных сумерках глаз. В следующий миг шею Аваро вспорол росчерк острого металла. Исчезло всё, кроме подлинного ужаса от непоправимого рассечения уязвимой плоти. Даже боли не было. Одно помрачение скоро сменилось другим: охотником завладел неуёмный первобытный гнев. Он до звонкого хруста выкрутил кисть нападавшего, отнял складной нож и три раза вмазал кулаком по и без того сломанному носу. Этого показалось мало — он поднялся и как следует отпинал полубессознательное тело, наслаждаясь вскриками и стонами.

Рана напомнила о себе разраставшимся кровавым пятном на плаще. Аваро боялся дотронуться до краёв пореза и узнать, что вместо левой стороны шеи у него теперь дыра. В попытке успокоиться он прислушался к внутренним сигналам: голова вроде не кренилась, ничто не вопило об агонии и конвульсиях. А может, все обречённые не верят до последнего? Он спешно оторвал от плаща несколько лоскутов и обмотал вокруг шеи так плотно, что почувствовал головокружение и одышку, но ослабить не решился, потому как кровь все ещё проступала сквозь повязку. Огромных сил стоило поднять головореза на ноги, а предстояло ещё водрузить его на лошадь. От напряжения подгибались колени, рана стала сочиться обильнее. До деревни всего-ничего, можно было бы доехать без лишнего груза и отправить Фирба вдогонку, но охотник посчитал, что лучше сдохнуть, чем дать ублюдку хоть крошечный шанс улизнуть.

Деревня ещё спала, только Аваро чхать хотел на этикет — у знакомого крыльца он раз за разом громко звал Фирба. Соседи повыглядывали из окон, сам же наёмник просыпаться не спешил. Вышел хозяин дома.

— Разорался в такую-то рань! Заходи внутрь, — процедил он сквозь зубы.

— Узнаешь типа в шапке?

— Ну-ка, ну-ка... Так точно, конкурент мой. Только нос его куда-то отчалил с родных берегов.

Монтри зашевелился и приподнял голову.

— Это ты, падла, настучал?

— Ещё меня сделай виноватым! Бесстыдством своим беду накликать. Ну и поделом.

— Я видел у вас подвал. Там ему самое место.

— Ишь чё удумал?! Чтоб он мои закваски оприходовал? Наливочки фирменные? Не выпьет, так побьёт.

— Выносите всё, только живее. В доме его не удержать.

— А что за лихо с шеей?

— Проклятье, да где же Фирб?!

— Сейчас растолкаю.

Наёмник медленно вышел во двор, потёр глаза — любопытства на заспанной физиономии не отобразилось. Мотнул щетинистым подбородком в сторону побагровевшего плаща Аваро.

— Я предупреждал, что так будет. За всякую спешку платишь кровью. А то и жизнью.

Вместе они затащили Монтри в подвал, затем Фирб занялся напарником: усадил, приказал не дёргаться и аккуратно размотал повязку, стягивавшую рану.

— Ерунда. Вена задета самую малость, кровь почти свернулась, а вот мышцам повезло меньше, надо штопать. Попрощайся с девственной белизной шеи — я ни разу не портника. Эй, хозяин, есть игла?

В ходе операции Аваро несколько раз становилось дурно, мутило до слабости, но он не показывал виду. И жаждал поскорее предстать перед зеркалом, чтоб оценить масштаб уродства. Парень поспал несколько часов, перекусил и уже рвался участвовать в допросе. Фирб его энтузиазм не разделял, но в конце концов сдался.

Монтри полулежал в углу, на животе покоилась сломанная рука, которую он гладил, словно прихворавшего ребенка. Тревожная складка на лбу углублялась по мере приближения грозного наёмника.

— Мы знаем, что детей обокрал именно ты. Толпы свидетелей врать не могут. Теперь объясни, зачем ты это сделал.

Преступник облизнулся и молча сплюнул на пол красным.

— У тебя два варианта. Или ты рассказываешь всё до малейших деталей, признаёшься в краже и выходишь на свободу через какой-нибудь пяток лет, или отъезжаешь пожизненно за покушение на убийство должностного лица. Если будешь с нами честен, парнишка тебя простит. Так ведь, Аваро?

— Не меня вам нужно ловить. Я бы в жизни до такого не додумался. Мне угрожали, понятно вам? Я тоже жертва.

— Ага, все вы жертвы обстоятельств.

— Не обстоятельств, а конкретных людей. Отъявленных душегубов. Очень опасных. Он же их видел!

— Свалить вину на других не получится.

— Хорошо, пусть я украл, пусть отсижу, но и они виноваты не меньше. Меня заставили.

— Кто "они"?

— Те братки, что были со мной в полях. Меня туда заманили. Пацан подтвердит: они отбитые на всю голову.

— Имена!

— Я не знаю. Имён никогда не называли. Прошаренные гады.

— Как ты с ними познакомился?

— Никак. Они сами меня нашли.

— С чего это ты им понадобился?

— Ну, был за мной грешок, — Монтри замялся, — Откуда ж я знал, что так с этой бабой

обернётся.

— Выкладывай.

— Подсел как-то в кабаке далеко отсюда к одинокой девке, разболтал её. Пока она в порыве чувств заливала про своего батька, какой он, мол, властный садюга, стащил кольцо — у неё ж их завались, по три на каждом пальце, подумал, не убудет. Всего одно колечко да и то, как оказалось, дешёвая побрякушка. Через три дня вваливаются ко мне в дом все трое: хромой, его братец и девка.

— Кто хромой? Главарь?! — изумлённо перебил Аваро.

— Ага, еле ходит. Как они, твари, меня вычислили?! Хотя догадки есть. Надо было кабачнику рыло начистить. Ну и ставят меня перед фактом: или я сделаю, что скажут, или меня живьём в лесу закопают. Даже не били, одного взгляда хватило, чтоб я поверил. Со всяким сбродом доводилось сталкиваться — этим точно терять нечего. Без обиняков наказали украсть и принести то, что принадлежит Верховному. Что угодно, лишь бы стояла личная печать. А я где это возьму?! Меня к Верховному и на километр не подпустят. Дали на всё про всё неделю. Я пять дней ломал голову, ничего не сообразил, уже планировал в бега пуститься, а тут они снова заявили и всё мне рассказали про тот злосчастный караван. Что, где, сколько охранников, когда лучше грабить. В назначенный час я вышел на дело чисто для виду — всё мерещилось, что за мной следят из-за каждого куста. В сумерках подполз к дороге, осмотрел место стоянки, услышал неокрепшие голоса. Лёгкость меня соблазнила. Дождался, пока все улягутся, подкрался и стащил две сумки. Вчера передал их в условленном месте. И тут этот нагрнулся.

— Две сумки? А остальная провизия где?

— Я почём я знаю? Сам прикинь, как бы я всё унес, если там три телеги гружёные?! Солдатики ваши, небось, на руку не чисты — нашли повод себе прикарманить, а мне за всех отвечать! Где справедливость?!

— Времени на несколько заходов было с лихвой. В любом случае тут твоё слово против их. Как думаешь, кому поверят? Впредь об этом даже не заикайся. Так зачем твоим подельникам собственность Верховного?

— Передо мною душу не выворачивали, но по сторонней болтовне понял я, что им это весёлая проделка, плевков в высокопоставленное лицо. Взъелись за что-то на правителя.

— Для заговорщиков слишком мелкая диверсия.

— Им нужна печать, — предположил Аваро. — Осталось понять, для чего.

Ещё два дня напарники объезжали поля и ближайшие деревни, но следов бродяг так и не обнаружили, поселенцы их не видели или попросту не признавались. Скудное денежное довольствие иссякло, и уставшие от бесплодных поисков охотники переправили вора в Сервон, а загадочную тройцу по решению Торди объявили во всеземельный розыск.

Фирб появился неделю спустя и с покровительственным видом вручил Аваро слегка помятую стопку купюр.

— Откуда это?

— Сверху. Губу только не раскатывай, вообще-то служащим платить не обязаны, ты ж не наёмник, хе-хе. Это так, возмещение физического ущерба, понесённого в интересах государства.

— "Сверху" знают про ранение? Мы же обещали Монтри, что покушение останется между нами.

— Только посмотрите, какой сердобolec! Того и гляди засияет от святости. Ты мог сейчас в могиле лежать. Нападение на своих мы не прощаем. Никому. Точка. Ну, раз благородство мешает — не беда, оставлю денежки себе.

Аваро поспешно взял купюры и спрятал в карман.

— То-то же.

— Есть новости про заговорщиков?

— Ничего, слава благам. Чур без уныния — нам и краж хватит на столетие вперёд.

Аваро по-прежнему жил в лагере: очередь на комнатухи в Сервоне почти не двигалась. На фоне наивных детишек, повторявших одни и те же пустые фразы и действия, а в свободное время постигавших всё новые грани искусства бездельничества, он производил впечатление зрелого мужчины, чуть ли не старика. Телом давно перерос на голову среднего солдата галт-отряда, а теперь и духовно считал себя выше на три: служил интересам города, был с риском на ты, успел получить "боевое" ранение, примелькался в отчётах генералов, даже деньги кое-какие заработал. За это среди сверстников он прослыл надменным зазнайкой и замкнулся в себе. Стал изгоем особого рода: таким изгоям не перебивают кости и не устраивают подянки, о них попросту не говорят, их не замечают, при вынужденном общении делают вид, что слушают, а сами считают ворон, будто заранее знают всё, что эти воображалы могут из себя извергнуть. Даже с Ортеем, спавшим на расстоянии вытянутой руки, Аваро редко перекидывался парой дежурных фраз.

Конец осени прошёл под знаком охоты на мелких грабителей, исключением стала только влюблённая парочка подъяедавших друг друга дикарей, на которых донесли соседи. Рутинный отлов занимал меньше суток, субъекты попадались пугливые и сдавались без борьбы. Зима же стала порой ещё большей скуки и тягостного ожидания — Аваро догадывался, что причина не в резком подъёме нравственности населения, а в лени и нелюбви к холодам Фирба. Наёмник задействовал богатый арсенал отговорок, чтоб отложить намеченный выезд на недельку-другую: притворялся больным, пропадал, ссылался на метели, стёртые подковы лошадей, размытые или обледеневшие дороги, грозные в связи с традиционным зимним недоеданием настроения дикарей. Торди, кажется, к его капризам был привычен и, поскольку задания не звучали как нечто, чем можно похвалиться на пирушке у Верховного, смотрел на задержки сквозь пальцы.

На выездах Аваро нравилось представлять, как Ло тоскует в отсутствие "братца". Потребовалось застрять в лагере надолго, чтоб до него дошло, как сильно она в действительности отдалилась. Ни разу не спросила про жуткий алый шрам на шее, вообще не задавала вопросов сложнее "как дела?", но, надо признать, и с подругами болтала редко.

Ходила вечно понурая, мрачная, чем одновременно и раздражала, и утешала Аваро, углядевшего в её поведении признаки разлада с Ширмом, а то и запоздалого осознания невозможности трансформации дразняще жизнерадостной, льстивой симпатии генерала во что-то крепкое, длительное или хотя бы осязаемое.

На исходе второй недели весны Фирб разбудил юного охотника посреди ночи.

— Собирайся, — скомандовал он беспрекословно.

— В чём дело? Какого хрена ты такой взвинченный?

— Нам хана.

Уточняющие вопросы наёмник пропускал мимо ушей, чем сильно нервировал ещё толком не проснувшегося Аваро. Он уже не надеялся на пояснения, но после тяжких раздумий Фирб внезапно пробормотал себе под нос:

— Пошёл на поводу у мальчишки, взял на себя лишнее... Так проколоться на пустяковом задании!

Хорошо изучивший дороги вокруг Сервона Аваро сообразил, что они направляются на запад. Когда выдохшаяся лошадь Фирба переходила на шаг, парень по капле выжимал из него сведения, по клочкам собирал для себя картину происшествия. Сложилась довольно абсурдная, но связная на первый взгляд история.

Вчера вечером служащие западного поста услышали скрип петель. С фонарями вышли на разведку — у портала путалось двое амбалов. Пока наблюдатели их окружали, старший из злоумышленников (сильно хромающий) отпер дверь ключом, и подельники благополучно скрылись за ней. Вблизи постовые увидели вместо одной двери две — совершенно одинаковые, за исключением того, что краска правой отливала и пахла новизной, сама она прислонялась к забору и не имела никаких специфических свойств, которые не были бы присущи любой другой двери мира. Без задней мысли стражи ломанулись за беглецами — в проём за раз больше двух солдат не протиснулось, а их уже поджидали на той стороне с занесёнными мечами и дубинами. Первым штурмующим пришлось несладко, их кости крушили без всякой жалости; остальные догадались взять щиты, кое-как прорвались, скрутили мужиков и затащили назад в Сервон.

— Нет бы скрыться, но чокнутые возомнили себя неуязвимыми! — добавил Фирб. — А может, не решились бросить сообщницу — девка всё это время пряталась в кустах.

В ходе допроса выяснилось, что преступники перед налётом заявили к главному мастеру Верховного с эскизом и поддельной заявкой на точную копию западной двери якобы для украшения резиденции. Подробности авантюры схваченные демонстративно смаковали.

— Клинок поставлю, что это культ, — высказал свою версию наёмник. — Уже сталкивался с подобным. Охмурённые последователи всю зиму укрывали диверсантов и вращали нам в глаза. Теперь главари надумали подменить дверь, чтоб провести целые толпы простофиль в "край блаженства", убедить в своей божественности и стать там царьками.

Аваро был настроен скептически. Он не мог представить таких условий, при которых та осмотрительная тройца пошла бы на риск ради других, даже если самоотверженность сулила стократное вознаграждение.

— Почему тогда не поручили дело покорным фанатикам или шестёркам, как поступили с Монтри? Куда вероятнее, что украсть дверь толкнул банальный страх: с ключом прошмыгнуть можно даже мимо десятка охранников, но при попытке вернуться их встретят

обьятьями кандалов. Они ведь не знают, как далеко окажутся, что за нравы и порядки в том краю. Только всё равно ничего бы не вышло. Бандиты просчитались: Мальк Охерн рассказывал, что двери, снятые с петель, не работают.

— А ты проверял? Как же меня забавляет привычка лагерных принимать за чистую монету всё, что твердят с умной рожей.

— Будь это враньём, Верховный давно спрятал бы все двери в подвале резиденции. Девушка... Сообщница. С ней всё в порядке?

— Отправили к богачам-родителям. По их словам девку увели силой, хотя сама она так не считала. Ревела, когда её разлучили с этими головорезами. Да и фек с ней. Малолетки.

Двое наблюдателей уже поджидали на дороге. Охотников провели к арестантам, сидевшим вдоль задней стены сторожки со связанными за спиной руками. Аваро сразу узнал в них путников с полей, несмотря на кровоподтёки на лицах. Преступники же, казалось, его и не вспомнили.

— Ключ наши? — начал Фирб требовательно.

— Второй допрос с пристрастием ничего не дал. Обыскали дотошно, прочесали местность — без толку. Ясно дело, проглотили. Кончайте с ними, поможем распотрошить.

Фирб неопределённо кивнул и повернулся к напарнику.

— Торди говорил, преступников отправляют на съедение! — протестующе зашипел Аваро.

— Некоторых. Десятую часть. В основном помешанных дикарей, чтобы их родня не ринулась сжигать город. Эти двое сами кого хочешь живьём сожрут, думаешь, они смиренно примут свою судьбу? К тому же уводить их от поста нельзя — не вырвутся, так приспешники выцепят нас по дороге к Сервону и прирежут.

Командира поста их перешёптывания разозлили.

— Половина моих ребят сейчас при смерти! То, что головорезы в розыске к нам завалились — целиком ваша недоработка. Вам и ликвидировать последствия.

— Так нечего было их крепить без нас!

— По-твоему, мы должны спокойно смотреть, как посторонние охраняемый объект демонтируют? Хромой уже успел нам подгадить — из-за прошлогоднего инцидента с нас за любую оплошность три шкуры дерут.

— Рвётесь выслужиться — сами и мочите. В долгу не останусь — упомяну в рапорте.

— Это не наши хлопоты. Ведите их в тюрьму, если трусите, но конвой дать не можем. Преступников двое, вас двое, — постовой многозначительно уставился на хрупкие запястья Аваро. — Сдаётся мне, при их-то нраве для кого-то это станет последним путешествием.

— Лучше убейте. Что угодно лучше, чем остаток веку взаперти. С меня довольно, — подал голос хромой.

— А я бы посидел! Чё бы и не посидеть, если кормят и дерьмо за мной убирают? Не жизнь, а сказка, — нервно возразил младший брат.

— Молчать! — заткнул его постовой, съездив грязным сапогом по лицу.

Фирб отвёл Аваро в сторону и произнёс вкрадчиво:

— Выбирай.

— В смысле?!

— Кого из двух возьмёшь на себя?

— Палачом не нанимался!

— Не ори. Я тоже, тоже, но опекунов и уборщиков нам не положено. Предлагаешь

оставить их здесь после такой заварушки? Подумал, что нам грозит за такую блажь?! Давай закончим поскорее и домой. Рандо! Ты дикарь или целка?

— Я не убивал людей!

— Зато жрал, невелика разница.

— Не могу. Откуда мне знать, как это делается?!

— Года тренировок мало? Всё просто: зайти со спины, воткнуть лезвие ниже затылка

— уверенно и глубоко. Любые сомнения кончатся воплями и корчами, а это никому не надо. Твой выбор?

Аваро колебался. Постовые косились на охотников с недоумением.

— Бери старого и хромого, — посоветовал Фирб. — Он и сам не прочь сдохнуть — окажешь услугу.

Наёмник, не дожидаясь ответа, закатал рукава, взял за шиворот младшего брата и потащил прочь от хижины. Приговорённый кряхтел и упирался — дохлый номер против исправного карателя.

— В лагере такого опыта не получишь, — хрипло бросил Фирб перед тем, как скрылся в темноте.

Аваро застыл под пристальными взглядами постовых и хромого. Раздумывать некогда. Взяв себя в руки, он приказал арестанту встать. Тот попытался, но тут же рухнул назад и безразлично повёл плечами. Парень приподнял его и поволок на себе к дальнему, плохо освещённому краю леса, где их не могли увидеть стражники.

— Куда ты затолкал ключ?

— Куда ты затолкал гордость? — эхом отозвался хромой.

Аваро поставил его на колени, зашёл за спину, ощупью примерился для удара. Движение оказалось пугающе знакомым, хоть и оттачивалось на соратниках без ножа. Рука налилась твёрдой уверенностью и с нетерпением ждала команды сверху.

— Скажи, и я отпущу тебя. Обещаю.

— Не тяни время! — рассердился пленник. — Чёрт знает, сколько длится перерождение, у меня ещё куча дел!

Аваро прикидывал в уме, успел ли Фирб закончить свою часть работы. Ни малейшего звука-подсказки. Он оглянулся, но свет фонарей близ поста рассеивал мрак всего на десяток метров вперёд.

Внезапно пленник дёрнулся и больно ударил Аваро плечом по колену. Парень пошатнулся, но устоял — годами тренированные лодыжки ловко спружинили назад.левой рукой он описывал дуги, помогая телу удержать равновесие... но где была правая?! Теперь она пуста. Хромой распростёрся на земле, рукоять торчала промеж позвонков. Аваро с запозданием понял, что уже выполнил то, чего все ждут от охотника за головами, а может, и от любого слуги Сервона. Он боялся врезающихся в память криков, но расслышал лишь краткое бульканье. Не позволяя себе раскиснуть и замешкаться, он с усилием вытащил нож, перевернул тело на спину и пододвинул так, чтоб свет хоть немного помогал.

"Что они могли упустить? Одежду проверили в первую очередь".

Его вниманием целиком завладела нога мертвеца: она была неожиданно твёрдой, холодной. Под левой штаниной обнаружился отшлифованный до совершенства, анатомически точный деревянный протез, обутый и обтянутый длинным носком. С креплением на бедре пришлось повозиться. Аваро обстучал каждый сантиметр искусственной ноги, даже загнал в неё нож — никаких полостей. Уповая на чудо,

перепроверил одежду, заглянул в рот.

— Ты бы не расстался с ключом. Значит, проглотил. Всё зря.

Аваро слишком задержался. Нужно было скорее приделать протез обратно. Он дотронулся до крепления с внутренней стороны и вляпался в нечто склизкое, пахнущее, почти как кровь, только хуже. Выставил палец на свет — тёмная жижа. Кровь с гноем.

"Как же сильно, должно быть, натирала эта штукавина".

На культе, однако, он не заметил мозолей и потёртостей, а только свежий надрез в плотных слоях скомканной кожи. Жидкость натекла оттуда. Внимательно изучив обрубок, Аваро нащупал жёсткий продолговатый предмет, что человек менее заинтересованный с радостью принял бы за выступ кости или штифт. Охотник ножом отогнул края разреза, рассчитывая, что ключ выпадет сам, но тот застрял глубоко в ране. Пальцы долго ковырялись в зловонном мясном кармане — ценное содержимое успело прирасти к стенкам полости. Хромой сыграл с ним скверную шутку.

— Не думал, что ты справишься один, — раздался голос прямо за спиной.

Аваро спешно вернулся на место искусственную ногу и опустил штанину.

"Нужно что-то сказать!" — спохватился он, но не смог выдать ни слова.

— Давай, я дотащу до стола. Мертвыми они всегда тяжелее. Продышись и приходи помогать. Разделывать-то тебе не впервой.

С минуту Аваро постоял в тишине, после чего направился к коновязи, запрыгнул в седло и без объяснений помчал к лагерю.

Бессонницу Аваро обернул в свою пользу. Он душил навязчивые мысли на корню, нагружая извилины проработкой нового плана. Выстроенный в воображении сценарий казался вполне реалистичным, смущала только ненадёжность одного пусть и не ключевого, но бесконечно важного звена. С рассветом комбинатор ринулся испытать его на прочность.

Ло расчёсывала волосы перед тем, как заплести их в привычную косу. Мятежные пряди с каждым вспахом гребня пушились всё сильнее. Единственная соседка по домику ещё сопела — к счастью, скрежет двери о порожек не нарушил глубокого сна. Аваро застыл в проходе под холодно-вопросительным взглядом Ло, но подкрепился отчаянием и жестом поманил наружу. Она нехотя прервала своё занятие и поплелась следом.

— Да. Что нужно, — в словах отсутствовала интонация.

— Хотел вернуть твою вещицу, — он вытянул руку и разжал кулак, скрывавший брошку. Взоры обоих приковал к себе гипнотический отблеск грошового камня в зеленоватом мареве утра. Винного оттенка акцент на бледной коже. Причудливые сплетения прожилок уподоблялись бороздам на ладони.

— Снова убегаешь?

— Уезжаю. Так солиднее. Теперь у меня есть лошадь.

— Жаль, что она не твоя. В отличии от брошки. Пусть напоминает о "сестричке".

— Задумка в том, чтобы начать жизнь заново. К чему память о прошлом? О людях, которым я безразличен...

— Нравится меня истязать?

— Не больше, чем тебе меня.

— Когда выдвигаешься?

— Сегодня же, через пару часов.

— Похоже, мне стоит поехать с тобой.

— Нет! Даже не обсуждается. Хватило и одного предательства.

— Думаешь, угрозы меня остановят? Я выслежу тебя, охотник, даже если отстану на километры. Лошади оставляют слишком много подсказок.

— Угомонись, из лагеря без повода не выпустят. Я дорого заплатил за привилегии.

— Вот и посмотрим, — в глазах Ло мелькнул нежданный азарт. — Что-нибудь придумаю.

Чудовищных усилий стоило Аваро сохранять невозмутимость на лице. Ещё на десяток секунд его бы не хватило, так что он поспешно приколол брошь назад, повернулся на пятках и зашагал прочь. С наслаждением расслабил челюсти и тотчас расплылся в блаженно глупой улыбке от уха до уха. Нелепое выражение не сходило с его лица, пока он тихонько — чтобы не разбудить Ортея — собирал в дорогу рубашки, инструменты и одеяла. Именно с этим выражением застал его Фирб, карауливший на излюбленном углу крыльца.

— Только гляньте на эту физиономию! До сих пор спускаешь при воспоминании о собственной ушлости?

— Чего?

— Говорю, ловко ты стыбзил ключ!

— Не понял.

— Мне повезло наблюдать весь процесс. Мерзковато, но ты, оказывается, настырный.

— Я... всего-то рвался отличиться — отыскать его раньше тех ротозеев, но удача меня не жалует. В кишках тоже пусто?

— Мы не вскрывали трупы. Зачем? Ясно же, что ключ у тебя.

— Н-нет, конечно нет. Откуда?! Я же передал тело тебе.

— Тащусь, когда пойманные на горячем трясутся, как цуцики. Теперь я уверен — ты задумал бежать.

— Что... собираешься делать?

— Хмм, дай-ка подумать. Вот так дилемма. Ну, допустим, подсобить.

— Издеваешься...

— Самую малость. Я ведь тоже заслужил капельку веселья. На серьёзности напрашиваешься? Что ж, когда ты завалил мужика, я по глазам прочёл: не для тебя всё это. Ты не на своём месте. Ещё с приюта терпеть не могу, когда вещи, а тем более человек, бросают, где придётся.

— Почему же ты раньше меня не остановил?!

— Потому что я там был не один. ОНИ не должны были понять. Забыл, кому подчиняются посты? Ты бы тотчас утратил доверие и остался навеки гнить в лагере.

— Я слышал, будто нежелательных лиц иногда ссылают на ту сторону.

— Нежелательных лиц с деньгами, известной роднёй и связями. Голодранцев только жрут и режут. Хватит на меня пенять. Я побольше твоего знаю о том, что вокруг делается. И у кого сила. Сказал же: прикрою, не бзди.

— Но в чём твоя выгода? Торди наверняка приставил тебя ещё и для того, чтоб потуже затянуть на мне ошейник.

— Это вы, спесята, всё выгодой меряете, ценники вешаете. Я хоть и наёмник, но нигде кроме работы корысть не пользую, а за то, чтоб быть тебе нянькой, мне не платили. Если Торди рассчитывал на мою совесть, так то его проблемы. По правде, выгода для меня всё же есть. Шустрые ножищи и чуть менее шустрые мозги могли через пару лет принести тебе славу первоклассного охотника за головами, а мне это не на руку. Я лучший охотник.

— Наставник говаривал, что лучшими себя называют только идиоты.

— Твой наставник — пень трухлявый! Я бы учил более толковым вещам.

— Например?

— Например, как одновременно бабу драть и самогон глотать, не расплёскивая! — он залился добродушным хохотом. — Через три часа нагряну к нашим вчерашним приятелям, скажу, что ошибся, — ключа у тебя нет. Пока раскопаем кадавров, пока распотрошим... Не суетись, всё на мази.

— Торди тебя заподозрит.

— Он знает, что ты хитрый жучара. Рыбак рыбака... Скажу, дикарь обвёл всех вокруг пальца, отправил по ложному следу, использовал меня для отвлекающего манёвра.

— А как же репутация?

— Да мне насрать: Верховным наёмнику один хрен не бывать! Объясни-ка, в чём моя вина? Это ведь Торди назначил мне гнилого напарничка, — Фирб прищурился и внезапно сгрёб парня в охапку здоровенными лапами. Аваро заглушил тревожный писк инстинкта самосохранения и постарался не вырваться. После того, как он закашлялся, амбал сжалился и разомкнул объятия. — Такому ценному кадру — он ударил себя кулаком в грудь, — слова поперёк сказать не посмеют: знают, что примерным служакам со мной не сравниться. Хотя ты был близок.

Дезертиры покинули лагерь около восьми утра. Аваро, обвешанный сумками с одеялами и инструментами, наплёл дежурному, что съезжает в кои-то веки на городскую квартиру, а сестрёнка поможет с уборкой и обустройством. Беглецы быстро достигли границы леса в трёх километрах от поста и спешили. Тропы они обходили стороной и пробирались меж беспорядочно натыканных стволов деревьев несмелым шагом: свежая листва только начинала распускаться, а престарелые ели и сосны снизу порядком облысели. Два раза далекие перекрикивания неясного содержания заставляли сообщников прятаться за поваленными деревьями и замирать, тесно прижимаясь друг к другу. Ло порывалась что-то спросить, но послушно умолкала, когда Аваро с раздражением шлёпал ей указательным пальцем по губам. На всякий случай они обогнули пост по широкой дуге, стараясь выдерживать полукилометровую дистанцию. Через час вышли к поляне с противоположной от заставы стороны.

— Что там? Дверь?! — вскрикнула Ло. — Я не пойду туда. Ни за что.

— Всё в порядке, нас прикроют. Наблюдатели заняты дельцем поважнее. Даже если заметят, успеем удрать далеко отсюда, — Аваро извлёк ключ из потайного кармана за пряжкой ремня и хвастливо покрутил им перед носом девушки.

— Где ты его взял?!

— Подарил кое-кто.

— Но мы так не договаривались! Уехать в деревню на отшибе и пройти через запретный портал — не одно и то же! Оттуда нельзя вернуться!

— Тшш! Ты давно должна была догадаться — иных способов покинуть Сервон нет. Решай: сейчас или никогда.

— Хорошо, — после настораживающе кратких раздумий согласилась Ло, — я пойду с тобой, но сперва мне нужно в город.

— Зачем?!

— Попрощаться с Анжем. Вернее, увидеться в последний раз, хотя он не выдаст нас, даже если рассказать правду. Исчезнуть вот так слишком подло. Он столько для меня сделал...

"Юла! Надеешься, что он тебя отговорит, кинется в ноги с мольбой не бросать, удержит при себе силой!"

— Ты не захочешь с ним разговаривать, зная все обстоятельства...

— Опять темнишь?

— Я ведь не собирался брать тебя с собой: ты здесь неплохо прижилась — но и оставить названную сестру на произвол судьбы не мог.

— Я не ребенок.

— Но ещё и не взрослая. Кто-то должен тебя поддерживать. Вчера я заходил к Ширму... Потребовал взять на себя обязательства.

— Чего?!

— Дослушай! Он явно опешил. Тогда я обрисовал ему два варианта: или он тебя удочеряет, или бросает жену и узаконивает, наконец, свою связь с тобой. Долго же он смеялся... Потом так же долго заверял, что никакой связи не было. "Что бы она тебе ни наговорила — это всего лишь богатое детское воображение". Ты для него рядовая ученица, как сотни других.

— О, рандо! Зачем?! Зачем ты это сделал? Кадавр!!! Как мне теперь смотреть людям в

глаза? Как пережить этот позор? — по круглым щекам Ло катились слёзы.

— Зато теперь, когда правда обнажилась, уйти гораздо легче. Хватит плакать! Это не имеет ни малейшего значения. Торди в любом случае отослал бы его подальше.

— Почему?!

— Потому что всем давно известно, что ты любишь Ширма. Не как наставника. И это компрометирует вас обоих.

Она хотела возразить, но разрыдалась ещё сильнее и не смогла произнести ни слова. Аваро в который раз поразился тому, как легко играть на чувствах неискушённых.

"Когда-нибудь она придёт в себя, поумнеет и раскусит обман. Возненавидит меня. Но это будет уже после. Сейчас есть только одна задача — пройти через треклятую дверь".

Не дожидаясь, пока Ло перестанет плакать, он взял её за талию и быстро повёл через поляну к одинокому ряду штакетника. Аваро готовился волочить силой, но обошлось — туловище девушки стало инертным и податливым. Смотреть в глаза он избегал.

Дверь приближалась, беглец уже мог опознать узоры, но затруднился бы ответить, идентичны ли они всем предыдущим — слишком сложным был рисунок. Трясущимися руками он до боли сжимал ключ.

"Только попробуйте уронить, и я скормлю вас людоедам!" — пронеслось в голове.

Вот и замочная скважина. Аваро оглянулся — постовых будто не существовало. Всё оказалось так просто и в то же время чересчур сложно, если вспомнить начало пути.

"А что если дверь — подделка? Открою, и через секунду из кустов высыплет отряд во главе с ехидно ухмыляющимся Торди. Или хуже — они поджидают на той стороне".

Ключ не поворачивался. С трудом его вытащив, Аваро заглянул в скважину — внутри никаких преград, но поверхность замка покрывали глубокие царапины.

"Чтоб тебя черви жрали, одноногий! Не тот ключ, или замок сломан? Фек, фек, фек!!!"

Он снова стал озираться. Дальний куст подозрительно вздрагивал. Парень отправил туда камешек, вложив в замах досаду и разочарование. Из-за полуголых ветвей в панике выпорхнул чёрный скворец.

Аваро очистил ключ от ржавчины и засохшего гноя и попробовал ещё раз — он немного провернулся, но дальше двигаться отказывался, угрожая погнуться или даже разломиться.

— Ача! Твоя взяла — разворачиваемся, пока никто не увидел.

— Опустит ручку.

— Не поможет.

— Просто сделай.

Аваро нехотя дёрнул за ручку, продолжая давить на ключ. Послышался гулкий щелчок.

— Откуда ты знала?!

— Догадалась.

Беглец с недоверием потянул дверь на себя. Его взгляду предстала широкая лужайка, позолоченная утренним светом. Ло нетерпеливо прошмыгнула вперёд под его рукой, и Аваро пришлось смириться с сомнительной ролью первооткрывателя-второпроходца — он шагнул на новую землю, тихонько прикрыл дверь и отправился за девчонкой.

Глаза отдыхали от успевших осточертеть за зиму древесных скелетов — их просто не было во всём обозримом пространстве. Новорождённая трава перемежалась с островками мшистых булыжников и затвердевшего грязного снега. Вместе с тем Аваро одолевала лёгкая тревога: в линии горизонта чувствовалась фальшь. На покрасневшем опухшем лице Ло ещё не высохли слёзы, а она уже всю носилась по лугу. Парень подбежал и резко схватил

её за руку.

— Ты что, не видишь обрыв?! Мы на вершине горы.

— Почему она такая плоская?

— Это плато.

Они с опаской подошли к неприметному краю возвышенности: стена не была отвесной, а спускалась вниз крутыми скалистыми ступенями высотой под сотню метров каждая. От соседних плоских гор их отделяла узкая долина, выточенная руслом реки. На берегу глаз мог различить не меньше десятка разноцветных крыш. Аваро достал бинокль и направил в сторону поселения, но обитателей снаружи так и не увидел.

— Пойдём к людям? — с неуместным трепетом предложила Ло.

— Не сегодня. Тут высота метров шестьсот, а мы пока не знаем безопасного спуска. Подыщем для ночлега укромное, плохо просматриваемое отсюда местечко, например, на ступени пониже — вижу кое-где кусты и елки. Но мне ещё нужно закончить с дверью...

Подмывало сломать, уничтожить портал, но вовремя проснувшийся голос рассудка предостерёг Аваро от необратимых действий. Он заперся, достал инструменты и снял с краёв забора десяток досок. Соорудил засов и заколотил дверь, оставив в проёме лишь пару узких щелей. Гвозди, дабы не повредить вычурную поверхность рамы и случайно не разрушить чары, он прибивал к ближайшим опорам забора.

"Любому, кто пожелает войти, понадобится хорошая пила, часок времени и запас упорства".

Только теперь беглец расслабил плечи, стряхнул с себя солдатскую выправку. Сервон остался позади и больше не сможет его преследовать.

Ребятам пришлось пустить в ход всю ловкость и гибкость, чтобы с вещами переправиться на ступень ниже. Среди скопления елей они наткнулись не то на сторожку, не то на заброшенный наблюдательный пункт, возведённый, судя по всему, сервонскими лазутчиками. Крышу проломил метровый валун, отколовшийся от кромки ступени и разделивший надвое единственную комнату. Из мебели уцелел лишь низкий круглый столик.

— Я не хочу тут жить... — плаксиво начала Ло.

— Ночами, должно быть, ещё холодно, спрятаться от ветра или дождя подойдёт, а завтра начну разбирать эту халупу на брёвна и доски — отстроимся в более подходящем месте. За неделю будет готово — после лагеря опыта хоть отбавляй.

— А что мы будем есть, когда кончатся консервы и сухари?

— Земля вокруг усыпана дерьмом, уже все ботинки измазал, — думаю, это горные козлы постарались. Правда, за ними ещё угнаться надо, Охерн рассказывал, что они взбираются раз в пять быстрее человека.

— Зачем гоняться, если можно расставить ловушки?

— И то верно.

Новосёлы вычистили сторожку от мелких камней, покинутых птичьих гнёзд и скелетиков мышей, сложили сухие ветки перед камином, а прошлогодние листья, наоборот, смели в дальний угол. Природный ковёр годился для утепления пола под ложем, но мог вспыхнуть за считанные секунды. Позже Аваро заготовил тонких брёвен и кольшкков, установил две хитрые ловушки на козьей тропе, а Ло отправилась на поиски ручья или родника. На этом ярусе ни того, ни другого не оказалось, но выручила полная мутной воды впадина на теле гигантского валуна, выдолбленная падающими с большой высоты дождевыми потоками.

Девушка развела в очаге огонь, прокипятила воду в котелке, забросила туда украденные из лагеря лук, морковку, свеклу и мелко рубленую солонину. К возвращению Аваро незатейливый ужин был готов. После работы на прохладном горном воздухе в аромате простой похлёбки ему почудилось благоухание так и не испробованных яств Верховного.

— Нужно отметить успешный побег. Откупорь-ка большую коричневую флягу. На дне сумки.

— Что это? Бражка?

— Нет, дурында, самое настоящее вино. Даже я такого ещё не пробовал. Прикупил у фермера в предпоследнее своё задание.

— А ты уверен, что побег успешный? Случиться может всё что угодно. Мы снова сами по себе.

— Хуже не будет. Солдат умышленно приучают бояться свободы. Пригуби немного, и страх уйдет.

За полчаса они приговорили больше двух третей фляги, но застолье вышло невесёлым. Аваро заплетающимся языком расфилософствовался о той ужасной рабской участи, которой они, благодаря смелости и расчёту, сумели избежать.

— Свобода свободой, но что дальше? Какое будущее нас ждёт? Ты подумал об этом, притаскивая меня сюда? — неожиданно грубо перебила Ло, раздражённая тирадой.

— Человеку не дано знать грядущее — теперь я это понимаю. Пожелай форфики

любому, кто назовётся ясновидящим.

— Не хочу провести молодость в захолустье на краю света, одичать и растерять все таланты. Мои дети будут обречены на то, на что была обречена я в Анатри.

— Ты уже думаешь о детях? Не рановато?

— Люди обязаны об этом думать! Всё живое на земле рождено множиться. Тело бесконечно терзают болезни, малейшая неосторожность причиняет боль, другие существа так и норовят отнять всё, чем владеешь. Когда ты сыт и ничем не обременён, одолевает убийственная тоска, когда погружён в дела — захлёстывает тревога. И лишь моменты, ведущие к плодородию, приносят блаженство и покой. Мир твердит нам: "Ты не важен, никто с тобой не считается, твой удел на все времена — бесчисленные напасти". И пусть твои хилые плечи не созданы вынести их все... Стремись оставить свой след в других, и тогда сможешь коснуться чего-то, что выше грязной и утомительной борьбы за кусок хлеба.

— Прежде не слышал проповедей из твоих уст. Тебя мать этому научила? Или Ширм?

— Нет. Я так чувствую. Нутром.

— Ну что ж, тебе пойдет нянчиться с оравой дармоедов, ухаживать за садом, печь пироги. Довольно умилительная картина.

— К чёрту! Это меня не прельщает. Всё, что требуется, — родить, вернуть одолженное у природы и укорениться в благодатной почве. Запомни, Аваро, мы не есть жизнь, мы лишь её носители. Нам её доверили, и мы должны передать её дальше.

— Должны, обязаны, обречены... Погоди, я правильно понял, что высшим счастьем ты считаешь плотские утехи? — хищно сверкающие глаза Аваро крепко впились в неё.

— А также то, что предшествует этому — любовь, — Ло порозовела и поспешила отвести взгляд.

— Ты говоришь так, словно в этом смыслишь, обладаешь богатым опытом. А мне вот страсть не приносила покоя и блаженства. Такой же источник бед, как и всё прочее. Кроме сна. Полное забытьё и бегство от мира — вот лучшее из удовольствий. Длилось бы оно вечно. Да, я не жизнь... И не смерть, к сожалению. Но вдруг я носитель смерти? Я точно должен передавать её дальше?

— Тебе не идёт актёрство, носитель незрелости. Мне нужно на воздух, — девушка привстала с кучи листьев, покрытой одеялами, но Аваро перехватил её за плечи и усадил обратно.

— Ло, разговоры с тобой частенько приводят меня в замешательство. А иногда и в помешательство... Но мы уже год существуем в довольно тесной близости, так что я позволю себе бестактность и скажу прямо: если хочешь воспользоваться моим телом, чтобы продолжить свой род, я не могу отказать — давай, хоть сейчас! Но этих странных идей я не разделяю.

— Чурбан! Штипо! — завопила она нарочито громко. — Думаешь, я мечтаю о потомстве от такого, как ты?! Да что ты о себе возомнил! — голос срывался с визга на хрип. — И я не собираюсь делать это сейчас, ясно тебе?! Только самовлюбленный кретин мог настолько извратить мои слова!

Прокричавшись, Ло так резко вскинула руками в попытке освободиться от непрошенных прикосновений, что залепила парню локтем по носу. Извинений не последовало. В тягостной тишине оба демонстративно растащили свои одеяла по разным углам настила, после чего Ло выбежала на лужайку и пропадала где-то целую вечность, а когда вернулась, Аваро прикинулся спящим, хотя за всю ночь так и не познал величайшего, с

его точки зрения, блаженства во вселенной. Несмотря на усталость и изрядное подпитие, он вновь маялся тщетностью усмирения настырных голосов стыда и обиды, исступлённо сражавшихся друг против друга на полях его разума. Объявляли перемирие в битве лишь случайные прикосновения тонкой лодыжки Ло к его бедру. Веки парня всё же сомкнулись, когда умиротворяюще тусклый свет начал просачиваться в комнату через дыру в крыше.

Проснулся он с тяжёлой головой. Оделся потеплее, похлебал из котелка и вышел на улицу за водой: бульон только обострил жуткую жажду. По положению солнца Аваро определил, что полдень уже пару часов, как остался позади. Он доплёлся до валуна, но воды в лужице начерпалось всего на полкружки. Ему хотелось вылакать живительную влагу прямо там, вместе с мутью и песчинками, но он заставил себя прокипятить её, потеряв с испарениями ещё треть. Иссушенный организм едва заметил эти жалкие капли.

Аваро обошёл всю ступень, но воды не было, равно как и Ло. Поднялся на ступень выше в надежде набрать и растопить снега, но разрозненные островки отпугивали лежалостью и коричневыми примесями. Такую воду сколько ни фильтруй через бумагу, сколько ни кипяти, шанс отравиться не сведёшь к нулю. Мимоходом парень осмотрел заколоченный портал — со вчера с ним ничего не приключилось, однако смутные сомнения продолжали шершавым языком драить нервы. Он бросился назад к сторожке проверять ключ — тайник не трогали. Вспомнил про бинокль — вот его на положенном месте не оказалось. Невооружённым взглядом трудно было рассмотреть внизу не то что человеческий силуэт, а даже завитки излучин.

После часа гневно-тревожного ожидания Аваро решил спускаться в долину. Внимательно изучил уступ и наметил себе казавшийся сверху безопасным путь, тем не менее, на середине сорвался, с десятков метров проехался по наклонной каменистой стене и ободрал до мяса всю правую руку в попытке затормозить и ухватиться хоть за что-нибудь. Спас скалолаза торчавший голый куст с сильными корнями.

На следующем уступе Аваро услышал изнурённое кряхтение и подошёл к краю. Ло карабкалась совсем близко, за её спиной болтались непонятно откуда взявшийся бурдюк и плотный мешок, внутри которого что-то трепыхалось. Парень помог ей взобраться и, не дав передохнуть, принялся отчитывать.

— Ты где была?! Теперь о нас знают, могут заявиться с оружием хоть посреди ночи! Добиваешься, чтоб нас на фарш пустили?!

— Пугтруо! Только не здесь, не сейчас. Ещё целая ступень, а я уже готова копыта откинуть. Пока ты бока отлёживал, я столько всего успела! Лучше возьми бурдюк.

Аваро стерпел выпад, принял сосуд и тут же к нему приложился. Вода была удивительно приятной на вкус.

— А в мешке что?

— Увидишь наверху.

Когда они вскарабкались, Ло с тяжким выдохом развалилась на траве, но мешок из рук не выпускала. Его содержимое, ощутив под собой землю, зашевелилось энергичнее. Послышалось недовольное кудахтанье.

— Откуда у тебя курица?!

— Подарили. Соорудишь какой-нибудь загон, или мне держать её вечно?

— Могу отправить её в лучший мир прямо в мешке.

— Нет! Сдурел? Пусть несёт нам яйца на завтрак. На дне мешка есть немного зерна скоро появятся травы и червячки.

Ло не дождалась, пока Аваро сплетёт клетку из прутьев, и запустила птицу в дом. Сильно бушевать та не стала, но успела нагадить в трёх местах. Им досталась или чрезвычайно отважная курица, или безнадёжно тупая — без малейшего страха давала гладить себя, как покладистая кошка, чем Ло с удовольствием пользовалась.

— Теперь даже жаль сажать в клетку это рыжее чудо.

— Я что зря потратил два часа жизни?

— Зануда.

— Не хочешь объясниться? С чего это незнакомцы так расщедрились? Что ты дала взамен?

— Подарок на то и подарок, что ничего взамен не требуется.

— Это ты так думаешь. Он возьмёт плату позже.

— Какой ещё "он"?! Это была женщина, Флуг, на вид чуть старше Квиеты. Там все удивительно добрые и радушные.

— Уже со всей деревней перезнакомилась? Ну докладывай, разведчик, где мы находимся.

— Знаю только, что посёлок называется Лим. На обратной дороге заглянула в закусную, где местные коротают время, — опережая упрёки, Ло поспешила добавить, — Просто поздоровалась. Все очень приветливые.

— Сочли тебя аппетитной.

— Мы с Флуг поболтали по душам — к людоедству лимы относятся с крайним презрением, у них свои учения и обряды. Она рассказывала сбивчиво, я мало что поняла.

— Культисты. Фирб предупреждал, что они тронутые.

— С каких пор предвзятые оценки Фирба стали истиной? Хоть бы раз поверил мне! Они совершенно безобидны.

— Как скажешь, но больше без меня в долину ни ногой.

Постройка нового жилища из брёвен сторожки заняла две недели — Аваро малость переоценил привитую лагерем сноровку. Выбор пал на уютное местечко у более пологого и крепкого теневого склона, где дом был с двух сторон укрыт от ветра и посторонних глаз скальными выступами. Ло совсем не помогала: обычно девчонка просыпалась раньше и отправлялась в долину, пока ничто не могло воспрепятствовать. Она помнила каждый уступ, каждый камешек и раз за разом преодолевала спуск-подъём всё быстрее.

Едва Аваро закончил со стенами и крышей дома, как бросился рыть яму во дворе, где скальные породы покрывал полуметровый слой почвы. Откопал и перекатил мешавшиеся глыбы весом под центнер, выложил борта тщательно подобранными мелкими обломками, натаскал с нижних ступеней сероватой глины и обмазал стенки изнутри. После первого же ливня бассейн наполнился до краёв — отпала нужда спускаться в долину, чтобы утолить жажду или искупаться. Ло, разумеется, похвалила зодчего, но исчезать поутру не перестала. Устав бороться, Аваро решил поручать ей покупки самого необходимого, но, к его досаде, внизу принимали только монеты, а сервонские бумажки даже в руки брать не хотели — ценность компенсации за ранение уменьшилась втрое.

Пару раз Ло звала друга с собой, намекая, что он желанный гость внизу, и им давно интересуются местные жители, наслушавшиеся историй о совместных приключениях двух отчаянных детишек. Аваро категорически отказывался — из принципа или плохо сознаваемой ревности.

Когда тайная обитель близилась к завершению, Ло внезапно озаботилась мебелировкой. Причиной послужила кровать, вызвавшая у девушки бурный протест своей двуспальностью. К концу второго часа препираний и взаимных оскорблений, столяр-новичок всё же смог убедить её, что на две койки не хватит ни места, ни приличных досок. Домик и правда вышел кукольно крохотным, даже меньше исходной сторожки. Внутри кое-как уместились столик, лавка, камин, комод для вещей и инструментов и, собственно, сама кровать, на которой двое размещались без должного простора.

Весна давно обуяла долину, но до плато во всём своём великолепии добралась на месяц позже. О численном измерении времени напоминала Ло, а ей, в свою очередь, новые знакомые, для Авара же оно потеряло значение с тех пор, как исчезли надзиратели. Девчонка уже не так пылко рвалась вниз: горные луга украсили ярко-оранжевые двойники роз на коротких тонких ножках без шипов, маки и лиловые в белую крапинку распускающиеся бутоны в форме приоткрытого рта с усиками и будто высунутым языком. Появились бабочки, по скалам ловко прыгали птицы с неприглядными головками, но завораживающе алыми с черной окантовкой крыльями, то и дело попискивали из расщелин забавные шарообразные зверьки — нечто среднее между зайцем и бесхвостой мышью; горных козлов стало до того много, что они, не страшась, паслись у дома и порой жертвовали жизнями ради сытного пикника его обитателей. На фоне горной пестроты и живости долина померкла до мрачности: вскоре после полудня на неё напоззала тень и разрасталась с каждым часом.

Над склоном же солнце зависало подолгу — Ло пристрастилась нежиться на тёплом гладком валуне в одной лишь короткой сорочке, отчего кожа её сменила оттенок с молочного на персиковый. В самые тёплые дни она отваживалась запрыгнуть в бассейн, но миг спустя с пронзительным криком выскакивала оттуда плотно облепленная мокрой тканью, гибкая, влекущая. Авара выбегал из дома, ругался для виду, и, поглядывая исподволь, вручал своё одеяло, чтобы беспредельщица укуталась и согрелась. Частенько высохнуть до темноты оно не успевало, и незадачливый ухажёр всю ночь дрожал под влажной шерстью, но раз за разом безропотно следовал правилам игры ради краткого приобщения к запретной красоте.

Ло о существовании "правил" не догадывалась, или, по крайней мере, делала вид, чтобы оставить за собой право их нарушать. В начале третьего месяца весны она снова сбежала в долину, не соизволив дожидаться пробуждения Авара. Он разозлился, но приутешился яичницей с пряными травами, угодливо оставленной в горшочке на углях. Новый приступ гнева настиг его, когда солнце клонилось к мнимому горизонту — плоской крыше соседней горы. Закат от непролазной тьмы отделяло больше полутора часов, но прежде Ло не задерживалась внизу допоздна. Авара сел на траву, отбросил мысли и пристально уставился в небо.

Солнце скрылось. Ждать дольше нельзя. Он переоделся (не отдавая себе отчёта, зачем) в самое приличное, что было — форму охотника, рассовал по карманам монеты, нож, ключ. Глянув в бинокль, наметил кратчайший путь до посёлка и приступил к спуску.

"Ей не сдобровать. Как и любому психу, который рискнёт помешать".

Через боль от острых камней и страх высоты он прыгал с уступа на уступ, уворачивался от им же порождённых обвалов и съезжал на копчике там, где головокружение от крутизны склона было выносимым. Когда носок ботинка наконец коснулся плоской устойчивой поверхности, Авара выдохнул с несказанным облегчением. Он вернулся в свою стихию —

тут скорость переставления ног что-то да значила.

"И как только Ло умудряется проделывать подобное изо дня в день?! Я мог умереть раз десять".

Сумерки плотно обволакивали долину: пушистые сосны и высаженные в ряд ягодные кусты, нагромождения камней и рукотворные ограды, муравейники, навозные кучи и рыхлые горки у кротовых нор просачивались друг в друга, и отличить их можно было только по фактуре.

Блеск и струистость — река. Вдоль неё Аваро и пошёл, отклонившись от намеченного маршрута. Вот он остутился и промочил ноги, вот собрал лицом паутину, вот получил веткой в левый глаз, но правым узрел слабый свет на другом берегу. Через неведомое число шагов выплыл из черноты деревянный мост, широкий и крепкий.

Огоньки колыхались в окне глиняного дома, стоявшего несколько в стороне от посёлка на потеху всем ветрам. Тот, кто его построил, явно ценил живописные виды больше уюта. Скруглённые шероховатые стены навевали мысли о гнезде ласточки-переростка или кривобокой вазе за авторством начинающего гончара-исполина. Забравшись на пригорок, Аваро понял, что дом на этом берегу совершенно одинок. Вдали среди деревьев тоже понемногу загорались окошки, но свет отсюда казался холодным, негостеприимным. На входной двери красовалась фигурная табличка из той же глины с вдавленными буквами, начертание которых было нетипичным для мезаяза, но всё же читаемым: Азилон.

"Опыт подсказывает, что места с таким названием не заслуживают доверия".

Аваро замялся на пороге: хотел было тихонько постучать, но дал себе мысленную затрепину. Подействовало — он навалился на дверь всей тяжестью тела и бесцеремонно ввалился внутрь.

Зал для посетителей оказался настолько тесным, что парень, сделав лишь шаг, оказался в его центре, пригвождённый взорами трёх пар глаз. Желавшие подкрепиться: властно-требовательного вида женщина и молодой парень — обходились единственным столом на необычайно высоких ножках и длинной лавкой ему под стать. Стену напротив обступили разноцветные набивные банкетки, на двух из которых лениво царствовал кругленький, располагающий мужичок. В полной уверенности, что совершает ошибку, Аваро всё же выбрал лавку и уселся на самый её край полубоком, чтобы уткнуть глаза в неживое и помешать разглядывать себя.

Большую часть первого этажа занимала кухня, сообщавшаяся с основным помещением через оконце в перегородке. Кухарка могла попасть туда лишь через отдельный вход снаружи. На чердак вела узкая винтовая лестница с заградительной красной лентой на перилах.

Пока Аваро собирался с духом, намереваясь насесть на посетителей с расспросами о Ло, тишину в зале нарушали периодические вспышки хохота. Смеялась только женщина, а после проговаривала ласкающим слух голосом с чёткой артикуляцией одну и ту же фразу:

— Ну надо же!

Аваро не мог знать повода, поскольку сидел к ней спиной, но подозревал, что высмеивают именно его. На третий раз он не сдержался и повернул голову. Женщина тут же воспользовалась его оплошностью.

— Да-да, обратите внимание, как эстетично, вдохновляюще он принимает пищу! Обожаю его! Это подлинное искусство! Я будто сама насыщаюсь, — отчеканила она учительским тоном с налётом восторженности.

Сидящий рядом юноша добродушно улыбался на похвалу, но не прерывал своего занятия ни на миг. Неспешно нарезал ножом редис на тончайшие полупрозрачные ломтики, ювелирно натыкал их на вилку и по одному отправлял в рот, заворачивал тушёный картофель в лист зелени, формируя эдакий цветок, отламывал строго треугольные куски от лепёшки и сосредоточенно, даже одухотворённо всё пережёвывал. Фосса зрелище и правда впечатлило. Тем, как медленны и малоэффективны произведённые манипуляции — парнишка, очевидно, не был голоден.

— Ты — Аваро, — проговорила женщина, не потрудившись добавить нотку вопросительности.

— Если знаете меня, то точно знакомы с Ло. Вы — Флуг.

— О, что ты, меня зовут Сэнра, — она протянула руку. Сконфуженный Аваро потряс её с запозданием. — Приятно познакомиться.

Ужимки Сэнры показались ему притворными, а в глазах чувствовалось что-то змеиное. Но самым странным, инородным в ней были волосы. По-мальчишески короткие терракотовые полукольца, каждое тщательно отделено от других, сплющено, навощено без всякой меры и буквально приклеено ко лбу, вискам, затылку, шее. Аваро, сам будучи слегка кучерявым, слышал, что некоторые люди терпеть не могут лохматые завитушки, но чтоб

настолько... При этом лицо женщины, одежда, фигура, жесты источали безусловный эротизм. Если бы на неё вылили ведро мыльной воды, освободив пряди из гадкого липкого плена, она соблазнила бы любого, но, так как на радикальные меры никто не отважился, Аваро вскорости вышел из-под власти чар. Заметил и мелкие морщины на лбу, и рыжие крапинки на веках, и тяжеловесные отёчные щёки. Возрастом она была ближе к его матери, чем к нему самому.

Минуты капали, из троицы только белобрысый парень чем-то занимался — всё ещё играл с едой, остальные просто удерживали тела в принятых позах и, кажется, извлекали из этого достаточно удовольствия, чтоб не скучать, хотя частые взгляды в сторону Аваро обнаруживали предвкушение увлекательной беседы.

— А где, собственно, шастает Ло? Вы, должно быть, в курсе — деревушка-то маленькая.

— Думаю, что у Флуг, они подружки.

— Как к ней попасть?

— О, не переживай, мы отправим туда Веиндо, — она обратилась к юноше. — Ты ведь знаешь, кто такая Ло?

В ответ Веиндо только склонил голову и виновато развёл руками.

— Тогда ступай к дому Флуг и попроси милую блондинку, что у неё гостит, прийти к нам. Хорошо? Мы будем о-очень признательны.

Теперь парень кивнул с пониманием, сгрёб вилкой остатки пищи к нижнему краю тарелки, аккуратно сложил поверх неё приборы, встал, выпрямился по струнке и, преисполненный достоинства, отнёс посуду к окошку. Постучал костяшкой пальца и крикнул что-то невразумительное. В проёме появилось заспанное, раздражённое лицо стряпухи. Она буквально вырвала тарелку из рук Веиндо и снова скрылась в недрах кухни. Оправив на себе жакет, парнишка величаво покинул заведение.

— Аваро, почему же ты ничего не спрашиваешь?! Лим ни капли тебя не интересуется? Вот уж не поверю. Смелее, тут все свои. Тау не кусается.

В подтверждение её слов упитанный лежебока скорчил игривую рожицу и издал серию горловых звуков, искусно подражая мурлыканью.

— Мы вообще где? Географически.

— Лим — затерянный райский уголок, и райский именно потому, что затерянный, — остроумно встрял Тау. — Шучу. Просто у меня плохо с географией. И картографией. С литографией чуть лучше. Могу сказать, где мы относительно чего-то. И то весьма приблизительно.

— Насколько далеко Лим от Сервона?

— Сервон... Настолько, чтоб о нём не думать. Недели три пути верхом. На радость, портал туда в таком месте, что внезапные опустошительные вторжения, к которым питают слабость тамошние вояки, нам не больно-то страшны: пока спустятся, все ценности соберём и скроемся.

— А от Фоса, Анатри?

— Это города? Я о них не слыхал. Значит, очень хорошие города.

— Отнюдь. Так что же есть поблизости?

— Из крупных селений в пешей доступности только Лака, сутки пути на север. Но оттуда все бегут: местечко полностью оправдывает своё название.

— Звучит знакомо. Все лимы оттуда?

— Не все, — перехватила слово Сэнра. — Некоторые. Флуг, например. Большинство

родилось тут. Моя мама пришла в долину из Энфала вместе с торговым караваном и просто влюбилась в неё. Это было тяжёлое и опасное путешествие: тогда торговцы ещё не говорили на мезаязе, так что она понятия не имела, куда направляется. Бежала со мной в животике от мужа — натуральной сволочи. Как же ей повезло! И тебе. И всем нам. Родители Тау — потомственные бродячие артисты — осели здесь под старость лет, но сам он подумывает нас покинуть и отправиться в турне. Есть одна зажиточная семья из Сервона. Веиндо пришёл два года назад из крохотной деревеньки людоедов за левой дверью; по всему видно, жилось ему там несладко. Путь Знахаря описывать не стану: если пожелает, расскажет сам.

— Дверь? Другая, помимо сервонской?

— Целых две. Сэнра как всегда права, нам очень повезло: за одной необъятная безводная пустыня, за другой злобные людоеды, — сообщил Тау, еле сдерживая смех. — И куда прикажете мне скататься на гастроли? Аваро, друг, помоги с выбором!

— А далеко они?

— По дороге к Лаке, шестнадцатый километр. Дальше направо или налево, смотря что тебе по вкусу: голодать самому или спасать от голода дикарей.

— Аваро! — осуждающе воскликнула Сэнра. — Ты что всерьёз туда собрался?! Лучше осмотришься вокруг, вам с Ло обязательно здесь понравится. Ну, или на горе — там тоже очень хорошо. Не принимай поспешных решений, пока не познакомишься со Знахарем.

— Знахарь — это врач?

— Врач — это лекарь, а знахарь — нечто большее. Он разбирается в том, как лечить тело и разум, но знает и многое другое, о чём мы с тобой и думать не умеем. Хотя, будем честными, нашему Знахарю известно не всё: он порой не знает, какой сегодня день, и что бы скушать на обед, — полушутливо разжевал Тау.

— Как не стыдно ставить ему в упрёк такие мелочи! Он, между прочим, всё слышит, — Сэнра указала пальцем вверх и подняла глаза к потолку. — Аваро, Знахарь правда помог каждому лиму. И не просил ничего взамен, хотя спасённые сами рвались одарить его всеми возможными способами. Если ты готов, я похлопочу о встрече. Естественно, с глазу на глаз в приятной обстановке.

— Как-нибудь обойдусь: ничего не болит, в просвещении не нуждаюсь. Наставников мне и в Сервоне хватило.

— Все мы больны, и тем грустнее, что ты даже не подозреваешь о собственной хвори, пока она беспрепятственно разъедает тебя изнутри.

Распахнулась дверь, вошёл Веиндо. Аваро мысленно благословил парнишку за то, что появился как нельзя кстати: разговор становился тошнотворным — и проклял за то, что тот вернулся один.

— Фек! Где Ло?!

— Блондинка не пошла.

— Почему?!

Веиндо уже знакомым образом свесил голову набок и развёл руками.

— Мердо! Вы взяли её в заложники? Запудрили мозги, подчинили своей воле?! Отдали на потеху Знахарю?! — Аваро вскочил с места и толкнул стол, едва не перевернув его.

Тау с тяжёлым выдохом поднялся с банкетки и широкими шагами оттеснил дебошира к двери — от неожиданности тот наступил Веиндо на ногу. Пятясь, Аваро раздумывал, стоит ли ударить первым, но выражение лица толстячка не было ни гневным, ни осуждающим.

— Веиндо, свет мой, молю, проводи иноземца к Флуг! — крикнула сзади Сэнра. —

Иначе он заблудится и пропадёт.

Мальчик на побегушках смиренно кивнул и поманил Аваро жестом.

— Заходи ещё, — мягко прогудел Тау на прощание.

Аваро изо всех сил сдерживался, чтоб не пнуть проводника, двигавшегося с черепашьей скоростью. Луна выхватывала из темноты контуры стен, заборов, крыш — жители окраинных домов успели погасить лампы. Аваро казалось, что его водят по кругу одними и теми же тропами: посёлок просто не мог быть настолько большим и сложно устроенным. Когда он почти выучил все повороты, Веиндо с торжествующим возгласом метнулся в другой переулочек и привёл его, наконец, к нужному дому. Распитая тюль затеняла обращённое ко входу окно, — на половицах крыльца подрагивали волны, спирали, лепестки — внутри горел свет. На стук в дверь не отвечали.

— Дальше я сам. Спасибо за помощь.

Веиндо улыбнулся, но не тронулся с места. Уже почти агрессивный взгляд Аваро не произвёл никакого действия.

— Иди же!

— Куда?

— Я почём знаю! Домой или в закусочную.

Веиндо крепко задумался: от напряжённой умственной работы брови его сдвинулись, губы поджались, глаза забегали. Ещё немного, и из носа повалил бы пар. Аваро смягчился.

— Возвращайся в Азилон. Я благодарен тебе.

Лицо парнишки моментально разгладилось, засияло, он кивнул и скрылся в переулочке. После второго стука Флуг всё же открыла и сразу затарахтела так, будто совершенно не нуждалась в воздухе.

— О, Аваро! Привет-привет. Вот это встреча! Таким я тебя и представляла, только малость старше — ох уж эти фантазии, чего со скуки не навоображаешь! Мы с Ло ненароком заигрались в джалз. Ты, наверно, и знать не знаешь, что это. А, забудь, просто девчачья игра. Проходи же! Сейчас наложу тебе поесть, по глазам вижу: голодный. Сегодня специально для Ло зарубила и приготовила курочку. Всплакнула, конечно, хотя напрасно — бедняга уже с трудом перебирала лапками. Сама-то я мертвечину не ем, но других винить не по мне: вы ж совсем моло-о-оденькие, ещё растёте — вам простительно.

— Я не на ужин пожаловал. Мы с Ло сейчас же уходим.

— Как это? Куда это? Я понимаю, походная романтика, но ночь ведь на дворе, сырость. Поспите на диванчике, а с утра лезьте на свою гору, насильно удерживать не буду. Да и разве ж вас удержишь!

— Диван узкий для двоих, можно мне лечь на ковре? — возразила Ло, не слишком смущённая и кающаяся. — Принесёшь подушку? — на полу перед ней были разложены стопки карточек, самоцветы, игральные кости, фигурки из дерева.

— Ничего не узкий, особенно если в обнимочку. Оу, выходит, вы ещё не это... не того? Ну, всё впереди. Хотя, по секрету, я в ваши годы уже всю забавлялась. Раз такие дела, посплю здесь, а гостям отдам спальню. Кровать добродетельно широкая, друга друга без намерения даже не коснётесь. Пойду сменю простыни.

— Ни с места! Сначала доиграем. Я почти победила! Как раз закончим, пока Аваро будет доедать курицу.

— Я же сказал: мы уходим!

— Прощу, не вредничай хоть раз. Лезть вверх на ощупь — самоубийство! Это и дураку

ясно. Я честно-честно сожалею, что тебе пришлось из-за меня спускаться. Зато теперь понимаю, насколько дорогá тебе.

Обезоруженный Аваро так и не придумал достойного ответа, сел за стол и принялся нервно грызть сизую куриную ножку. Желудок приятно растянулся, довольный, что о нём вспомнили. Парень нет-нет да поглядывал за ходом состязания. Выигрыш Ло был предсказуемым, но это не помешало хозяйке дома картинно обидеться: пыхтеть, надувать губы и размахивать руками, даже заподозрить соперницу в жульничестве.

"Вот так подружки: одной пятнадцать, другой вдвое больше, а кажется, что ребёнок здесь только Флуг".

Когда они с Ло остались наедине, Аваро позволил припасённому гневу выплеснуться наружу.

— Ты это подстроила! Уже завербовалась в культистки? Я думал, тебя связали и бросили в какой-нибудь подвал!

— Аваро, я же извинилась. Флуг такая же упрямая ишачиха, как и я, поэтому игра затянулась. Но я и представить не могла, что ты будешь ТАК волноваться.

— За тобой посылали, а ты даже бровью не повела.

— Веиндо хреново изъясняется, мне слышалось, он зовёт нас в Азилон пьянствовать. Естественно, я отказалась.

— Хммм... — крики и возмущения уже порядком истожили Аваро, и он перевёл разговор в мирное русло. — В общем-то я понимаю, почему ты не пошла за этим чудиком. Он на кого угодно жути нагонит. И где его гордость? Так прогнуться под женщину, превратиться в безотказную марионетку...

— Женщины тут ни при чём. По-моему, он болен.

— Что ж его Знахарь не исцелил?

— Такое не лечится.

— А мне вот наболтали, что он без малого всемогущий.

— Не знаю, я его не встречала. А Веиндо жаль: он слушается вообще всех, стоит только ласково попросить и сделать вид, что поручаешь важное дело, якобы он тебя спасает. Точно маленький ребёнок. Он даже мне готов служить. Только вообрази, к чему его могли склонять разбойники! Ужасно. Благо это позади. Здесь Веиндо ценят, не просят дурного.

— Но всё так же помыкают.

— Он выглядит счастливым. Надо в жизни чем-то заниматься. Если своя воля слаба, почему бы не последовать чужой? Лишь бы не злонамеренной.

— В этом "лишь бы не" кроется вся земная боль.

Угли в печке ещё тлели, напитывая атмосферу дома жаром. Аваро стянул с себя форму, оставшись только в длинной рубахе и лёг поверх одеял. Пока он раздевался, Ло, не расстегнувшая даже войлочной жилетки, сидела на противоположном крае кровати с бесстрастным выражением лица и уже тянулась к тумбочке, чтобы погасить пламя в лампе, но парень нарочно отвлёк её фразой в доверительно-мечтательном тоне.

— Представляешь, в округе есть ещё две двери. Тау рассказал.

— Френеза! Мы только-только осели в Лиме. Тут-то кто твою свободу попирает, от чего теперь бежишь? Может, пора остановиться?!

— Разве не любопытно исследовать новое? Они так близко...

— Расспроси у тех, кто оттуда пришёл.

— Из слов истины не познать. Важно увидеть своими глазами, прочувствовать на

собственной шкуре.

— Отложим исследования хотя бы до лета!

— Ладно, — Аваро вздохнул и задумался. — Кстати про двери. Мне давно не даёт покоя одна мысль...

— Мм?

— Так странно, что Торди оставил портал в Анатри открытым. Всё-таки не вяжется раздолбайство с его жёстким характером и верностью принципам.

— Среди девчонок ходили слухи, будто где-то в далёких краях у него есть возлюбленная, которую он не видел много лет, но всё ещё ждёт, когда судьба вновь сведёт их вместе. Похоже на сказку.

— Вполне возможно, что время от времени он навещал кого-то в Фосе. Или в Анатри.

— На моей памяти он не появлялся. Даже мимоходом. Тогда я крайне мало видела мужчин — о таком визите точно не забыла бы.

— Торди мог переправляться тайно, под покровом ночи.

— Или он сказал правду и в последний раз пользовался дверями лет двадцать назад. Торди же вечно занят службой. Большинство с возрастом становится холоднее, рассудительнее. Сердечная связь, если и была, угасла.

— Полжизни их не касался, но не закрыл даже под страхом разжалования? Если так, что-то его удержало, что-то безрассудное: вера, что та или тот, кто остался в Фосе, рано или поздно наведается к нему.

— Спустя столько лет?! Торди почти старик, а это так... наивно, по-детски. Ведь ни разу не спрашивал тебя о земляках. Не больно-то ему интересны люди из прошлого.

— При этом он вечно наряжен — напомажен, словно та самая может явиться в любую секунду и остаться разочарованной его воротничком. Но Торди не был бы Торди, если б не сумел подчинить влечение практическим целям — он превратил его в извращённую игру с самим собой. Вечное ожидание одновременно и мучительно, и волнующе, даже абсурдная вера придаёт сил. Наверняка он возвращался на родину поведать, каких высот здесь добился, насколько лучше ей будет с ним, а она ляпнула что-нибудь обнадеживающее, чтоб только отвязался поскорее.

— Нынешний Торди и любовь?!

— Ты не до конца понимаешь. Любовь это только на первый взгляд. Почему он ни о чём не спрашивает? Потому что не хочет ничего слышать: вдруг она счастлива замужем, забыла о нём или вовсе давно мертва. Тогда вся его жизнь, та сладкая ложь, ради которой он как заведённый вскакивает с рассветом, будет разрушена! Чем Торди станет убеждать себя выполнить ещё один приказ, передать очередной донос, чтобы получить ещё больше власти и почёта, к которым нутро равнодушно?

— Настолько умному и самодостаточному человеку не нужны погонщики со стороны. Тем более воображаемые.

— Вот уж нет. Чем больше узнаю людей, тем все твёрже убеждаюсь, что общество держится только на таких вот хрупких, несбыточных, идиотски наивных мечтах, сочиняющихся из пустоты. Никто из тех, кто хочет быть богат, не мечтает, как за год накопит десять монет. Три заберут сборщики податей, четыре вложит в мастерскую, три даст в долг под проценты. Как будет пару лет кряду прогорать и десятилетиями гоняться за должниками, но к старости по тщательным расчётам превратит свои десять монет в сотню. Нет, в мечтах всегда получают тысячу и немедленно. В центре любого трезвого замысла

должен находиться помешанный, который будет безжалостно пинать неверующих трудяг. Только чьи-то заоблачные фантазии, пусть даже грязные и эгоистичные, позволяют строгим планам изредка воплощаться в жизнь.

— Интересно, как поведёт себя Торди, если та, кого он ждёт, всё-таки явится. Дашь ли голову на отсечение, что без мечты он бросит службу с интригами, махом плюнет наводить красоту?

— Насчёт щегольства есть сомнения: слишком он прикипел к образу манерного выпендрёжника. Эти шелка, оборки, побрякушки, начёсы. Вспоминать смешно — напрасные старания.

— Протестую! Старания всегда похвальны.

— Ты без шуток считаешь это красивым? Питаешь слабость к расфуфыренным старикашкам?

— Нет, но вкус и обходительность подкупают. В Анатри все выглядели скучно: одинаковые домотканые одёжки тёмных оттенков, одинаково скромные причёски, схожие лица; поэтому я мало смыслю в красоте. Для меня она нераздельна с впечатлениями от манер, слов, поступков... Тела же людей отталкивающе несуразны, особенно голые. Нам далеко до ланей или кошек.

— В последнем я с тобой согласен, — проронил Аваро обиженно.

— Хотя, по-честному, есть одна часть тела, которая восхищает меня почти у каждого встречного. Ловлю себя на том, что пялюсь туда чаще, чем в зрачки собеседника, — она потупилась и умолкла.

— Ну же, колись! Никто за язык не тянул.

— Предплечья. Самое совершенное в человеке. Неважно, какие: жилистые, пухло-округлые, массивные или костлявые; безволосые, мохнатые или покрытые пушком — все они по-разному, по-своему очаровательны, насколько бы безобразен ни был их хозяин в остальном.

— Вот те раз! И что скажешь про мои? — Аваро начал было закатывать тугие рукава, но девушка его остановила.

— Не утруждайся, я помню их и так. Натянутые, острые и при этом лощёные — поразительно при нашем укладе. Очень бледные, редкий контраст с прямыми волосками. Правое исполосовано ещё не зажившими царапинами с красно-чёрными корочками, но больше всего мне нравятся синева с внутренней стороны и отчётливо проступающие вены — такие полные, живые — иногда кажется, будто я вижу их пульсацию.

Не сдержавшись, он задрал рукава и стал разглядывать свои руки: вместо чарующих прелестей увидел лишь тонкие длинные палки — типичные предплечья болезненно тщедушного подростка. Ло наблюдала с улыбкой.

— Да ты дразнишь меня! Попросту глумишься.

— Я сказала всё как на духу. У каждого свои заскоки, у меня такой — любоваться чужими руками.

— Ну-ка покажи свои!

— Там не на что смотреть: у меня самые обыкновенные, непримечательные, я даже немного стыжусь их.

Аваро рывком оголил её предплечья, обхватил ладонями и принялся растирать, словно хотел согреть. Она не противилась.

— Как по мне, они хороши. Особенно на ощупь. Такие гладкие.

— Всё-таки мужские куда интереснее. Вероятно, из-за шерсти.

— Хочешь потрогать мои?

— Может быть.

Её прикосновения отличались. Ло не стремилась к максимально интенсивному контакту пальцев с его кожей, а лишь скользила, щекотала, выписывала дуги и петли — рисовала ей одной понятную картину. Вряд ли она сознательно добивалась изменений в его состоянии, но произошло именно это.

— Твой пульс зашкаливает.

— Потому что ты увлеклась.

— Прости, больше так не буду.

— У тебя вечер извинений? Мне нужно не это.

— Знаешь, я скучаю по дням испытания, по ребятам: было весело.

— Ещё бы, группы собирали неслучайно. Привязанность между солдатами — гарант того, что они не покинут отряд, каким бы дерьмом их не кормили генералы.

— Тогда я верила, будто смогу стать кем-то, что-то кому-то доказать, на что-то повлиять... И обманулась. Выходит, лучшие воспоминания в моей жизни навеки отравлены Сервоном, командирами, Верховным?

— В наших силах создать новые, гораздо лучше, затмить прошлое тысячекратно.

— Не думаю.

— Черт возьми, да что ж такого я нашептал тебе в последнюю ночь похода?! Как мы оказались в лесу?

— Ты не помнишь? Дерзко подлетел, схватил за руку и увёл на «прогулку».

— А дальше?

— Признался, что хочешь меня.

— И этого хватило?!

— Ты произнёс это так искренне, так пылко... Я прониклась.

— Но передумала! Испугалась?

— Поняла, что мои чувства в тот момент — всего лишь отражение твоей страсти. Я хотела твоё желание меня. Это тщеславие, а не любовь.

— Тогда я буду беспрестанно отравлять тебя своими желаниями. Однажды ты заразишься и сдашься.

— Всякое может случиться, но так будет не по-настоящему. Тебе и самому не понравится.

— Ошибаешься. Так мне понравится даже больше.

Слабый огонёк в лампе потух.

— Спи спокойно, Аваро.

Последние слова сработали как заговор — спустя минуту он и впрямь провалился в глубокий крепкий сон. Томительные видения не посмели заползти в голову, потому что где-то в её недрах хранился как никогда ясный образ рукотворного, а не стихийного будущего.

Наутро пташки вернулись на плато, а через три дня и две ночи Ло сдалась, опередив его план. Только вот мир остался прежним.

Аваро, не шевелясь и часто дыша, стоял напротив двери в Сервон. Челюсть его, избавленная от давления кичливо сведённых скул, с непривычки отвисла под собственной тяжестью. Он пялился в одну точку уже две минуты, что позволило горному козлу, за которым он гнался с совершенно дилетантским копьём — обломком ножа, на скорую руку примотанным к плохо обтёсанной жерди, — отделаться испугом.

Страхнул оцепенение охотник, только когда крупная градина пота скатилась с его левой брови прямо в немигающий глаз и стала разъедать его концентрированной солью. Невольно всплакнув, Аваро подошёл ближе и опустил на корточки перед узорчатым дверным полотном. Часть скрывавших его прежде центральных досок была распилена посередине, каждая половинка повёрнута в сторону от проёма, а бережно снятые нижние лежали аккуратными стопками на траве. Здесь же валялись выкорчеванные гвозди, успевшие проржаветь от шляпки до острия. Сама дверь оставалась запертой, но это мало что значило: у сервонских постовых имелся второй экземпляр ключа — бес знает, сколько их всего.

"Последний дождь был десять дней назад. Это случилось давно... Где теперь тот, кто ею воспользовался, а главное, какие у него намерения?"

Из-за беспощадного зноя и мучительной духоты Аваро не забирался на верхнюю ступень больше трёх недель.

"А звук пилы? Доски испещрены глазками — этот гад работал, должно быть, целый час, а я даже не услышал!"

В поисках ответов он придирчиво изучил срезы: ни на одной из досок линия не была прямой — неведомый чуть менял угол наклона инструмента каждые два-три сантиметра. В придачу разорванные волокна лицевой стороны были по большей части загнуты внутрь, а не наружу. Догадка о том, что произошло, уже зрела в его разуме, но он отталкивал её от себя, словно нежеланного ребёнка.

Охотник вернулся к дому. Ло, против обыкновения, весь день провела на плато, но от участия в ловле отказалась, сославшись на головную боль. Теперь она сидела на лужайке, скрестив согнутые в коленях ноги, и чистила птичью клетку. Аваро шлёпнулся рядом, притянул девушку поближе, с не терпящей возражений цепкостью сжал пальцы на её рёбрах и чмокнул тонкую вену на виске.

— Кто-то разобрал укрепление двери. Судя по тому, как легко ему это удалось, он мог преспокойно влезть в дом, даже схватить нас во сне. Возможно, где-то поблизости до сих пор бродит злобный сервонец, — Аваро придал словам вызывающую невозмутимость и лишь под конец эффектно понизил голос.

— Угу.

— Ты знала.

— Конечно, уже давно. Я ведь это сделала. Надеялась управиться по-быстрому, но середину ты заколотил на совесть, — она выскользнула из объятий и отодвинулась.

— Этого я и боялся. Хорошо хоть, не стала отпираться. Так и вижу, как ты тайком, по ночам вылезала из тёплой постели, где час назад потакала распалённому шёпоту, усыпляя мою бдительность, кралась, как мышь, взбиралась наверх и по-паучьи потирала лапки, радуясь тому, что в очередной раз меня обманула.

— Чаше я работала с утра или днём, когда ты думал, будто я в долине, — в ровном

голосе Ло не было и намёка на раскаяние. — Нашла удобный путь отхода сразу на две ступени ниже, вздрагивала от каждого шороха, обливаясь потом под палящим солнцем, елозила старой тупой пилой, которой ты бы не хватился, — она с излишним рвением оттирала прутья от помёта и прятала глаза.

— Бедняжка, мне так тебя жаль. Но ты страдала во имя любви. Если быть конкретнее, во имя Анжа Ширма. Наверняка он тебя утешил.

— Что, прости?!

— Ты впустила его.

— Нет! Как бы я с ним связалась?

— Кого тогда?

— Никого.

— Врала неделями напролёт! Больше не куплюсь.

— По справедливости, это было утаиванием, а не ложью. Могу поклясться, что после нас дверью никто не пользовался. Пока.

— Чего же ради ты так старалась, изворачивалась?

— Я уйду в Сервон на будущей неделе. Никак не могла решиться рассказать тебе — боялась, что не поймёшь, попытаешься удержать силой. До сих пор боюсь.

— Ну и лицемерка! Мне даже заикаться нельзя было о том, чтобы покинуть Лим! Прошёл месяц, и вот ты уже сама готовишь побег.

— Точнее сказать, возвращение. Меня тяготит неоконченное дело. Проходить через эту дверь при моих обстоятельствах было ошибкой, безответственной поспешностью.

— Ждёшь, что я пойду за тобой?

— Мне бы этого хотелось.

— Всё ясно. Ты шпион Торди. Заманиваешь меня назад. Совсем за дурака держите?

— Ради всех благ! — Ло характерно закатила глаза. — Пойду одна, только избавь меня от бредовых подозрений.

— Как после всего я могу тебе доверять? Обманом проникла в мою постель...

— Проникла? Аварио, ты сам-то себя слышишь?! По-твоему, так всё было?

— Между прочим, вчера я проверил тайник. Ещё не успела стащить ключ? Ох, зря. Или ты без единого слова лжи выкладываешь всё о своих тёмных делишках, или я выкидываю его в реку.

— Обещаю рассказать, если ответишь так же честно, откуда у тебя этот ключ.

— Уже говорил: мне его подарили.

— Кто?!

— Фирб.

— С чего ему нарушать правила, предавать Торди ради мальчишки-чужака?

— Я мешал его амбициям, но он успел привязаться ко мне, поэтому предложил выгодное обоим решение.

— Но ты же охотился с ним вместе — должен был знать, как ключ попал к нему!

— Думаешь, Фирб раскрыл передо мной душу и поведал обо всех своих приключениях? Из скудных знаний о его методах предположу, что он просто снял отпечаток с ключа наблюдателей и отлил копию. Почему вообще тебя это интересует? Главное, мы здесь — по нашу душу до сих пор не пришли, значит, смирились и отпустили. Выкинь Сервон из своего сердца, забудь о нём.

Ло разочарованно молчала.

— Теперь твоя очередь.

— Не могу.

— Ты дала обещание! Попрошайся с ключиком, он отправится в брюхо форели.

— Есть в тебе хоть капля сострадания? Нет?! Ладно... Подобрать бы нужные слова... Я должна найти отца.

— ?! Вернуть с того света?! Или найти внутри себя? Причём тут Сервон?

— Он жив. Я и сама узнала только в десять лет.

— Бессмыслица какая-то!

— Мы не съели его. Не полностью. Когда очередь дошла до нашей семьи, никто в Анатри не отважился настаивать на том, чтобы мужа главы поселения разделявали прилюдно. Мама напоила отца дурманом, уволокла в подвал, где отрезала ногу, прижгла и подшила кожу, как умела. Оправдавшись тем, что её болезненной крохе нужно хорошо питаться, угостила селян одной лишь ногой, а меня, бессознательного ребенка, заставила на глазах у толпы обгладывать кость. Слава благам, воспоминания об этом меркнут с каждым годом... Месяц спустя она вынесла к захоронению чужой череп. Не знаю, все ли анатрийки ей поверили, но подозрений не выказывали. Я быстро свыклась с фактом, что отца нет, и только изредка допытывалась, что мама так подолгу делает в подвале. Спускаться она строго-настрога запрещала. С годами держать в неведении меня, слышавшую еженочно храп из подполья, было всё труднее, и она поведала историю спасения отца. Назвалась его защитницей, благодетельницей, но когда я, нарушив запрет, поговорила с ним лично... Она угрожала, что сдаст его на растерзание, если посмеет высунуть нос наружу или закричать, лгала о пришельцах, шастающих по округе в поисках беглецов, пугала каким-то договором с Сервоном...

Аваро захлёбывался собственной слюной — он непрерывно глотал до стойкого звона в ушах, но это не помогало. Мышцы лица отказывались слушаться, в то время как под рёбрами набирала силу буря, грозившая вскорости прорвать путь наружу и обрушить небосвод. С каждым словом Ло трещины в его подпорках расплзались всё шире — такие не закрепíš скобами, не зальёшь цементом, не спрячешь под слоем штукатурки.

— Отец умолял вызволить его — могла ли я отказать, зная, в каком аду ему приходится жить: в крошечной тьме, сырости и холоде, среди крыс, слизи и запаха собственных испражнений, с вечно гноящейся и ноющей раной, в полной зависимости от расположения духа матери? Тайком я пронесла в подвал лампу, инструменты и длинное бревно, из которого отец ночами мастерил худо-бедно устойчивый протез. Он знал об избушке в лесу, ведь много лет назад пришёл через её дверь в Анатри, чтобы спрятаться от преследования, но после всех ужасов и страданий мечтал вернуться назад. Сбежать с ним стало и моей мечтой.

— Почему ты мне не рассказала?!

— Я поклялась никогда и никому, ни словом, ни делом не выдавать его. До этого дня единственным отступлением от клятвы была записка с подсказкой, сунутая под твою дверь. И писала я, как могла, расплывчато, чтоб ты не шёл по пятам. Когда мы достигли Сервона, отец огорошил меня, рассудив, что двигаться вместе слишком опасно. Объяснил, как добраться к людям, уверил, что у него есть план, и пообещал найти меня, как только он осуществится. Неведение и одиночество были мне в новинку — я шевельнуться не могла от ужаса! Осталась караулить тебя на островке, куда отец заботливо переправил меня на плечах и где мы расстались... Попав в лагерь, я ждала и ждала, но он так и не вышел на связь. Снова

разжѐг надежду твой рассказ о хромом бандите, который обдурил целый отряд наблюдателей и украл ключ. Я ликовала, думала, он со дня на день придѐт за мной. Потом успокаивала себя, мол, после такого переполоха разумнее всего залечь на дно. Месяцами о нём не было новостей. Подмывало излить душу и попросить помощи, но Торди со своим демоническим чутьѐм отвадил меня, сделав единственного, кому я доверяла, охотником за головами. Я не посмела испытывать твою верность.

— А вдруг он уже мѐртв? Что тогда?

— Быть не может! Отец умѐн и хитѐр, к тому же урождѐнный сервонец, некогда авторитетный человек: много чего знает; у него остались тайники с деньгами, друзья, родственники, приспешники. Не верю, что он мог попасться. К тому же я, заклиная не мучить вопросами, упросила Анжа внимательно читать проходящие через него доклады и, если встретит упоминание безногого или хромого мужчины, пересказывать их мне. Последнее сообщение: похожего на отца человека разыскивают за пособничество в хищении провизии. Пусть даже его схватили — за кражи не казнят. Я должна узнать, что с ним произошло, а лучше увидеться. Клятые двери! Нельзя, нельзя было идти с тобой! Когда ты показал чѐртов ключ, в моей голове что-то предательски щѐлкнуло. Отчего-то мне возомнилось, будто ты заодно с моим отцом, будто он действует через тебя, а сам уже ждѐт за дверью или присоединится позже. Спросить напрямую по понятным причинам я не осмеливалась, к тому же он мог взять клятву и с тебя. Я доверилась судьбе. Напрасно! После того, как ты запер и заколотил дверь, после того, как я убедилась, что никто из жителей Лима отца не видел, я наконец осознала глубину собственной бестолковости и наивности. Дурацкая вера в чудеса! Я просто идиотка!

— Иди ко мне, — он обнял дрожащую в иступлении девушку. — Ты и так ждала дольше, чем он заслуживал: хладнокровно бросить беззащитного ребѐнка в чужом краю! Слышишь, ты ничего ему не должна!

— Аваро, не смей его судить. Он личность иного масштаба, ему наверняка помешали, заставили изменить план. Для начала я поговорю с Фирбом, может, он наведѐт меня на след, затем встречусь в безопасном месте с Анжем.

— Фирб мигом заграбастает тебя за дезертирство! Даже не мечтай! Я не пущу тебя.

— Ну, теперь у меня есть, чем держать наѐмника в узде. Он ведь тоже нарушил правила.

— Наблюдатели схватят тебя ещѐ раньше.

— Мы оба знаем, что ночью с ключом и знанием местности я обойду их без труда.

Аргументы кончились?

— Плевать мне на аргументы! Сказал же, выкину ключ! Нет, уничтожу: расплавлю и сделаю кулон. А после распилю дверь надвое.

— Хочешь, чтоб я отправилась в Сервон пешком без карты и оружия, мимо бандитов и пограничных отрядов? Для меня правда и долг ценнее жизни — если потребуется, я готова рискнуть, но сможешь ли ты спать спокойно?

— Мердо! Дай же мне подумать! День — нет, два. И даже не заикайся о побеге, пока они не истекут.

Эйфорический брачный период краснокрылых птиц-скалолазов миновал, и теперь они изнурительно часто проносились над крышей дома в поисках тучных жучков на корм прожорливым птенцам. У Авара оставался в запасе целый день, но дальнейшие размышления скорее усложняли дело, окуная в едкую безысходность и жгучий фатализм, нежели способствовали взвешенным заключениям.

"Упёртую овцу хоть палкой по сосцу. Я должен перехватить Фирба прежде, чем Ло с ним встретится. Есть ли иной способ, кроме как вернуться в загон вместе с ней?"

Он склонялся к отрицательному ответу. Удивлённый вскрик прервал одиночный мозговой штурм.

— Ты чего?

— У него что-то возле брюшка, видишь? — Ло показала на округлую вымоину в скале. — Ача! Залез в гнездо. Давай подождём.

Она замерла на месте, вскинув подбородок, Аваро, напротив, принялся нарезать круги хаотичного радиуса, но с неизменным центром.

— Уже собираешь вещи, а ведь я не озвучил своего решения.

— Ну, я-то своё давно приняла.

— Без меня там загнёшься.

— Всё возможно.

— Снова надеешься на чудо. Горький опыт ничему не учит?

— Вон он, гляди на шею!

Самец размером с ладонь прыгал от расщелины к выступу, помогая себе крыльями. Под одним из них белела широкая лента, скрывавшаяся на шее с противоположной стороны.

— Видишь? Запутался, бедняга.

— Слишком ровно лежит, аккуратно поперек перьев — люди повязали.

— Кто? Мы здесь одни.

— Важнее, зачем.

Краснокрыл тем временем добрался до верха уступа и остановился передохнуть, развернувшись к наблюдателям клювом. На груди, обмотанное лентой, болталось нечто.

— Не могу разобрать, что там.

— Скажи спасибо Ширму. Меньше возилась бы с докладами да планами, глазки были бы острее. Это бумага. Или посылка, в неё завёрнутая.

— Я слышала про почтовых голубей, но это же дикая горная птица. Как её вообще поймали? Колдовство какое-то.

— Или отправитель хотел, чтоб мы так думали. Приманить дикое существо трудно, но возможно, если знать любимое лакомство.

— Лимы рассказывали про Знахаря, будто он умеет разговаривать с птицами. Иначе откуда он знал, где гнездуются конкретно эта?

— А он и не знал. Наверняка переловил с десятков и на каждую повесил по свёртку. Заморочился, стараясь произвести на нас впечатление. Хотя... Делать всё чужими руками не слишком утомительно.

— Это так странно. Что ему могло от нас понадобиться?

— Зачем гадать, если можно выяснить.

— Ну и как снять послание?

— Прикончить птицу, само собой. Без сети и нужной приманки ловить её — напрасный труд. Метательный нож подойдёт идеально. Помнишь, в лесу, на второй день нашего блуждания по Сервону, когда я грохнулся с дерева? Ты справилась играючи, доказывая, что тебе стоит доверять. Вот я и доверяю. Но только в этом.

— Стоит ли скомканный лист бумаги от незнакомца того, чтоб из-за него убить?

— Решать тебе. Сможешь совладать с любопытством?

Ло криво ухмыльнулась и без колебаний отправилась искать подходящие ножи. Тщательно осмотрев и взвесив в ладонях каждый, она выбрала самый тяжёлый и тупой. Затем накарябала на стене дома отметки, отошла так далеко, что едва могла их разглядеть, и сделала серию пробных бросков. Первые пять отклонялись в лучшем случае на три сантиметра — тогда метательница сократила дистанцию, и дело пошло на лад, хотя в центр отметки нож воткнулся лишь в двух попытках из двадцати. За это время краснокрыл успел вернуться к гнезду, покормить птенцов и перелететь на другую скалу, много выше и неприступнее.

— Выгони его оттуда — приказала Ло, — иначе и тушка с посланием, и нож при падении улетят с обрыва.

Аваро запасся камешками. Он старался кидать легонько, чтоб птица не слишком пугалась, но медленно, по метру переползала ближе к дому. Половина снарядов даже не долетала до скалы. Когда краснокрыл сел в пятнадцати метрах над головой, Ло приготовилась. Момент казался идеальным для броска, но девушка зачем-то отошла в сторону и дала знак продолжать. Загонщик усомнился в правильности её решения: он хорошо знал, что горные птицы не терпят близости земли и человеческого жилища. Колеблясь, Аваро упустил момент, шарахнул слишком сильно — краснокрыл взлетел ещё до того, как камень коснулся скалы, и с потоком воздуха нырнул по дуге к нижнему ярусу плато. Ло резко развернулась и вполоборота, с неуловимым для глаза замахом отправила нож ему наперерез. Скорость реакции Аваро только и позволила, что оценить результат: птицу на излёте пригвоздило к одной из меток на стене дома. Жалобные трели не утихали — остриё вошло почти горизонтально в узел ленты на свертке, режущая кромка ножа глядела наружу и не могла причинить испуганному существу заметного вреда. По мере приближения ребят оно трепыхалось всё более отчаянно, пока не выпуталось из петли, оставив ленту с посланием болтаться на стене. Ошалелый краснокрыл чуть не упал на землю, но быстро пришёл в себя и с криком глубочайшей обиды упорхнул в гнездо.

Аваро вмиг позабыл, что минуту назад сомневался в способностях девушки. Ему хотелось расцеловать виртуозную метательницу, но та и не взглянула на него — уже вскочила на табурет, чтобы вытащить нож и снять свёрток. Когда ей это удалось посредством довольно опасного прыжка, парень не сдержался: схватил её под коленями, приподнял как можно выше и кружил, пока самого не замутило. Ло, довольно хихикая, развернула надрезанный лист бумаги и прочитала вслух:

"Творениям всем нам единокорным, что кличут именами Аваро и Ло*~#<×!

Луны на третьи сутки, во третий час после второй зари явиться звёздами завещано к подножию горы, дабы Убежище от суеты найти и приобщиться к истине ключу.

Вы обретёте ипостась иную, что Лимами благоволит именоваться отселе и навек. Гоните прочь опаску и сомненья, к тому ж мы приготовим вам увеселенья — разочарованными горцы не уйдут".

— Они точно не людоеды? Звучит как затуманивание мозгов. Умелое и интригующее. Ты смыслишь в лунном цикле?

— Третьи лунные сутки через четыре дня.

— Отличный повод задержаться! Ты не можешь уйти, даже не познакомившись со всемогущим Знахарем. О любопытных увеселениях вообще молчу. Чувствую, от души наржёмся с юродивых! Но оружие всё-таки прихватим.

— Где это видано, чтоб Аваро уговаривал меня сблизиться с людьми! Так заманчиво и так неправдоподобно. Звучит как умелое затуманивание мозгов — ты просто тянешь время. Без обид. Мне бы очень хотелось пойти туда с тобой в красивом наряде, вкушать яства, слушать высокопарную болтовню, подмигивать друг другу, хохотать весь вечер, а после целоваться где-нибудь в углу, но послезавтра я возвращаюсь в Сервон. Не могу ждать дольше: слишком много времени упущено... А это что?

Ло подняла с земли две охристые тесёмки хитрого плетения, выпавшие из свёртка. Одна из них замыкалась в петлю, образуя браслет, вторая была разорвана — нити по краям вовсю расползались.

— Похоже, атрибут причастности или пропуск на закрытое собрание.

— Увы, мой пришёл в негодность от броска. Это знак.

— Знак — это вмешательство сторонних сил, а нож ты метнула сама.

— Сильные личности сами творят свою судьбу.

— Откуда только в тебе эта идейность? От отца? И с ножами обращаться, наверное, он научил.

— Мама. Не всякое оружие подходит однорукому, зато в метании она достигла недостижимого совершенства. Мои способности — жалкая тень её мастерства.

— Но зачем маленькому ребёнку, к тому же девочке, такие умения? Тебя к чему-то готовили?

— На охоте всегда пригодится. Скука склоняет людей к искусствам, даже бесполезным.

— Ты, кстати, лицом всё больше напоминаешь однорукую вдо... Дихайту. А характером в кого?

— В отца, ясен пень. Мне чуждо стремление к власти и доминированию.

— Но упрямство и целеустремлённость от матушки.

— От обоих.

Аваро выхватил письмо у неё из рук и пристально взгляделся в текст.

— А что значат эти закорючки возле твоего имени? Целых пять штук.

— Понятия не имею, — голос Ло звучал шатко, словно акробат, балансирующий на двух гвоздях.

— Странно, как я раньше не задумывался об этом: что за имя такое — Ло? Короткое и бессмысленное. Таких не бывает, лимы это сразу поняли. Выходит, Знахарь и правда хорош — ясновидец, мыслечтец.

— Флуг постаралась. Ача, я ведь умоляла её сохранить секрет! Всем растрезвонила, а после спохватилась и велела исковеркать буквы, чтоб нельзя было прочесть. Даже переписать поленились! Не зря она показалась мне ветреной.

— Значит, чудаковатая иноземка заслуживает знать твоё имя, а тот, кому ты вверяешь собственное тело — нет.

— Не говорила я ей! Флуг сразу поняла, что имя неполное, и давай перебирать все слова на "ло". На правильном я, видно, чем-то выдала себя и долго потом не могла заткнуть

фонтан плоских шуточек.

— Ну, раз все и так знают, тебе не отвертеться. Говори.

— Ни за что!

— Там целых семь букв вместо двух! Обманула меня в три с половиной раза! Тебе должно быть стыдно.

— Не обманула, а сохранила в тайне.

— Опять за своё! Ло, ну что за ребячество? Всё приходится выдирать клещами. Это ведь несложно — произнести одно слово.

— Чертовски сложно.

— В таком случае я сейчас же иду к Флуг. Ты знаешь, что она расколется. И пытаться не придётся, расскажет с порога.

— Ради всех благ, не вынуждай меня. Ненавижу это имя!

— Обещаю не называть тебя им. Для меня ты навсегда останешься Ло.

— Правда?

— А как иначе. Ну так?

Она повернула голову вправо — от резкого движения прядь волос, скользнув по горловине ажурного платья, заискрилась с характерным треском, взмыла вверх и прилипла к щеке. Девушка невольно закрыла глаза и выпалила почти шёпотом: — Логилла.

— Я верно услышал? Ло-гил-ла?

— Да.

— От того самого слова?

— Да! — Ло силилась убрать с лица назойливые волоски, но они продолжали липнуть к коже. — С другим не спутаешь. Даже его звучание отталкивает. О чём только мать думала?

— Может, руководствовалась практическими интересами.

— Плевать мне на её интересы.

— Но имя, как ни крути, накладывает отпечаток на человека*.

— Ты это серьёзно? Обещал же, что ничего не изменится! Суеверный ханжа!

— Куда больше имени меня тревожит то, насколько долго и старательно ты его скрывала. Для чувствительного и стыдливого отношения нет иных причин, кроме той, что оно отражает твою суть.

— Тошнит уже от этой зауми. Меня заклеили ещё во младенчестве — вздорный древний обычай. Я не собираюсь нести ответ за это.

— А я не собираюсь тебя винить. В моей памяти ты всегда будешь просто Ло.

— Ах, ПРОСТО Ло... Теперь ты хочешь, чтоб я поскорее убралась отсюда.

— Прекрати выдумывать. И не смотри на меня, как на чудовище. Я хочу, чтоб ты осталась со мной. Всегда хотел.

— Но за Логиллой ты никуда не пойдёшь, так ведь?

— Мне и остановиться-то трудно — речи быть не может о возвращении. Наше предназначение — смело шагать вперёд, рука об руку в неизведанное. Сервон — пройденный этап, мне там не место. Да и тебе, только ты упёрто отказываешься это понимать.

— Дай ключ.

— Он твой, но если я значу для тебя больше, чем добыча, — ты передумаешь. Должна передумать.

Забрав ключ, Ло молча продолжила собираться.

Вечером она будто оттаяла: легла Аваро на грудь, позволила зарыться носом в свои волосы, пахнувшие, как стог сена. Ночью одаривала робкой лаской, пресекая разговоры поцелуями, а утро он уже встретил один. Долго-долго пытался разобраться, касались ли перед рассветом мокрые от слёз губы его щеки, или это был всего только сон.

**Старая примета гласит, что именами души усекают. Ортодоксальные родители опасаются слагать их из приятных эпитетов — в их толковании это значит установить предел всех добродетелей, которые чадо когда-либо приобретёт. Благотворнее начертить границу снизу, поэтому обычай требует выбирать на свой вкус некие пороки и их символы, дурные привычки, странности, мании, прочие несовершенства (обычно не слишком вредные для окружающих) и верить, что человеком много хуже того, что заложено в имени, потомок в будущем не станет.*

Главы общин людоедов особенно ревностно относятся к соблюдению традиции, поскольку она избавляет от нудных судебных разбирательств — имя уже содержит обвинение и доказательство, являясь основанием (предлогом, если угодно) для поглощения во искупление. В просвещённых городских семьях компрометирующие имена встречаются гораздо реже.

Аваро выпустил курицу на волю. В её кудахтанье слышалось скорее торжество, чем возмущение — она ещё не догадывалась, что вынуждена будет кормиться, греться и спасаться от ястребов без помощи хозяев. Аваро убил двух козлов. Сами виноваты: совали нагловатые морды, куда не следует, и нарушали его сосредоточенное одиночество. Аваро перебрал инструменты и наточил ножи — пропал только один. Аваро проверил деньги — все были на месте: и монеты, и бумажки. Лежал на острых камнях, покуда не начинали ныть почки и досаждают насекомые. Не мог уснуть ночью, а потому спал до обеда. Аваро вновь стал отсчитывать дни, порою часы, изредка — секунды. Казалось, Ло его испытывает и ждёт прямо за дверью. Или заманивает в ловушку. Аваро хватило духу повернуть ручку только на второй день — дверь оказалась запертой. Аваро силился понять, почему Ло лишила его права передумать, почему ушла так поспешно, оставив на распутьи, и выдвинул аж четыре предположения:

1. не хотела видеть его больше ни разу в жизни;
2. боялась, что бывший охотник за головами помешает её планам;
3. заботилась о безопасности возлюбленного;
4. вопреки имени, не желала вводить его в искушение.

Аваро разглядывал потемневшую брошку в поисках подсказки. Теплилась робкая надежда, что девчонка не воспользовалась порталом и прячется совсем рядом. Следом пришли и подозрение, что она удрала к очередному разодетому ловеласу, и страх, что её похитили.

Напоследок они с Ло говорили необычайно много и часто, но странным образом огибали тему, действительно имевшую значение: вернётся ли она и когда. Не успели поговорить и о чувствах — Аваро был уверен, что влюблённые так не поступают, и пришёл к накатанному выводу: его предали. Снова. В оскорблённом порыве Аваро заколотил дверь. Через три часа он оторвал доски, едва не повредив раму.

Единственное, о чём не хотелось думать, — признание, которое могло предотвратить уход Ло. Но ведь могло и сделать всё хуже. Мнимый поцелуй на прощание отраднее, чем взгляд, полный боли и презрения. Его мнение обо всей ситуации было хоть и банальным, но неоспоримым: если чему-то суждено закончиться, пусть оно закончится красиво.

Аваро сходил за водой. Аваро выпил две кружки и осознал, что для поддержания существования ему нужна жидкость иного запаха, вкуса и действия. Аваро вспомнил о приглашении в Азилон — третьи лунные сутки наступали уже завтра. Нежелание общаться с чужаками и отвечать на каверзные вопросы о Ло боролось в нём с острой жаждой лёгкости и забытья. Аваро надел плетёный браслет и впервые за долгое время уснул раньше полуночи.

Для начала кутежа лимы выбрали не самое удобное время, зато как нельзя лучше подходящее для кровавых ритуалов. Спуститься с полукилометровой высоты без угрозы для жизни возможно лишь при свете дня, что Аваро и сделал, а после вынужден был ждать больше двух часов на берегу реки в окружении беспощадных москитов. Заявиться на собрание раньше всех он не решался, памятуя о прошлом своём визите в Азилон, коим не гордился. Изредка до него эхом доносились весёлые перекрикивания, стихавшие после шиканья и ворчания — приготовления, в чем бы они ни заключались, шли полным ходом.

Заструившуюся по долине музыку Аваро воспринял как призыв. Прежде тёмный мост

освещался сотней свечей, приросших расплавленным воском к поручням, — благо ночь обещала быть безветренной. Дорогу на пригорок кто-то заботливо разметил оставленными в траве лампами. На подходе к дому Аваро замер, прислушиваясь, но не сумел за мелодией разобрать ни единого голоса.

Внутри Азилона всё было, как и в прошлый раз: то же убранство, та же мебель, даже народу не сильно прибавилось. За столом, обнимая ладонями кружки, сидели четверо разновозрастных мужчин — все незнакомые. К большому облегчению Аваро, они его приход проигнорировали, слишком увлечённые беседой на полутонах. Ухо выловило лишь обрывки фраз:

— ... заиграться не позволю...

— ... караван ушёл, не догнать...

— А если пожалеет...

Музыка доносилась откуда-то сверху — Аваро повернулся и увидел Веиндо, сидящего на ступеньке винтовой лестницы. В руках тот теребил красную шёлковую ленту, а на происходящее вокруг его внимания уже не хватало.

Запах из кружек напомнил гостю о цели визита. Короткими переставными шагами он обогнул банкетки и постучал в кухонное окошко. Барабанил целую минуту — без толку. Незнакомцы косились на него просто как на источник шума, не представляющий интереса. Прийти на выручку или объяснить заведённые порядки было явно ниже их достоинства, самый молодой пакостно ухмыльнулся краем рта. Спрашивать, где они взяли выпивку, Аваро не стал и подошёл к Веиндо. Тот не сразу поднял глаза: процесс узнавания начинался у него с ног, вернее, с ботинок. Больше всего времени ушло на туловище, казалось, он вычислял максимальную ширину объекта с точностью до миллиметра и сверял с картотекой в голове.

— Аваро, — выдал он утвердительно ещё до того, как взглянул чужаку в лицо.

— Виву, Веиндо.

— Нужна рука.

Увидев браслет, парень резво вскочил на ноги, опёрся о стену возле лестницы и продолжил наглаживать ленту. Ступени были настолько узкими, что на крутых витках спирали Аваро врезался бёдрами в перила и задевал плечом опорный столб.

На втором этаже его ждала другая реальность: царство красно-зелёного света, бархатистости, запаха воска, краски и древесной смолы, царство смеха, содрогания струн и журчания воды. В огромном пространстве пребывало восемь сущностей, не считая его самого. Аваро наблюдал проплывающие мимо яркие пятна, испытывая сладкие муки от разгадывания головоломки. Было непросто определить, человек ли перед ним, предмет обстановки, зверь или чудище; где у него лицо, есть ли на нём одежда, настоящий ли глаз ему подмигивает.

Аваро барахтался в потоке хаоса и рад был зацепиться взглядом за крепкую и непревзойдённо устойчивую фигуру в шароварах из расписной простыни. Как оказалось, не он один. Тау, превращённый слоями краски в медведя, пинками расчистил себе место на полу от подушек и после краткой разминки встал на руки. Когда он в прыжке развернулся спиной, перед зрителями предстала во всей красе длинноухая заячья морда. Пройдя в таком положении из одного конца комнаты в другой, через невероятное сальто акробат снова оказался на ногах. Затем он встал боком, согнулся будто бы в поклоне, поджал ближайшее к зрителям колено к груди, а руку вытянул вверх и изогнул под противоестественным углом. Из разрозненных штрихов на пальцах и ладони возникли клюв и глаз, перья на боку и бедре

слились в овал, по центру опорной ноги, выбеленной с внутренней стороны, заалели длинные лапки-тростинки. Бессмысленные по отдельности фрагменты стали отчётливым и цельным образом аиста. Все трюки: кувырки в шпагате, прыжки с вращением, скручивание в кольцо, балансирование на пальцах — совершались Тау с поразительной лёгкостью и быстротой. Этим маленьким представлением он хоть и аллегорически, но исчерпывающе ответил на немой вопрос Аваро, откуда в плотном массивном теле берётся ловкость и грация.

"Ло, если б ты только знала, что упустила! Где ещё увидишь такое?!"

Внимание Аваро переключилось на других лимов, в особенности на трёх полуобнажённых девушек. Про себя он дал им прозвища: тигрица, фруктовое дерево и морская глубь. Если у последних скудность одежд оправдывалась художественным замыслом, то три узкие полоски ткани, весьма ненадёжно прикрывавшие Тигрино, выдавали откровенную тягу к распутству. Мазки сажи крикливо подчёркивали округлости, шальные линии ныряли под набедренную повязку, провожая туда и нечаянный взгляд наблюдателя. С большим удивлением и толикой смущения Аваро признал в дикой кошке Сэнру. По хищному выражению мордочки он моментально понял, что его застали врасплох за бесцеремонным разглядыванием. Сэнра не преминула воспользоваться его уязвимостью и подошла ближе.

— Аваро, твоё сошествие — великая радость для всех нас! По правде говоря, я думала, ты отвергнешь приглашение. Напрасно я в тебе сомневалась. Стой здесь и никуда не уходи! — она метнулась в другой конец зала, тряся объемистыми бёдрами, выудила из моря подушек испачканный красками деревянный ящичек, схватила его под мышку и вернулась к Аваро с лучезарной улыбкой.

— Позволишь придать тебе надлежащий вид?

Он разрешил стянуть с себя рубашку, но менять брюки на тонкие панталоны отказался наотрез. Сэнра заворчала, что её лишают свободы творчества, усадила парня ближе к светильнику из красного стекла и приступила к разукрашиванию.

Процесс обещал быть небыстрым. Умиротворённый скольжением кисти по коже, Аваро жадно впитывал окружающее великолепие. Чердак разительно отличался от первого этажа и казался много шире, просторнее из-за отсутствия перегородок и мебели — последнюю заменяли бесчисленные подушки разных форм и оттенков да десяток подносов на ножках с лампами, курительными трубками и фигурными склянками неясного содержимого. Пол застлали мягкие ковры, а в центре зала возвышался хоть и нёмошный, но исправный фонтан из белого мрамора. О гидравлике Аваро имел весьма смутное представление и был опасно близок к тому, чтобы поверить, будто течь вверх воду заставляет волшебство. В чаше фонтана на деревянном блюде плавал ажурный серебряный шар со светильником внутри. Струйки толкали и вращали блюдец, из-за чего по стенам то и дело пробегали тени.

Лимы позволили Тау отдохнуть и обступили теперь молодого парня в образе овечки, игравшего на диковинном струнном инструменте. Его мерное бречание поначалу ввергало тело в тёплую истому, мелодии плавно вплетались одна в другую, и сложно было отследить момент, в котором они изменялись безвозвратно; но уже спустя полчаса их монотонность, безгласие, скудный на пыл характер начали утомлять, нагоняя тоску, мигрень и удушье — воздух перенасытился неприкаянными нотами, потяжелел и загустел до состояния дрожащего студня. Если бы руки Аваро не находились во власти Сэнры, он бы тотчас заткнул уши.

— Тебе нравится его музыка? — задал он вопрос, чтобы отвлечься от страданий.

— Я просто без ума!

— Отчего же в ней совсем нет слов? Только подвывание и мычание с закрытым ртом.

— Они излишни. Слова всегда всё портят, — и после многозначительной паузы добавила, — Ты знаешь об этом лучше многих.

Тау, заслышав разговор, подполз ближе и с нарочитым энтузиазмом вмешался.

— Мы в Лиме считаем, что музыка должна восполнять энергию жизни, а не отнимать её. Дельная мелодия прекращает напрасную работу ума, снимает избыточную нагрузку. Я пробовал для выступлений разную музыку и охотно подтверждаю — слова только отвлекают.

Аваро сообразил, что общение на любую тему в этой компании очень быстро зайдёт в тупик, и дал заднюю. Краска на спине вовремя подсохла — он откинулся назад, притворившись усталым, и спрятал уши между подушками. Краем глаза он заметил сзади кое-что удивительное и растянул мышцу шеи в порыве разглядеть получше. В углу сидел человек весьма специфической наружности: до крайности длиннорукий и длинноногий, с блестящей медной кожей, испещрённой черными веснушками, с гладкими пепельными волосами до пояса и неповторимой детскостью черт. Но сильнее всего впечатляли белёсые ободки вокруг зрачков — они прямо-таки светились в окружающем сумраке. Человек, активно жестикулируя, убеждал в чём-то приятеля, но внезапно оборвал разговор блаженной улыбкой, обращённой в противоположную сторону. Через минуту он встал (перекрытия мешали ему выпрямиться во весь рост), согбенно подошёл к музыканту, хлопнул по плечу, и тот мигом прекратил игру. Тишина даровала Аваро облегчение. Ему хотелось назвать чудака, кем бы он ни был, своим другом, может, даже обнять, однако уже в следующий миг тот извлёк из кармана флейту. Аваро готовился к новому кругу мучений, но полившаяся из волшебной дудочки мелодия оказалась лучшей из всех, что он когда-либо слышал. Низкие протяжные ноты уносили его над ветрами вдоль морских течений, кристаллизовались в голове витражами непрошенных панорам то ли прошлого, которое никогда не пройдёт, то ли будущего, которому не бывать. Внутренний голос заподозрил стороннее воздействие и забил тревогу.

— Мне так странно... Чувствую себя... выжженным.

— О, ты, верно, краски нанюхался, дружок. Она не совсем обычная, — поспешил успокоить Тау и загадочно подмигнул.

— Это с непривычки, скоро пройдет. Забыла предупредить: часть её компонентов впитывается через кожу — не переживай, их совсем немного, — Сэнра участливо сжала пальцы своего подопытного.

— Хватит с меня — пойду умоюсь в фонтане.

— Ну уж нет! Ты всё испортишь. Я же старалась! Терпение — пара штрихов, и свободен.

Пока она заканчивала, Аваро изучал свои предплечья. Глаза долго приноравливались к своеобразной манере художницы, прежде чем смогли разобрать в сплетениях смутных форм рой пауков и жутко извивающуюся сороконожку. Парень опустил голову — на груди вырисовывались стрекозы крылья, а через пупок к поясу штанов тянулось жезловидное синее брюшко.

— Что ж за гадость у меня на лице?

Она цокнула и отрицательно покачала головой.

— Я хочу знать!

— Незачем, мой хороший. Лицо дано человеку, чтоб его узнавали собраты, а не для любования перед зеркалом, — эффект от назидательного тона Сэнры был саботирован жеманной миной, кричащей, что она сплошь и рядом переступает постулаты. — Ты получил от меня аванс. Можешь не благодарить. Снова опережаю события: верить в людей, посланных судьбою — моя слабость.

— Что это значит?!

Аваро в замешательстве бросился к фонтану. Колеблющаяся вода не давала цельного отражения, но и четырёх расплывчатых пятен было достаточно. Умываться он всё же не стал — воспитание не позволяло отравить фонтан, из которого лимы время от времени утоляли жажду, хотя нельзя было исключать, что все они мечтали повторно отравиться.

Сэнра вновь настигла его.

— Вообще-то мне следовало изобразить куколку — невзрачную, ожидающую, статичную, но это уже не про тебя. Ты встал на путь перерождения.

Она провела пальцем по впадине вдоль его хребта от затылка до самых ягодич.

— Тебе нравится? — голос Сэнры звучал донельзя чувственно. Вместо ответа Аваро задал свой вопрос.

— Смуглый флейтист и есть ваш хваленый Знахарь?

— Что ты! Он гость издалека, привёз в дар лимам эти краски. Знахарь взамен наградил его откровением, боюсь только, чужак не слишком проникся, так как плохо знает наш язык. Жаль, что учитель целых три часа убил, втолдычивая очевидные вещи, вместо того, чтоб разделить этот чудесный вечер с нами и насладиться им сполна.

Аваро был так сильно поражён экстравагантной внешностью иноземца, что и не глянул на его собеседника.

— Представь меня Знахарю.

— Сейчас спрошу, готов ли он принять тебя. Не ходи за мной.

Сэнра с благоговением приблизилась к моложавому мужичку — неприметное лицо венчали островковая лысина и запущенная длинная борода, под широкими серыми одеждами могли с равной вероятностью скрываться как дряблые складки, так и крепкие мускулы. Перекинувшись со Знахарем парой фраз, тигрица махнула Аваро рукой.

Любопытство влекло его к плешивому идолу, но на первом же шаге от фонтана гостя ждало неприятное открытие. Ноги лишились привычной силы и твёрдости, а единственная опора осталась позади. Аваро вложил всю волю в разгон и помчался, надрывая жилы, преодолевая ватность тела, но к его ужасу — тупому, звериному, отчаянному — пространство отказывалось двигаться. Семь метров от фонтана до угла комнаты стали семью миллионами, семью непреодолимыми пропастями, семью топкими болотами. Его пригвоздило к одной точке или даже затягивало назад. Аваро охотно поучаствовал бы в серии смертельных забегов против людоедов, медведей и тигров, лишь бы высвободиться и больше никогда в своей жизни не чувствовать тесного обвития вокруг черепа столь незримых, сколь и неразрывных пут.

Внезапно всё изменилось, зарябило в глазах, и удостоенный аудиенции, не шевельнув даже пальцем, очутился на корточках подле Знахаря — глубокое дыхание вожака лимов заставляло колыхаться пряди на висках обоих. Знахарь сидел с безмятежным видом, словно и не заметил скачков в пространстве.

"Может, они стали для него обыкновением?!"

Минутой позже Аваро пришёл в себя и уверился, что ничего экстраординарного не

произошло. Во всяком случае, не для окружающих.

— Выпей вот это, — посоветовал Знахарь и вложил ему в руку матовый бутылёк. — Поможет от головокружения, рассеет последствия от тинктуры.

— Дурман?

— Настой. Собственноручно приготовленный. Отборный, безвредный.

Аваро был в неподходящем настроении для отказа от выпивки, но сохранил достаточно скепсиса к лимам, чтобы не пить до дна. Дрожащими руками он поднёс бутылку ко рту и сделал два глотка. Вкус напомнил густой ягодный сок, но с настаораживающей горчинкой.

— Почему тебя зовут Знахарем?

— Я знаю всё обо всех. Без исключений.

— Обо мне известно лишь то, что рассказала Ло твоим последователям.

— В этом есть доля правды — мои формулировки были неточными. Я могу не знать деталей твоего прошлого — они не представляют особого интереса, но мне открыто то, что сам ты видеть не способен.

— Речь о будущем? Каков же будет твой совет?

— Для начала: Бегун? Беглец?! Звучит жалко — забудь сомнительные ярлыки. Ты достоин зваться АТЛЕТОМ! Вот твоя суть.

— И в чём разница?

— Атлет не бежит от — всегда ради.

— Ага, если я буду бегать ради лимов, то наверняка спасу свою душу.

— Брось предрассудки, ты один из нас, ибо сознаёшь, как важно пестовать тело. Материя — основа сущего. А то, что глупые дикари научили тебя звать душой — всего лишь коктейль из страхов, несбыточных фантазий, вины, сожалений и страстей, отравляющий организм, влекущий болезни и преждевременную смерть. Это сбой, которого не должно быть в нас: взгляни на любое другое создание на земле — оно во внутреннем угнетателе не нуждается и проживает жизнь куда более приятную и счастливую, растворившись в богатых и многогранных телесных переживаниях.

— Но сбой этот зачем-то есть, и от него не унесут даже самые быстрые ноги.

— Отвар поможет, всегда помогает. Расскажи в мельчайших подробностях обо всём, что чувствуешь. Я весь обратился в слух, — потребовал Знахарь с маслянистым блеском в сощуренных глазках.

Язык Аваро развязался в одночасье, даже хуже — его понесло, словно кто-то другой занял тело и прорвал годами укреплявшуюся плотину. Бурные многотонные волны хлынули на кого меньше всего хотелось.

— Что чувствую? Леденящее рукопожатие убийственного озарения: меня сроду никто не любил. Но куда хуже, что я жил враньём ржавосердых! Всё, за чем я гнался, переполненный обманчивыми надеждами, оказалось фальшивкой, пустым звуком, раздутой, превознесённой людскими рассказами вознёй. Любая, даже самая великая мечта — красивая, но плоская, картонная картинка. Если б не эта брехня, я бы сдался в самом начале и остался чистым, невинным, подлинным — лучше быть жертвой этого мира, чем соучастником. Сделали ли они это намеренно, как делали из поколения в поколение их предки — вожди, жрецы, писари; или только со мной всё наперекосяк?! За одну ошибку — следствие невежества — меня вытеснила чужая душа, уже и не знаю чья, но порывы её вселяют ужас и омерзение!

— Зачем ты это рассказываешь? Мне нужно другое! — спохватился ошарашенный

Знахарь. — Ты очень странный экземпляр: снадобье не должно так действовать. Прискорбно, что в тебе даже больше варварского, чем я предполагал, — он умолкнул в раздумьях. — Ничего, мы с этим справимся. Сосредоточься на теле. Ему отраднo, просторно, тепло, ему безопасно, комфортно, легко — проще говоря, восхитительно! Зачем ты размываешь священные, ниспосланные великой милостью ощущения бессмысленной в масштабах вечности болтовнёй? Я физически осязаю твою боль, то, как сильно отравляет эта так называемая душа. Чей бы она ни была — первичной или чужеродной, она лишняя. Я помогу, заберу её. Материя во мне соткана из великой всепоглощающей энергии — мелочные страдания разбиваются об неё вдребезги. Мои методы избавили мир от десятка липких, вязких комков терзаний. Это мой дар, если хочешь, так же, как твой — бегать.

— Заманчивое предложение, но тогда мне не от чего будет бежать.

— Ты несерьёзен, а ведь я не сказал ни слова вымысла. Я всегда буквален, фигуры речи для низших, трусливых существ.

— Как же ты вытащишь из меня душу?

— Процесс кропотливый, но результативный. Это многоступенчатый обряд — не всё сразу. Да, будет трудно, но я чувствую, что ты нуждаешься в спасении. Жизнь твоя на волоске, разрушение идёт изнутри и идёт полным ходом. Но хватит об этом. Подумаешь завтра, а пока отринь мыслепотуги, сосредоточься на реальности: действие отвара недолговечно — запечатлей, распробуй сполна каждый миг глубинной первоосновой.

Аваро хотел бы последовать наказу, но стоило прислушаться к ощущениям, как начинало нестерпимо мутить и трясти, отнимались пальцы, в голове диковинно зудело, кожа то тут, то там вспыхивала огнём. Он не мог найти себе место и сколько-нибудь приемлемую позу. Не сумел постигнуть, о каком блаженстве вещал знахарь, но был по-детски счастлив век спустя возвратиться к родному обывательскому восприятию.

Только тогда до новообращённого дошло, что этаж почти опустел. Меднокожий иноземец продолжал самоотверженно дудеть, хотя усталость уже давала о себе знать сбивчивым ритмом и тяготением к разреженным коротким звукам. Аваро жадно испил из фонтана и устроил себе лежанку из подушек.

Сэнра куда-то исчезла вместе со Знахарем, но скоро вернулась и погасила пламя светильников. До восхода солнца, судя по всему, оставалось всего ничего, но единственное окно чердака закрывали ставни — свет в комнату мог проникнуть лишь с первого этажа через узкий лестничный проём. Флейтист ещё поигрывал вслепую, но постепенно смолк — видимо, задремал прямо с инструментом в руках. Аваро же вместо сна окунулся в размышления.

"Чего добивается от меня их вожак? А сегодняшняя аномалия! Он всего только хороший травник или взаправду колдун?"

Не успел парень определить с ответами, как ощутил плечом властное прикосновение.

— Разбудила? Извини, я так замёрзла, просто до дрожи.

Не дожидаясь ответа, тигрица приложила ухом к торсу Аваро и перекинула его руку через себя так, чтобы кончики пальцев задевали пухлую грудь. Её кожа обжигала — никакой дрожи он не заметил, но с трудом сдерживался, чтоб не задрожать самому. В довершение Сэнра обвила голенью его левую ногу, заставив почувствовать себя парализованным. С полчаса ничего не происходило, и Аваро отпустил вожжи. От результатов даже загордился собой: контроль ослаб, но вопреки всему желание отступило, и только смертельно захотелось спать.

Сквозь дремоту он уловил, — скорее чутьём, чем слухом — что Сэнра подзывает флейтиста. Долгих уговоров не понадобилось: тот приблизился и улёгся где-то выше их голов. Девушка высвободила руки — по шорохам и причмокиваниям стало ясно, что она обхаживает музыканта. Обстановка порядком раздражала. Аваро разлепил глаза и вознамерился идти спать на улицу, когда длинные пальцы медленно, с особой нежностью обвели края шрама на его шее и направились за ухо — не успел парень скинуть руку, как к делу присоединилась вторая. Эта легла ниже рёбер и настойчиво заскользила под пояс брюк. Аваро едва не исторгнул отрывистый стон, но из задворок сознания подоспело важное наблюдение: и размером, и мягкостью, и теплотой руки отличались. Он тут же подскочил как ошпаренный и попятился от их хозяев.

— Кóта фиканто!!

Голова полыхала от стыда и гнева — вся кровь, где бы она не бродила минуту назад, хлынула к лицу, пронизав его болезненными, как при ожоге, пульсациями. Аваро пытался нащупать в темноте одежду, дабы оскорблённо удалиться, но сластолюбцы его опередили и резво заскрипели ступенями. Хлопнула входная дверь. Аваро остался один в пустом доме и рухнул на пол там же, где стоял. На счастье, сон завладел им прежде, чем уколотившее в сердце одиночество растеклось по жилам.

Разбудил его дразнящий запах свежееиспечённых булок. Первым делом Аваро напряг слух, выясняя, есть ли кто рядом. Уши не помогли — он на ощупь добрёл до окна и распахнул створки. Яркий дневной свет, обычно ласковый, теперь выжигал глаза. Так и не привыкнув, Аваро отошёл вглубь комнаты. Он оставался единственным постояльцем чердака.

Аромат пряной сдобы тем временем заставлял внутренности сворачиваться в узел. Не без труда парень отыскал среди куч тряпья, брошенного лиманами, свою рубашку, оделся и проверил мелочь в карманах. Во что бы то ни стало он жаждал заполучить одну из этих превосходных булочек. А если повезёт, то и три. Даже перспектива столкнуться внизу с Сэнрой или ее краснокожим другом пугала не так сильно, как упущенный шанс почувствовать во рту забытый хруст свежей выпечки.

Аваро встал на четвереньки перед лестницей, осторожно свесил голову в проём и оглядел зал — посетителей не наблюдалось. Тогда он спустился и постучал в злополучное кухонное оконце. По дурному обыкновению, повариха не отозвалась. В отсутствие свидетелей претендент на булочку резко осмелел.

— Эй, стряпуха! Я голоден!

Возня на кухне была отчётливо слышна, из-за чего игнорирование уже походило на неприкрытую дискриминацию. Даже провокацию. Наука старика Охерна не прошла даром: по крайней мере, намертво вбила в голову пару расплывчатых терминов из политической теории. Преисполнившийся возмущением Аваро решил на отчаянный шаг — обойти дом с другой стороны и прихватить столько булок, сколько влезет в подол рубахи. Дверь на кухню была открыта. Он нагло ворвался внутрь и накинулся с обвинениями на седовласую женщину, отскребавшую нагар с противня.

— Сколько ещё мне горланить и пальцы отбивать, чтоб удостоиться твоего внимания?!

Женщина от испуга выронила противень из рук, завизжала и лупанула Аваро первым попавшимся под руку полотенцем. Она продолжала хлестать его куда придётся, пока не вытолкала во двор. Повернулся ключ в замке, и дебошир остался без булочки и объяснений.

Когда он от нечего делать вернулся в трапезную Азилона, за столом уже сидел Тау и с аппетитом поглощал хрустящий рогалик, запивая дымящимся травяным настоем.

— Как ты до неё достучался?

— Уметь надо. Эта женщина пришла в Лим с караваном лет пять назад, но так и не выучила ни единого слова из мезаяза.

— Так и знал, что она глупая и спесивая.

— Поспешлив же ты в выводах! Мой отец много странствовал с трупой и всякое видал. Как-то рассказал мне, что люди в том краю, откуда она родом, общаются всего двумя-тремя десятками слов. Да и словами в нашем понимании их не назовёшь — скорее, сочетаниями звуков. Может, их уши не способны воспринимать наш сложный язык, но мне охотней верится, что они не видят в нём смысла. Их общение завязано на интонациях — всевозможных оттенков не перечесть. Один и тот же возглас в разном тоне, с разной громкостью и протяжностью будет и значения иметь разные. С уроженцами того края можно разговаривать на любом языке, если только задавать правильные интонации. Беда в том, что среди сотен их интонаций ни одна не бьётся с типичными мезаязовскими. Представь: наша вопросительная для них звучит как грубая нападка, умоляющая — как признание в слабоумии!

— А стук? Я барабанил с минуту!

— Она в довесок глуховата. Люди часто шумят без повода — вредно реагировать на всё подряд, когда не уверен в своих способностях распознать их намерения.

— Ну и что же, а главное, как я должен крикнуть, чтобы купить еду?

— Не уверен, что ты сумеешь повторить. Давай-ка я сделаю это сам, а ты запоминай на будущее.

Тау оглушительно свистнул (кухарка так и не показала), а затем произнёс громогласно:

— Многооо ТЕСТО! зааа мнооого деньГИи.

Интонация циркача была непостижимо ломаной, но твёрдостью и запалом почему-то напомнила Аваро клятвы отваги и преданности, которые он в свои четырнадцать принёс народу Фоса.

Через считанные мгновения из окна вылезли две узловатые ладони: одна держала на весу крохотный поднос с тарелкой, полной булок, и стаканом, а вторая требовательно тряслась. Тау вручил кухарке горсть монет и поклонился. Окошко сразу же захлопнулось. Радостный Аваро рассчитался с лимом и набросился на еду. Первый рогалик исчез за два укуса, вкус второго успел отчётливо раскрыться на языке.

"Слишком много корицы и мало сахара — горечь вместо сладости. Вредина нарочно припасла для меня самые паршивенькие?"

Аваро через силу запихнул в себя третий, рассовал остальные по карманам и засобирился на плато.

— Кстати. Знахарь просил передать, что готов решить твою проблему. Спускайся послезавтра, я отведу тебя к нему.

— Проблему?! У меня нет проблем.

— Хорошенечко подумай. Дважды такое не предлагается.

— Спасибо, Тау, я как-нибудь разберусь.

Полуденная жара и нагруженный желудок поддерживали безмятежную истому в теле — желание взбираться на гору разом исчезло. За ночь гуашь на лице и груди растрескалась, и

теперь мерзко стягивала кожу, задерживала капли пота и вызывала жуткий зуд. Аваро выбежал к реке, беззастенчиво скинул одежду и с головой отдался живительной прохладе.

Остаток дня Аваро провёл на лужайке у портала. Ежечасно дёргал ручку, прикинул ухом к двери, но среди отзвуков Сервона так и не уловил голосов. Здесь же и заночевал — прямо на траве под звёздами. Он поклялся себе: если до утра Ло не соизволит присниться или как-то иначе дать о себе знать, то больше никогда в жизни он не приблизится к этому portalу. Даже случайного взгляда на него не бросит. Более того, запретит себе подыматься на вершину.

Едва он после бесчисленных оборотов вокруг своей оси ступал на порог страны сновидений, плато ревниво требовало его внимания: то сверчки заводили пронзительно жалобные трели, то накрапывал безразличный мелочный дождик. В конце концов Аваро уснул, да так крепко, что по пробуждении голова была, как дырявая кастрюля.

"А вдруг всё-таки приходила? Сны часто забываются. Нет, это глупое оправдание. Её я бы точно запомнил".

Знак был подан. Больше незачем ждать. Дикарь откололся от конгломерата и в кои-то веки принадлежит себе.

Слово Аваро сдержал и, обходя взглядом дверь, вернулся в дом. Начавшийся ливень надолго запер его внутри. Дырявая кастрюля со скуки подлаталась, и в неё тут же плеснули не первой свежести варёва из терзаний и чаяний. Собрав всё мужество в кулак, хозяин воскресил в себе прагматического мыслителя.

"Думать резонно только об одном: что делать дальше".

Изобретать новые манёвры атлету (или всё же беглецу?) не хотелось, коль скоро на горизонте маячили отворённые порталы. Аваро доверял им без оглядки. Лучше или хуже, сытнее или голоднее, строже или ласковей — он давно перестал сравнивать мирки между собой. Они всякий раз оказываются другими — что ещё нужно?

Не определился Аваро только с одним: стоит ли по пути заскочить к Знахарю.

"Что такого важного он может поведать? Чем помочь? Чудесное избавление от тревог, наваждений, тягостных воспоминаний... Это облегчит существование тому, кто жаждет начать жизнь сначала, без мрачной печати прошлого, без ненависти к людскому роду... А что если эта ненависть мне нужна? Может, я до сих пор цел только благодаря ей?"

Аваро решил ничего не решать на этот счёт. Завтра он просто спустится в долину и уточнит у первого встречного направление до заветной развилки. Если его остановят, ненадолго задержится в Лиме. Не дольше, чем на день. Один день ничего не изменит.

Тау не назначал ни времени, ни места встречи, но уже стоял посреди моста, когда Аваро проходил мимо с котомкой за спиной. Циркач приветственно вскинул руки и пальцами обеих сложил слово ViVu, легко читающееся издалека.

— Ты здесь весь день караулишь?

— Велика честь. Напрягаться вне трюков? Ну уж нет. Я устроил славный пикник на Азилонском холме, расположился со всем возможным комфортом и прихватил бинокль — любовался, как ты ползаешь по скалам. Увлекательное шоу. Взял бы тебя в подмастерья: ловкости в пору. Правда, силы недостаёт, но это дело наживное.

— К сожалению, вынужден отказать. Я ухожу из Лима.

— Мы чем-то тебя обидели? — лицо Тау резко исказилось, будто он готовился

заплакать.

— Уж точно не ты. Просто я не вижу здесь для себя чего-то... Ничего не вижу.

— Люди многое не замечают, пока не уткнутся носом или не расшибутся лбом. Что поделать, и у прекрасных созданий есть изъяны. К чему спешить, друг? Не можешь же ты знать будущее! Знахарь и тот затрудняется глядеть вдаль.

— Покажешь, где дорога на Лаку?

— Без проблем, с удовольствием проведу до самых дверей, только заглянем сперва к Знахарю.

— А иначе никак?

— Не-а.

Тау привёл его к заброшенной на вид дощатой лачуге без окон и усадил на лавку в сырой и тёмной прихожей.

— Подожди минутку, сообщу о тебе.

Сопровождающий тихонько постучал прерывистой дробью и, не дожидаясь разрешения, вкатился в освещённую лампами комнату. Дверь за ним стремительно закрылась — Аваро не успел ничего разглядеть. Тьму вокруг теперь рассекали только узкие лучики, пробивавшиеся сквозь зазоры между досками. Он надеялся, что хлипкая перегородка не утаит содержания беседы лимов, но те обошлись без слов.

Время шло — гость недоумевал, чем занимаются эти двое. Тау слишком задержался.

"Сколько можно ждать?! Это уже издевательство!"

Терпения хватило ещё минут на двадцать. Закипающий Аваро тихонько поднялся, опасаясь скрипа ветхой лавки, и вихрем влетел в комнату с тем, чтобы застать интриганов врасплох. К его удивлению Тау внутри уже не было.

— О, Атлет! Всегда рад тебе. С чем пожаловал в мой кабинет?

— Пожаловал? А не вы ли меня пригласили?! Ещё и Тау отправили конвоировать.

— Я не могу держать ответ за поступки своих братьев. Раз Тау так сделал, значит, посчитал нужным. Или сама судьба в его лице свела нас здесь.

— Не верю ни единому слову!

— И правильно! Спешу обрадовать: мои способности не ограничиваются риторикой. Кажется, в нашу первую встречу ты жаловался на одну проблему, мешающую равновесию и целостности. Я в силах устранить её здесь и сейчас.

— А как же "долгий многоступенчатый процесс"?

— Есть способ его ускорить.

— Дайте угадаю: вы прибегнете к колдовству.

— И да, и нет. Позволь описать ритуал, а дальше сам решишь, готов ли к нему.

— Позволяю.

— От Повреждённого требуется записать на пергаменте худшее воспоминание — кошмар, неизменно заставляющий содрогаться. Целостный читает его шёпотом и сжигает в пламени лампы, заправленной особым образом. Ты ведь знаешь, что мозги — это жир? Жир хорошо горит. Разумеется, мы используем свиные.

"Что-то я не видел в посёлке ни одной свиньи," — заметил про себя Аваро.

— На втором листе должно быть лучшее воспоминание. Его громко озвучиваешь ты сам и вручаешь мне на вечное хранение. Затем черёд снадобья — много сильнее того, что я давал тебе пробовать. Сочетание ценных ингредиентов различного, иногда противоречивого действия в концентрации предельной для мечущегося разума. Тебе будет казаться, что

рассудок, а вместе с тем и контроль ускользает. Это обязательный этап. Если сумеешь побороть внутреннее сопротивление, ритуал удастся, и ты очистишься от груза прошлого, мелких обид, дурных наклонностей.

— А если не смогу?

— Уйдёшь таким же, каким пришёл. Правда, есть у снадобья и побочный эффект: в редких случаях оно пробуждает связь с неиссякаемым источником энергии. Так было и со мной. Это не та магия из детских сказок, что сверкает искрами, застилает дымом. Она не столь нарочитая и не всякому бросается в глаза: меня посещают видения, подсказывающие верный выбор, часто я вижу людей насквозь и спасаю их от гибели, будь то хворь или несчастье. Достаточно лишь искреннего желания. Но самое важное — я всегда знаю, что делать. Жизнь посвящённого озарена высшим светом и изобилует смыслами.

— Ну, раз люди для вас раскрытая книга, прочтите мои мысли.

— Признаюсь, желания подобного во мне нет, но, если требуется, возвращу его. Дай мне коснуться лба.

Знахарь подошёл вплотную, небрежно откинул длинные пряди с лица Аваро и приложил большой палец выше его переносицы. "Повреждённый" с трудом сдержал смех. Он был уверен, что сочинение туманных тезисов займёт добрых пять минут, но учитель лимов моментально разразился потоком слов.

— Ты мыслишь себя опустошённым. Я же ясно вижу переполненность. Ты веришь, что вмещаешь две души. Я же чувствую, как эту голову раздирают сотни духов, и ни один не желает тебе добра. Ты думаешь, они овладевают твоей волей. Я знаю, что поводишь ещё у тебя. Но это ненадолго. Ты не сможешь сражаться вечно. Чего я не понимаю, так это почему ты то несёшь потери, то бежишь с поля боя, вместо того, чтоб положить войне конец.

Аваро отпрянул к стене, потупился и притих. Сказанное отпечаталось на его лице двумя вертикальными складками в том месте, где был палец Знахаря. После долгого молчания они разгладились.

— Я могу умереть от снадобья?

— Только если пожелаешь.

— А ОНИ точно сдохнут?!

— Ответ тот же.

— Я желаю. Сделайте всё, чтоб они исчезли.

— Начать должен ты. Помни: сомнения — наипрощайший враг обновления. Или ныряешь в омут с головой, или не окунаешься вовсе.

Знахарь выдал два листа пергамента, карандаш, книгу с твёрдым переплётом; указал на глубокое кресло с подножьем, а сам забрался на низкий табурет, обнял колени и прикрыл глаза. Он мог сойти за дремлющего, но Аваро знал, что за ним наблюдают из-под ресниц.

Парень в растерянности обвёл взглядом тесный кабинет. Драпированные чёрной парчой стены были до самого потолка загромождены полками, и только дальний угол пустовал. Ткань в том месте прилегалa неплотно и еле заметно колыхалась.

"Так вот как слинял Тау! Френеза! Обязательно выскажу ему, что фокус никуда не годится".

На полках стояло всего четыре дряхлых книги, зато несметное число банок. Прозрачные хранили сушёные травы, ягоды, корни, но внимание Аваро привлекли таинственные сосуды из матового стекла. В ближайшем угадывался огромный глаз (явно больше человеческого), в дальнем копошились яркобрюхие пауки, хотя на поверку эти образы

вполне могли оказаться плодом бурного воображения.

Одна из ламп горела ярче других — Аваро счёл, что именно она заправлена кашицей из мозгов. Даже запах разложения начал мерещиться — он-то и помог с первым воспоминанием.

Излияние на бумагу сокровенного затянулось. Аваро не лукавил, когда признавался Ло, что пишет из рук вон плохо: каждое слово давалось со скрипом, резавшим внутренний слух, зачёркивалось и вновь выводилось по многу раз, предложения вроде и описывали события, но были лишены чувств и подобающей силы. К тому времени, как "Повреждённый" смирился с результатом, "Целостный" утратил бдительность и дремал уже довольно натурально. Прежде чем окликнуть его, Аваро перевернул использованную вместо планшета книгу лицевой стороной. Буквы, некогда золочёные, были почти стёрты чьими-то влажно-настырными пальцами. От названия осталось только "Бр.з. ы у. ва..я".

Знахарь выхватил расчёрканные листы и пробежал глазами первые строки, сложенные кривыми загогулинами. В выражении лица промелькнуло замешательство: он далеко не сразу сообразил, где какое воспоминание. Наконец он кашлянул и приступил к чтению. Шёпот звучал зловеще.

"Близился праздник весны. Община предвкушала веселье после голодных месяцев. Нужна была жертва — без неё не будет урожая — так нам говорили. Мне и маме.

Отец готовился ещё с рождения. Он отличался от всех: четвёртый, лишний ребёнок в семье. Его хотели вырастить килограммов до десяти и скормить старшим, отсюда и имя — Виандо. Ранняя смерть двух братьев сохранила ему жизнь, но любви родителей только убавила.

И вот час платы настал. Я видел, как вождь отнял его левую ногу. Отец кричал, но меня это не трогало — мне было семь, а я видел такое уже много раз.

Хуже было дальше. На третий день после празднеств мать доверила мне позаботиться о нём. Я привык, что заботятся обо мне, что отец — сильный зрелый мужчина. И вот жизнь его зависит от глупого ничтожного мальчика. Прежде сдержанный, уверенный в себе, теперь он стонал, корчился и плакал от боли. Я не мог постичь эту перемену, но кое-как сменил повязку, совладал с отвращением и запахом гниющего мяса. А на столе лежал добротный кусок того же самого, но вполне аппетитного, залитого сладковатым маринадом. Я не знал, чем кормить отца, и подал ему эту тарелку. Виандо глянул на неё — лицо снова стало каменным, непоколебимым. Он злобно отвернулся и процедил сквозь зубы: "Это уже не моё". Больше наедине с отцом я не оставался. Я боялся. Теперь знаю, что он нас боялся куда сильнее".

Читая, Знахарь прохаживался по комнате, а когда закончил, резко повернулся к столу и склонился с пергаментом над лампой — не той, что горела ярче, а той, чьё пламя трепыхалось, коптило, плевалось искрами.

— Да забудется дурное. Возвращаю лучшее воспоминание — простись и с ним. Только вслух.

Голос Аваро задрожал, и был тут же насильственно снижен до баса, отчего весь рассказ приобрёл излишне трагический тон, хотя местами отдавал и фарсом.

"В ночь перед жертвенным забегом я вглядывался напоследок в скопления звёзд и представлял, будто все они связаны меж собой тончайшими, но неразрывными нитями, не позволяющими им разлететься в разные стороны или, столкнувшись меж собой, спалить всё сущее. Я хотел, чтоб нити прошли меня насквозь, хотел раздарить себя другим без остатка,

обосноваться в их памяти, забиться в их жилах свежей кровью. Я чувствовал себя частью прекрасного вечного цикла.

Твёрдая вера, что меня примут с рукоплесканием, благодарностью и слезливой любовью, что одной моей жертвы хватит преобразить созвездие изнутри, наделила меня величественным покоем и смирением.

А потом я увидел падающую звезду. Какой-то миг, сияющий росчерк озарил разум щемящим осознанием, что мир куда глубже, а у меня и шанса не было его узнать. Та звезда по таинственной милости вырвалась из цикла. Что-то во мне загорелось повторить её судьбу и до сих пор не затухает — греет и сжигает".

Знахарь протянул ладонь, но с этим воспоминанием Аваро расставаться не хотелось. Он зачем-то приложил листок ко лбу, а затем принялся складывать и складывать, покуда не слепил ком.

Колдун в нетерпении вырвал свёрток, разгладил и вложил в книгу с верхней полки, заодно прихватил и пяток склянок. В глубокой миске он растолок сухие стебли, — Аваро узнал запах белены — сдобрил горстью разноцветных семян, собрал споры навозника клейким соком кровоточащего гриба, приправил всё то ли прахом, то ли пеплом и каплей желтоватой эссенции, из бутылка с которой хлебнул и сам, не поморщившись, но заметно побледнев. Затем плеснул в миску кипящего отвара из котелка и как следует размешал зелье, сулившее ядрёный вкус и лютное действие.

— Готов ли ты испить из чаши обеляющего покаяния?

— Уже поздно для попятной.

— Это верно.

Аваро сделал пару глотков, стараясь не дышать, и обрадовался, что ощущает лишь вполне терпимую горечь корнем языка, но не прошло и минуты после опустошения миски, как снадобье фонтаном вырвалось из желудка наружу — он едва успел вытянуть шею, чтоб не испачкать рвотой одежду.

— От тебя требовалось так мало! Всего-то подавить внутреннее сопротивление. Ты осквернил ритуальный ковёр и обесценил мои старания, невежественный дикарь!

— Если бы я умел подавлять, вовек бы не оказался в этом сарае.

— Отныне держи свой рот на замке. Во всех возможных толкованиях.

Насупленный Знахарь повторил приготовление, немного изменив рецепт: обошёл без пепла, уменьшил горсть семян и разбавил отвар чистой водой. На этот раз дегустатор пил медленно, что помогло нутру смириться с консистенцией снадобья. Внезапно ослабевшая рука с миской дрогнула, и густой осадок скатился по смазанному желчью подбородку на подлокотник кресла. Зельетворец этой оплошности не заметил — Аваро накрыл лужицу рукавом в страхе снова подвергнуться гастрономической пытке.

Долго ждать эффекта не пришлось. От последнего глотка задвоилось в глазах — в самом буквальном смысле. В копиях предметов было мало любопытного — то ли дело вторая голова Знахаря! Она жила собственной жизнью: корчила рожицы, раздувалась, трескалась, летала по комнате, но периодически застревала в точках, где пребывал оригинал случайное время назад.

Фантомы ознаменовали капитуляцию способности удивляться — всё происходящее казалось естественным, даже неизбежным. И всё-таки Аваро испытал глубокое облегчение, когда головы наконец слились, чтобы больше не разделяться.

Следом пришла дрожь в теле от чьего-то навязчивого, хоть и бессловесного желания,

долбившегося снаружи о череп. Намечался бунт. Отдавшись интуиции, Аваро связал сигнал с источником и сумел расшифровать: кресло под ним стремилось заползти на потолок. Он перенёс мозг в спину и чуть ниже — для разведки — и ощутил тончайшую вибрацию от плавного скольжения ножек кресла, опасаящихся привлечь внимание живых к дерзкой передислокации. Им удалось оболванить Знахаря, но чуткий пассажир раскусил козни и переместил ступни на пол — что называется, бросил якорь. Кресло уступило воле человека.

Аваро по-прежнему тошнило. На всякий случай он разинул рот до хруста в челюсти и задышал пугающе глубоко и часто, проветривая желудок в бредовой надежде, что сквозняк выдует лишнее. Возвративший ингредиенты на полки Знахарь нахмурил брови, но затем ласково улыбнулся, будто опомнившись.

— Преддверие. Скоро трансфер, Повреждённый.

Носоглоточные мехи прервали работу — что-то задвигалось по пищеводу, и Аваро наклонился, готовясь срыгнуть, но вместо жидкости из горла полились чужие слова с чудаческими нотками в незнакомом сипловато-шипящем голосе.

— Ты смел назвать меня повреждённым? Повреждённым не хватает кусков, у меня их в избытке. Да я не то что не ущербный, я больше любого из людей во всех измерениях: вверх, вбок, вглубь, в корень. Я даже выше Верховного, представляешь? А я видал его вблизи — он далеко не карлик. Впору и с Низовным потягаться. Устроишь аудиенцию?

— Откровение о переполненности истинно. В ней и состоит повреждение.

— Ты несёшь бессвязную чушь, идол отбросов. Так не бывает. Если я где и повреждаюсь, всегда нахожу, чем сделать заплатку. Во мне много всякого — всё пригождается. Уууоооп! Да? Что? Да! Книги в Сервоне украшают химерами. Слышал (таких? Пред тобой живой пример. Я отрежу от других, сколько нужно, да пришью себе. И всё заживёт. Видишь этот шрам на шее? То-то же.

— Потому ты и мечешься в тревоге — с таким подходом вскоре останутся только позаимствованные части. Воистину мудрое решение в том, чтоб избавиться от последней из твоих, и мир установится сам собою. Это и зовётся обновлением.

— Мозг настолько обновился, что случайно обнулился.

— Больше ни слова, Повреждённый! Сил нет слушать твои речи!

— Нет сил? А что ж неиссякаемый источник энергии? Подзатух? Или твой пропуск к нему истёк? Только не дуйся, а то я сам начну. Верни-ка лучшее воспоминание, срочно нужно переписать.

— Невозможно.

— Я там наврал. Вспомнилось другое, поживее. В облавах я всегда бежал в первых рядах. Хоть и не хватал добычу, но толк с меня всё же был. Я нарезал круги или кидался наперерез — замедлял и сеял смятение. За это мне давали выбор, с какой части тела взять кусок. Матери я притаскивал обрезок с грудины или крестца, а сам любил полакомиться запечённым над костром языком. Когда Фосцы, да и я вместе с ними, чего таить, загнали дядюшку, до чего ж приятно было вонзаться зубами в тот язык, что ворочался во рту лишь затем, чтоб унижать отца да цыкать на каждое моё слово. Не повторяй чужих ошибок: не стоит меня затыкать. Да и не выйдет у тебя.

— Ах, так? Что ж, труби, труби. ВСТАТЬ! Руки по швам!

Конечности Аваро повиновались. Едва ли он придавал этому значение — он их попросту не чувствовал.

— В углу циновка. Расправь и ляг.

Разум ещё сообразить не успел, о каком угле речь, а руки уже выполнили первую команду. Кажется, стоило испугаться, но страх запаздывал. Из чистого упрямства Аваро попытался помешать себе лечь. Ничего не вышло. Мозг забыл, как двигать всем, что ниже шеи. Да и он ли управлял языком? Как бы в подтверждение двоевластия изо рта вырвался истошный крик.

— Где Ло?! Моя Ло! Та нежная, преданная, шаловливая девочка. Куда её спрятали? Ты же знаешь всё. Отвечай!

Вопрошаемый насмешливо скривился и полез в ящик стола. Послышался звон металла.

"Неужели ножи? Всё-таки людоед!"

Сиплый голос продолжил.

— Напрасно зубоскалишь. Я не об этой пустышке, Логилле, что поплелась сюда шпионить за мной для Верховного. О моей, о настоящей ты и понятия не имеешь! Её подменили в Сервоне, пока я разъезжал по службе. Точно! Её забрал Ширм! Закрыл в своём шкафу и выпускает, только чтобы поразвлекаться.

— Зачем ты надобен правителю Сервона?

Знахарь бросил чехол с орудиями возле циновки и весь обратился в слух. Пока рот отвлекал внимание, обломок Рассудительного Аваро краем глаза разглядел торчавшую из мешка рукоять.

"Тонкая, целиком из металла. Какой-то инструмент".

Он сосредоточился на своих ногах — корпел над тем, чтобы пошевелить хоть пальцем, но инородный голос вновь сбил с толку.

— Верховный признаёт во мне опасного соперника. И недаром! Хочет стать мной. Все хотят. Это же очевидно. И только ты, всезнайка, не допетрил.

— Ложь. Я знаю наперёд каждый твой вдох. Ты сама заурядность — нудная, плаксивая, мнящая себя великой и мудрейшей. У меня таких были десятки, уже оскомину набил твой подвид! — брызгал слюной лим, теряя самообладание.

— Тут мы схожи: оба любим себя, обоих тошнит от других. Вся эта шушера бездушная нас душит мишурой. Тебе нужен достойный противник или... не менее достойный соратник.

Знахарь подуспокоился и достал из мешка крохотное кольцо, заострённую спицу, пинцет и молоточек.

— Это чтобы усилить эффект. Источник не позволит отпустить Повреждённого, пока нет уверенности, что он получил то, за чем пришёл.

— Ты обещал убить ИХ, а не меня!!!

— Разве? Да и кто ты? С кем имею честь? Атлет не сумел подавить сопротивление. Мой долг спасти тело от большого разума.

Аваро лихорадочно вспоминал форму приказа, который отдавал ступням всего десяток минут назад, но память вряд ли могла с этим помочь.

— Прежде я делал операцию через глазницу, но с тобой попробую иначе. Хочу извлечь и изучить образец, понять, в чём причина хвори, чтобы не только лечить, но и предотвращать. Видишь, я забочусь о людях и даю тебе шанс им послужить.

Знахарь склонился над неподвижным телом со взглядом чуткого мясника и вставил в ноздрю распорку в виде кольца. Подопытный почти не чувствовал манипуляций — его сознание захватила идея, как вернуть контроль. Идея сумасбродная, но грезившаяся резонной.

"Нужно призвать своих двойников. Копию головы, копию ног. Они застревают в

мгновениях прошлого, обретают с ним связь. Когда я поглосю их обратно, связь перейдёт ко мне".

Холодный метал вошёл в ноздрю. Раздался стук молотка — череп содрогнулся. Аваро не знал, глубоко ли проникла спица, много ли он уже потерял, и старался об этом не думать. Голос решил подыграть.

— Стой! Мне нужно больше зелья! Это адская боль!

— Ты и так извёл уйму ингредиентов.

— Дай любого дурмана! Иначе я буду орать на всю деревню, что ты грёбаный изверг и живодёр!

Знахарь с тяжелым вздохом прервал пытку, предусмотрительно убрал инструменты на стол и направился к полкам. Сколько Аваро ни шурился, каким вымышленным сущностям ни молился, двойники не являлись.

— Садись. Пей.

Снадобье было совершенно прозрачным — обычная вода с парой капель эссенции. Аваро возблагодарил рот за то, что глотал медленно. Контуры предметов сразу стали размываться. Он глянул на ноги — вторая пара ступней медленно, но верно отделялась от тела.

"Но как увидеть свою голову?!"

Рот замедлился ещё сильнее и толчком языка наклонил край миски ближе к подбородку.

"А ты находчив, кто бы ты ни был".

Не дыша, Аваро охотился на собственное отражение. Тёмный овал, впадины глаз, очертания завитка над ухом.

"Вот оно! Поймал!"

Скоропалительный вывод, неосторожная радость. ПОЧТИ поймал. Из наклонённого вперёд носа в миску закапала кровь. Пустила рябь, затмила свет красными разводами. Резкий выдох отчаяния напрочь стёр отражение.

— Хватит. Дай сюда. Ложись.

Спица вторглась в ту же ноздрю. Всё, что оставалось Аваро — забавляться копией своих ног, успевшей обойти полкомнаты. Как и ожидалось, она застряла у подножья кресла, будто снова пыталась помешать тому улизнуть. Аваро крепко вцепился в фантом глазами и резко перевёл взгляд на исходники. Наслоенные друг на друга, ноги отталкивались, но воля хозяина удерживала их вместе.

Потрошитель привстал за молотком — рука с орудием бросила на жертву тень. Аваро представил, что всё ещё сидит в кресле. Ноги слушаются. Ноги сильные. Ноги — лучший подарок мироздания. Они всегда спасают.

Следующим, что увидел Аваро, было перекошенное лицо Знахаря. Удаляющееся лицо. С выбитым из лёгких стоном он летел к противоположной стене, раскинув руки в надежде ухватиться за стол и остановить падение. Стол пошатнулся и мозговая лампа, приземлившаяся в полушаге от мягкого ковра, разбилась об пол. Вместе с ней разбилась и голова Знахаря, но сознание он не потерял, как не потух и огонь из лампы. Густое топливо медленно растекалось по полу, пока оглушённый лим поднимался, зажимая редкими волосами кровоточащую рану. Начал заниматься ковёр. Следующей на очереди была циновка под Аваро, который дёргал ногами изо всех сил, но туловище, само собой, поднять не мог — разве что сдвинуть вбок на какой-нибудь сантиметр ценой нечеловеческих усилий.

— Кто дозволил тебе лягаться, фауло?! Верно, сам бес! Что ж ты натворил!

Знахарь нелепо подпрыгнул на месте, рванул к котелку и вылил остатки отвара на горящий жир. Моментальный взрыв ослепил обоих, и даже Аваро почувствовал сумасшедший жар. Ошмётки кореньев прожёл ему штанину, горе-пожарный с леденящим душу криком отлеплял второй от своей руки. Большая часть жижи теперь оказалась на драпировке — парча горела гораздо лучше плотного ковра и отдельные очаги быстро соединялись.

— Ты всегда знаешь, что делать, — позлорадствовал Аваро. — Это нас и погубит.

— Встань и помоги, окаянный! — без конца кашляя, взмолился Знахарь. Он пытался сбить пламя маленькой холщовой салфеткой.

Одурманенный пациент уже не подчинялся чужим командам, но и хозяина тело не слушалось. Аваро по-прежнему мог двигать только ногами.

Загорелись доски перегородки — нет, уже всю пылали в каком-то метре над головой. Стало тяжело дышать. В самый неподходящий момент вернулись чувства. До сердца дошло, что это конец истории вздорного дикаря-одиночки. Больше не будет дверей. Не будет гипнотического мельтешения дороги, когда проносишься мимо событий на рождающей ветра скорости. Не будет душистых яркоглазых ночей. Не будет Ло. Как не будет боли, нервной дрожи, препятствий — не будет гонки. Последний привал, конечный пункт.

"Так вот за чем я пришёл," — запоздало сообразил Аваро. — "Я проглотил многих, но кто успел отведать меня? А уж тем более распробовать. Кому такой сухой и жёсткий пришёлся бы по вкусу? Неважно. Глотнуть бы напоследок ещё зелья. Не хватало еще чувствовать, как горят ноги".

Волевым усилием он подтащил тело вплотную к столу и закинул на него ступни, чтобы нашарить драгоценную миску. Знахарь тем временем бросил попытки потушить огонь, с пинка открыл потайную дверь и скрылся из виду. От потока свежего воздуха стало легче, но языки пламени тоже напитались силой и резко удлинились. Аваро недолго смаковал одиночество под умиротворяющий треск досок — хозяин кабинета вернулся в плотных перчатках за банками с ингредиентами. Часть из них уже полопалась от жара, но и для спасения уцелевших потребовалось три захода. Аваро с горем пополам зажал между каблуками миску и с замиранием сердца двигал к краю стола.

"Если упадёт, пусть хоть возле лица".

Вбежавший в очередной раз Знахарь вырвал миску из захвата, махом опустошил её и грубо оттолкнул ноги парня, отчего тот повалился набок.

— Ах ты тварь! — процедил Аваро сквозь зубы.

Тварь бесстрастно взяла его за запястья и поволокла к выходу. Прикусив язык, Аваро суетливо перебирал ногами, не желая волочиться хребтом по раскалённым доскам.

Знахарь оттащил его далеко от горящего сарая и с размаху бросил головой на гравий. Со всех сторон неслись лимы с вёдрами воды. Мелькнуло лишь одно знакомое лицо.

— Тау!! — на волне экзальтации заорал спасённый. — Тау, дружище! Фокус полное говно! Иди же сюда! Слышишь?

Циркач не слышал. Вид его был суров, а разум — сосредоточен на тушении пожара в сакральном доме. Подкопчённый еретик волновал его меньше всего.

Аваро так и лежал на дорожке из гравия. Рядом сновали лимы: кто не замечая, кто косясь с омерзением или скорбной миной попанного радушия. Пока культисты потели, Знахарь перекладывал с места на место свои банки, разглагольствовал о возрождении,

обнимался с приближёнными (особенно тесно с только подоспевшей Сэнрой), да прихлёбывал из бутылка с эссенцией.

От сарая почти ничего не осталось, и толпа понемногу рассасывалась. Убедившись, что за ним не наблюдают, Знахарь невзначай приблизился к Аваро, нависнул над ним так, что лысина забликовала на солнце, а длинные, тёмные от крови патлы с боков зловеще облепили лицо, и произнёс снисходительным тоном:

— Если не исчезнешь из Лима до рассвета, тебя выпроводят к друзьям — головорезам. И не пеняй на меня: я тоже человек, и тоже под властью снадобья. Повреждённый дал согласие на ритуал, Целостный вёл к гармоничному завершению. Надо признать, ты докучливый чирей: насочинял такого, что я и впрямь поверил, будто искореняю чистое зло. На твоё счастье, всё сказанное суть бред и пустое бахвальство.

Простим же друг друга. В знак примирения я сделаю всё от меня зависящее для восстановления равновесия. Отправлю подручного, чтобы спалил твой дом на горе так же, как ты спалил мой. Боюсь только, что этого мало, ибо мы не равны. Мой долг предостеречь: Источник найдёт способ покарать тебя, и кара будет мучительной. Прощай.

Аваро остался один. Вперил безразличный взгляд в руины сарая. То проваливался в глубокую яму помешательства, то выкарабкивался из неё. Уже начинало темнеть, когда он сумел приподнять плечи, а затем медленно оторвать спину от земли. Чего-то не доставало. Пустые озябшие руки напомнили о котомке. Одежда и припасы, конечно, сгорели, но инструменты и посуда вполне могли уцелеть. Изгнанник доковылял до места, где не так давно были сени — пепелище ещё дышало жаром. От лавки осталось несколько обугленных досок, котомка же просто исчезла.

"Ушные пожарники прибрали к рукам всё, что плохо лежало. Путра фечо! К чёрту, обойдусь. Прямиком на Лаку, не сворачивая до самой развилки".

Он не знал, где именно дорога, но с трудом представлял, чтоб она проходила по высотным ярусам, так что решил двигаться вниз по реке, повторявшей изгибы ущелья. Жадно напился, отёр от копоты лицо и ладони, хотел набрать воды впрок, но вспомнил, что его фляга теперь у какого-нибудь пухломордого стяжателя, который вовек ею не воспользуется, но будет шлёпать по пальцам всякого, кто покусится её одолжить или выбросить. У таких ворованный хлам зовётся трофеями.

Долина раздавалась вширь, изрезанные контуры плато отсюда угадывались лишь теми, кто с ним знаком не понаслышке. Тропинка вдоль реки превратилась в каменистую дорогу для двух всадников или скромной телеги.

Когда Аваро достиг развилки, ночь уже вступила на престол.

"Вправо, влево, вперёд, вправо, влево, вперёд, вправо, влево, вперёд, вправо".

Дурацкая считалочка на пальцах. Детишки из Фоса, ещё не знакомые с математикой, верили, что решает палец, с которого начнёшь. Глупо. Важны количество вариантов и порядок слов. Уж он-то, взрослый, это знал, хоть и забыл. Результат, несомненно, подтасован.

На ум пришло раскрутиться на месте и встать на носочки с вытянутой, как указатель, рукой, но это ещё глупее и проще в фальсификации. Соломинки разной длины — всё так же ненадёжно.

"Как бы пригодилась игральная кость! И почему до сих пор ни один властитель не удосужился чеканить трёхсторонние монеты. Отличный способ войти в историю. Не хуже других, во всяком случае. Бесплезные жоаки: снова всё решать самому".

Далёкие звёзды тоже могут слепить. Для Авара это стало открытием. Каждый клочок неба мерцал: месяц уже успел скрыться. Сотни новых, незнакомых светил — жаль, человеку не упомянуть все.

Благодаря картинке в одной из книг Охерна он представлял пустыню полной зыбкого раскалённого песка, в ветреную погоду забивающего каналы связи с внешним миром, названные в другой книге органами чувств. В воображении возникали песчаные холмы и даже горы, приходящие в движение от лёгкого касания, непредсказуемые, способные за мгновение схоронить целый караван. Эта пустыня была иной: прекрасная ровная поверхность всюду, докуда мог дотянуться притуплённый сумраком взгляд, устойчивая и твёрдая, но упругая. Идеальная горизонталь. Вот она — свобода. Никаких преград, ни единой кочки на пути. Ни кустика, ни ветерка, ни звука. Какое бы действие ни предпринял путник, какой бы неосторожный шаг ни совершил, какой бы громкий крик ни издал — ответа не будет. Равнодушная неизменность, материализация вечности. Бежать и бежать до самого её конца.

И он бежал, почему бы нет? Отказываться от щедрого дара слишком бестактно даже для дикаря. Эталонный забег с могучим противником. Иногда Аваро засыпал, — так ему казалось — а ноги продолжали нести тело вперёд. Часа через три он признал поражение с тем, чтобы взять реванш завтра, и рухнул на голую землю, как подкошенный.

День возвестил о себе болью. Если б не она, Аваро проспал бы сутки или двое. Пятнисто-пунцовую кожу нестерпимо жгло, нос и голову разрывало так, что захотелось проверить, не застрял ли внутри обломок спицы.

Аваро заставил себя ползти. Стойко подмывало вернуться. Не на плато, конечно же, а хоть к реке. Ещё лучше отправиться в Лаку. Привести себя в порядок, поесть трактирного супа, наведаться к лекарю, выспаться на мягком матрасе. Хорошо, хоть карманы лимы не обчистили — кое-какие деньжата имелись.

Откуда же он прибежал? Никаких ориентиров, кроме солнца. Растрескавшаяся глина была настолько сухой, что хоть прыгай на ней, следов не останется. Если дожждаться темноты, может, он и вспомнит созвездия, пронесившиеся над головой. Но звёзд было так много, и все незнакомые...

Каждое движение сопровождалось взрывом в голове и тёмными разводами в глазах. Искать тени негде. Как и воды. Аваро с трудом разломил и перемолол кусок глины, щедро посыпал ею мокрые от пота волосы, натёр грязью шею, после чего перевернулся на живот и поджал под себя обожжённые то ли пожаром, то ли солнцем предплечья. Он ждал ночи.

Защитные меры подарили час весьма условного покоя. Дальше терпеть жару, жажду и скуку заблудший не мог, хоть и пытался убедить себя, что движение всё только усугубит. От мыслей о боли он изнывал даже больше, чем от самой боли.

Встал. Сделал шаг, затем второй. Огляделся.

"На такой равнине дверь видна километров за пять — толщина волоса в общем масштабе. За пару часов я удалился на все пятьдесят. Без убеждённости в направлении человек начинает ходить кругами. Да, перед сном я повалился ногами в ту сторону, откуда бежал последние десять минут, но одному знахарю ведомо, сколько раз до этого я отклонялся от прямой на секундное деление циферблата. В чужие звёзды веры нет — путь

назад веет смертью. Нужно выбрать направление по солнцу и впрягаться сейчас же. Выжать из мышц всё возможное. К вечеру я при любом раскладе буду засолен и высушен, как бараний окорок".

Аваро выбрал запад: начавшее клониться к горизонту солнце не позволит сбиться с пути. Ноги сразу же рванули в полную силу, и боль ожидаемо достигла апогея, но чем большую скорость набирало тело, тем проще было от него отрешиться.

Бег в никуда без ориентиров напоминал плавание под водой: изо всех сил толкаешь от себя однообразную толщу, но она не двигается — время останавливается, пока не вынырнешь за глотком воздуха и не поймёшь, на сколько отодвинулся берег. Берегом сейчас был центр небосвода. Солнце оказалось на полпути от него к горизонту, когда Аваро сделал вынужденную остановку. Загасив чудовищную инерцию, он плюхнулся на колени и удобрил бесплодную почву зеленоватой жижей.

"Этого ещё не хватало! Губительное расточительство".

Как ни странно, после изматывающей пробежки боль в голове подутихла, но вот распухший нос из-за частого дыхания саднил до одури. Аваро гневно поковырялся в ране — на пальце осталась кровь с черными крупинками. Тогда он оторвал лоскут от рубашки и целиком запихнул его в ноздрю.

Теперь бег обрёл ещё одно сходство с нырянием — воздуха постоянно не хватало. Скорость от этого не пострадала, но вот продолжительность заплывов сократилась. Приходилось останавливаться каждые пять минут, чтобы как следует отдышаться, благо жара отступала.

Странник и рад был бы вопреки здравому смыслу воспринять закат как спасительный сигнал к отдыху, но ответ предстояло держать не перед командиром, которому можно присесть на уши с жалобным нытьём, а перед хладнокровным инспектором. Он явится уже скоро и без предупреждения: взвесит, обнюхает, подсчитает пульс. Время на стороне соперника — долгий привал заберёт больше, чем даст.

Безумно хотелось пить. Пустыня наказывала вторженца за нетерпеливость и своеобразие. Признав ошибку, он пошёл на компромисс: разрешил себе поспать два часа, но обмануть жажду сном не удалось. Глаза высохли, во рту не осталось слюны, просвет горла будто склеился. Горизонтальное бдение тяготило и удручало. В довершение резко похолодало, налетел хлёсткий ветер, напомнив, кто здесь хозяин. Голые руки, шея, уши основательно продрогли.

"Чтобы согреться, нужно двигаться, но я не могу тратить силы впустую. Как и отклониться от курса".

Аваро догадывался, что ход луны, как и солнца, подчиняется неким законам. Они глубоко волновали полуграмотного дикаря и, кажется, многим из людей, с которыми его сталкивала судьба, были предельно ясны, а расспросить так и не довелось. Для самого важного момент всегда неподходящий.

Месяц взошёл уже давно, но только сейчас путник заметил, что тонкая дуга со вчерашнего вечера перевернулась, — за одну ночь из растущей обратилась в стареющую — отчего-то вспомнились слова Знахаря о неотвратимой каре и захотелось ощупать лицо на предмет морщин. Серп к тому же завалился на круглый бок, став похожим на кривую ухмылку.

"Тёмное предзнаменование".

Не удержавшись, Аваро провёл грязной ладонью по щеке: кожа ощущалась сухой и

шершавой, но до складок было далеко.

Некоторое время он наблюдал за траекторией луны и пришёл к выводу, что она тянется за горизонт вслед за солнцем, хотя и сядет чуть южнее. Подсказка сподвигла заблудшего продолжить путь. Он вбил в голову поправочный угол от мысленной дуги до блекнувшей желтизны у горизонта и старательно выдерживал после того, как последние следы заката стёрла тьма.

В попытке унять лихорадочную дрожь Аваро перешёл на бег — незримая рука тут же сдавила сердце. По всей груди разлилась тупая боль, к которой присоединилась отрывистая пульсация в висках. Снова оказаться беспомощно распластанным на холодной земле и чувствовать, как ледяное дыхание ветра разметает по пустыне угли подкожного костра, он был не согласен. Гнев на тело захлестнул разум.

"Поблажки хочешь? Надеешься разжалобить? Меня-то?! Хрен тебе! Всем вам! Чтоб этот отдых стал вечным? Больше никаких уступок".

Сдружившись с болью, атлет полетел вперёд с удвоенным рвением. Перед глазами всё смешалось — он уже не оглядывался на безнадёжно отставшую луну. Предчувствие близости пика, дребезжа, глушило сознание, застилало суще: ни удушье, ни рвущаяся тетива вен не могли замедлить полёт стрелы, которой стал Аваро.

"Пусть вся энергия жизни до капли, крошки, до крупницы обратится в скорость. Расточительство? Нет же — наивысшая щедрость".

Вот и пик, а за ним исход. Непросто было из разлетевшихся по мирам обломков собрать заключительное слово. Перекрикивая ветер, опустошая лёгкие, Аваро огласил скомканное пространство:

— Эй вы, давшие мне имя, знайте: я его преодолел!

Ком в сердце — причудливое ощущение. Странное. И гнетущее, само собой. У него есть название. Кажется, он слышал от Охерна... Теперь не вспомнить.

"Зашоренный, но такой родной старик. С тобой я встречу куда скорее, чем с..."

Кровь застыла, ноги подкосились. Из последних сил Аваро перевалился на спину, чтобы отыскать хоть чью-то улыбку. Рогатая луна исчезла, уступив небо звёздам.

"Кому понадобилось ставить дверь в нескончаемую пустыню? Должно же быть какое-то обоснование! Может, прежде, давным-давно на этих землях располагалось что-то иное, что-то важное? Тщетное блуждание ума: пустыни рождаются не за год, даже не за сотню. Я всякий раз ищу смыслы в людских поступках и ошибаюсь. Они — не я. Но можно рассудить из собственного опыта. Чем стала эта дверь для изгнанника? Иллюзией отвратимости смерти. Отличный способ избавиться от лишних, не запятнав рук кровью, и оправдаться, что их судьбу решит природа или удача".

Едва очнувшись, Аваро осознал, что быстрее больше не будет. И вообще атлетом. Ноги отзывались неохотно, внутри всё лежало в руинах. Пустыня забрала кусок его сердца, зачем-то пощадив иссохшие мозги. Видимо, оставила на десерт.

"Тошнотворная слабость. Даже красивой смертью обделили. Ну и кто из нас скупец?!"

С натугой калека приподнял голову. Пейзаж изменился: идеальную горизонталь то тут, то там нарушали холмики песка, сквозь который пробивались кусты частью игольчатые, частью с соблазнительно выпуклыми, мясистыми листьями; вдалеке небо пронзали громоздкие, размытых очертаний столбы — Аваро принял бы увиденное за мираж, но возвышений было как минимум три.

Первым делом он подполз к молодому ростку. Ленясь напрягать мышцы, затолкал его в рот целиком и перекусил у корня. Листья были кисловатыми, но с влажной кожицей и сочной мякотью. Желудок прикинулся утешенным. Встать Аваро не пытался. Проникающе тёплая поверхность песка приятно отличалась от глины обволакивающей бархатистостью. Сегодняшний солнцепёк уже не мучил и мало походил на летний зной.

Гигантский уж продолжал пресмыкаться от куста к кусту, не стыдясь устраивать привал каждую минуту. Да, пустыня победила, скрутила его, но протеста этот факт теперь не вызывал. У хорошей змеи гибкий хребет.

Больше пяти часов занял путь по холмам: песчаные островки перемежались с каменистыми выступами. Наконец перед глазами выросли обглоданные ветром кости древних гор. Не три, а десятки, все разных размеров. Аваро в удивлении приподнялся на коленях — для человека с чуть худшим зрением их формы сошли бы за рукотворные: торчащие из земли ладони, лица, морды, женские фигуры на любой вкус, вазы, бокалы, мосты, ворота, башни. Отдельно стоящие и скученные, массивные и точёные, красно-жёлтые и сероватые. Прежде скрытые от приземлённого взора холмами, на горизонте обрисовались высоченные горы, некоторые со снежными шапками.

Покорять вершины для калеки сейчас было слишком, и он сосредоточился на насущном. С помощью плоского камня разрыл песок в трёх местах — из самой глубокой ямы у подножия скалы проступила вода. Налакавшись, он почувствовал шевеление жизни в себе и вокруг: заметил снующих повсюду непуганых ящериц, следы и норы тушканчиков, двух вороноподобных птиц. Для охоты у него были только камни — к смертоносному броску трясущиеся руки оказались не готовы.

Аваро проглотил отвратительных на вид и вкус жучков и к закату набрёл на высохшее русло реки, вблизи которого окопался для ночёвки. Несколько раз парня будили змеи, но сил на страх и борьбу не хватило, и его оставили в покое.

На следующий день вдоль русла стали попадаться заросли кустарников и низкие деревца. Пустыня вымещалась — измотанному путнику не терпелось очутиться там, где её власть растает, но как только он с шага переходил на лёгкую трусцу, сердце разрывалось, а конечности холодели и переставали слушаться.

Повсюду копошилась мелкая живность — две ящерицы пали жертвой не самого талантливого метателя камней. Страдая от голода тем более остро, чем ближе была пища, он всё же вспомнил про огниво в кармане и заставил себя собрать немногочисленные сухие ветки. Дрова прогорели моментально, едва подрумянив добычу. Много мяса Аваро перепробовал за свою недолгую жизнь, и кто бы мог подумать, что самым лакомым окажется полусырая ящерятина. Увы, роскошный обед несколько его не насытил.

Местность становилась всё более изрезанной, по руслу побежали разрозненные грязные струйки. Вверх по течению ручьи постепенно наполнялись водой и к вечеру слились в настоящую горную реку.

Живописная скала, безжалостно разлучённая с материнской грядой арканом русла, пленила Аваро. На узком берегу этого островка он соорудил простенький шалаш, ознаменовавший конец скитаний. Быть может, преждевременный.

Жизнь у реки подарила Аваро желанный покой. Целую неделю он питался лягушками, черепаками, редкой рыбёшкой — торчащие рёбра уже не скребли кожу изнутри, сердце тревожило всё меньше и не чинило препятствий примитивным занятиям. Досугом же стали

размышления о прошлом и будущем. Был ли у него план? Рассудок на пару с опытом подсказывали, что единственный выход из отшельничества — пересечь крутые горы. Душу гложило другое: если даже он придёт в себя настолько, чтобы отважиться на их покорение, вопрос "зачем?" так и останется без ответа. Новый подвид сомнений: раньше всё решали двери, спрашивать было некого. Перспектива навеки застрять в шалаше под скалой в полном одиночестве иногда вселяла ужас, но всё чаще расценивалась как милость для человека с тяжким бременем, забракованного и лишённого последней отдушины.

От настоящего отмахнуться тоже не получалось: истинная дикость требовала отточенных навыков и устроенного быта. Пару раз Аваро видел у водоёма зверька, похожего на лису, только гораздо мельче и ушастее — он заинтересовал охотника не столько мясом, сколько мехом. Ночи были всё такими же суровыми, на островке почти не осталось хвороста, так что пяток шкур значительно упростил бы жалкое существование изгнанника.

Между кустами на другом берегу он соорудил ловушку с петлёй из лоскута собственных брюк, а чтобы повысить шансы, использовал приманку в виде дохлой ящерицы. Наутро силочка сработала, приманка исчезла, только вот петля болталась пустая.

"Неужели эта лиса настолько сообразительна, что догадалась обойти ловушку, да ещё и вывела её из строя? Не верится".

Охотник решил было, что это проделки хитрой вороны, но, подойдя ближе, разглядел отпечатки лап на влажном песке — довольно свежие и направленные исключительно в сторону реки. В полном замешательстве Аваро протиснулся между кустами и увидел то, что меньше всего ожидал. Человеческий след. Ещё более свежий.

На секунду парня пронзило радостное возбуждение, но он взял себя в руки.

"Кто знает, как настроен местный народец. У меня нагло увели добычу. Не слишком дружеский поступок".

Отложив подозрения, Аваро внимательно изучил отпечаток.

"Его хозяин, должно быть, невысок и худощавого сложения. Нужно поторопиться, если хочу застать его врасплох".

Других следов не нашлось: прибрежный песок сменился каменистым склоном. Аваро поднялся на грядку по самому пологому её участку и осмотрелся. Он бывал здесь и раньше — внизу на километры и километры никаких поселений. Тогда он окинул взглядом соседнюю, более высокую и голую скалу. Стремительное движение близ боковой стены. Длинные чёрные волосы, узкая загорелая спина, меховая юбка. Фигура скрылась в расщелине между двух огромных валунов.

— Эй! Подожди!

Аваро кубарем скатился в ложбину, но последующее восхождение далось ему тяжело: каким бы глубоким ни было дыхание, воздух не насыщал.

Расщелина оказалась сквозной — за время возни преследователя воришка мог убежать очень далеко. Прочесать всю грядку, лесок, пустыню за ними и суток не хватит, а всё-таки любопытство подталкивало упорствовать. Аваро блуждал до самой темноты, но не обнаружил ни жилищ, ни углей от костра, ни обглоданных костей животных. Лишь кое-где были поломаны ветви кустов и деревьев — без какой-либо системы. Голод заставил его вернуться к лагерю. Мимоходом Аваро ещё раз глянул туда, где нашёл след, желая удостовериться в здравии собственного ума. Упругая поверхность мокрого песка разочаровала совершенной гладкостью.

Глаза Аваро, едва открывшись, выпятились из орбит. Помогла им в этом чужая рука, сжимавшая горло. Верхом на его туловище сидела маленькая, но жилистая девушка с блестящей желтоватой кожей и чёрными глазами, полными бесовского огня. Хрупкие колени удерживали локти Аваро прижатыми к земле, а вторая ладонь зажимала рот и нос, из-за чего пленник почти не мог дышать. Он заморожённо глядел снизу на острый подбородок, вклинившийся между полными бурдюками груди, покуда воздуха в лёгких не осталось, и тело не начало судорожно брыкаться. Его потуги вызвали шальную улыбку на смуглом лице — бёдра девушки сползли чуть ниже, ёрзнули взад-вперёд, словно примериваясь, после чего заплясали в неистовом темпе.

Удивление Аваро достигло таких высот, что он проснулся по-настоящему. Никакой девушки рядом не было — его душила собственная рубашка, а точнее, застёгнутая пуговица, натянувшаяся на кадык.

По привычке Аваро мысленно извинился перед Ло, но тут же отругал себя за бесхребетность.

"Сдурел?! Давно пора вычеркнуть её из жизни и перестать оглядываться. Нелепо стыдиться жажды перемен".

Искупавшись в реке, парень набил желудок улитками с щавелем, после чего наловил ящериц и поставил три ловушки вдоль берега.

Следующую ночь он бодрствовал, а за час до рассвета отправился проверить улов — одна лисица попалась, но охотник ждал зверя покрупнее. Оставив трупик висеть, он устроил засаду чуть поодаль в кустах и накрылся листьями дерева, напоминавшего пальму с книжных иллюстраций.

По всей видимости, он задремал, потому непроизвольно вздрогнул от шороха веток. Край солнечного диска показался над горой — из укрытия видно было только согнутую спину: вор замер, прислушиваясь. Аваро затаил дыхание. Прошла целая минута, прежде чем незнакомец выпрямился — с добычей в одной руке и копьём в другой развернулся к скале. Лицо скрывали густые волосы, а тонкие конечности не внушали опасений.

"Он вооружён, но я справлюсь. Ринусь в ноги и повалю на землю, под моим весом не сможет даже шевельнуться".

Охотник рывком встал и прыгнул вперёд, но воришка успел среагировать и сам сделал выпад в сторону, выставив копьё. Несмотря на толстый слой грязи с копотью на лице и рост немногим меньше среднего, ошибиться было трудно: перед Аваро стоял ребёнок. По ширине груди и плеч, по размеру головы — лет десяти отроду. Кажется, мальчик, хотя длинные волосы и ресницы придавали ему девчачьей миловидности. Заострённые черты не выражали испуга или смущения. Взгляд спокойный и уверенный, даже насмешливый. Цветом кожи воришка походил на гостя лимов, а вот белёсых ободков вокруг зрачков не было и в помине.

— Кто ты, фавуло?! Откуда взялся? Где твои родители?

Мальчик пропустил вопросы мимо ушей и грозно потряс рукой с копьём.

— Не понимаешь, что ли? Неужели ты из этих... Ладно, попробуем. Кааак ТЕ!бяаа зóвУТ! ГдЕЕЁ живёООшь!

Попытка повторить своеобразную манеру растягивать слова и коверкать ударения, которую ему демонстрировал Тау, провалилась: под конец голос сорвался на крик. На

удивление воришку проняло: глаза округлились, он шарахнулся назад и повернул копьё горизонтально, чтобы быстро метнуть его в случае чего.

"Видимо, принял меня за сумасшедшего".

— Ты́и понимаа́ешь? — спросил Аваро уже полушёпотом.

Реакции не последовало, и лицо мальчишки вновь стало невозмутимым, а поза чуть менее угрожающей.

"Бесполезно!"

За волной отчаяния пришёл зуд интуиции. Что-то крутилось на языке. Вот-вот он нащупает! Совсем близко... Нет, ничего. Обманка. Аваро хотел плюнуть и броситься в плывк к лагерю, как вдруг молнией вспыхнуло в мозгу давно забытое заклинание.

— Бружигон каргатору абронхортс.

Брови мальчишки вскинулись, он подался корпусом вперёд, будто не расслышал.

— Бружигон каргатору абронхортс! — повторил Аваро громко и с выражением.

Юный воин бросил копьё и запрыгал на месте в приступе буйного ликования. Когда восторг поутих, он протянул недоумевающему охотнику мёртвую лису и выжидательно уставился ему прямо в рот.

Аваро, не долго думая, схватил добычу.

— Других слов не знаю. Может, ты что-нибудь скажешь?

Улыбка медленно потухла на лице ребёнка. Он перекрестил указательные пальцы на своих губах.

— Ты понял эту белиберду, но сам говорить не хочешь. Или не смеешь. В чём дело? Это магический язык аборигенов?

Мальчик неожиданно кивнул.

— Ага! Выходит, кое-какие слова мезаяза тоже знаешь.

"Собеседник" умозаключение никак не подтвердил.

— Абориген?

Снова кивок.

"Это слово тебе известно, но коренные племена называют себя иначе. Ты встречал и других чужаков".

Аваро задумался, как выудить из пацанёнка хоть что-то полезное. Он начертил пальцем на песке своё имя, указал на руку мальчика и место рядом с надписью. Абориген послушно присел и изобразил реалистичную лисью мордочку.

"Даже писать не умеет. Безнадёга".

— Это — ты?! Ты Лис?

Мальчик указал на рисунок, а после на тушку за поясом охотника.

— Да это понятно, я спрашиваю о тебе!

Терпение Аваро подходило к концу — он грубовато ткнул ребёнка пальцем в грудь. Тот нахмурился и нарисовал рожицу с длинными волосами.

— Ми файфас! Буду звать тебя Бружигон. Ты, — он снова коснулся тощей груди, — Бружигон!

Потомок аборигенов решительно мотнул головой, вскочил и с размаху стукнул древком копья о камень.

— Привыкай. От имён и прозвищ так легко не отделаться. Где же другие аборигены, которые могли бы звать тебя иначе? Или ты один?

Пацан истолковал воздетый указательный палец не как единицу, а как нечто обидное,

отмахнулся и зашагал вверх по склону.

"Вот уж не думал, что мне так сильно захочется обозвать кого-то тупым дикарём".

Аваро следовал за ним, едва поспевая, а догоняемый ни разу не обернулся, не замедлился, но и отделаться от нового знакомого не пытался. Обогнув вторую скалу, абориген остановился у подножия и взялся за булыжник в половину собственного роста. Навалившись на край всем телом, играючи откатил камень в сторону. Свету предстал и без заслона едва заметный вход в пещеру.

— Хитрый малый! А я прочесал позавчера всю округу: и пещеры искал, но отодвигать камни и лезть в мышинные норы не додумался.

Бружигон юркнул в узкую горловину и высунул руки, чтобы вернуть камень на место, но, увидев искру интереса в глазах чужака, передумал и скрылся в недрах скалы. Аваро опустился на колени и придирчиво осмотрел проход.

"Не хватало ещё застрять в расщелине и замуровать нас обоих. А может, он только и ждёт, когда я просуну беззащитную голову, чтобы огреть как следует и пустить в расход".

Любопытство одержало верх. Аваро прошёл в плечах и принялся извиваться, чтобы вырваться из объятий кишки. В нервической спешке он порвал рукава о камни и весь исцарапался, а в остальном протиснулся довольно легко.

Внутри уже разгорался хилый костерок, осветивший галерею три на четыре метра с низким куполообразным потолком. Кое-где на стенах сохранились отметины инструментов, свидетельствующие, что пещеру старательно расширяли. Аваро не верилось, что с такой тяжёлой работой мог справиться ребёнок. В других участках песчаник был тщательно отшлифован и покрыт сплетающимися в единую композицию рисунками. Отряхнувшись, гость подошёл к ним вплотную в надежде получить подсказку о том, где остальные аборигены, но разглядел только образы растений, животных и окружающих гор, воспроизведённые с редкой дотошностью.

На полу валялись десятки шкур, причём, помимо лисьих, ещё и зверей покрупнее: пятнистые, рыжие, серые. Возле очага помещались скромная охалка хвороста и целая гора каменного угля. Бружигон подкинул пару кусков, и пламя выросло втрое.

От запаха дыма, медленно просачивающегося наружу через сеть трещин в стене, желудок Аваро болезненно сжался, напомнив, что не видел еды со вчерашнего дня. Вытащив из-за пояса добычу, страждущий оглянулся в поисках чего-нибудь острого. Вокруг был только песчаник и ломкий уголь.

"Придётся лезть наружу".

Мальчик словно прочёл его мысли: отобрал тушку, после чего выудил среди вороха шкур нож из заострённого блестящего камня и разделал лису за считанные секунды. Так же ловко нанизал на прут куски мяса и поставил на рогатины. Потроха завернул в широкие листья местных цветов, а руки "помыл" песком.

"Паренёк отлично справляется и в отсутствие родителей".

Когда мясо прожарилось, хозяин пещеры вручил прут гостю, не взяв ни куска. Аваро чувствовал себя обязанным поделиться — мальчик покачал головой, но при повторном предложении сдался.

После сытной трапезы он пересел вплотную к гостю, вцепился в его ладонь своими и наклонил к свету. Что бы он там ни разглядывал, делал это чересчур долго и сосредоточенно, чем вынудил охотника занервничать. Наконец он отпустил руку и начал активно жестикулировать.

— Медленнее, ради всех благ, ни черта не понимаю!

Мальчик шумно выдохнул и указал на Аваро, на себя, а после заклацал челюстью, будто продолжал жевать.

— Да, мы вместе поели. Это какой-то ритуал? Отныне мы друзья навек?

Абориген проникновенно и несколько настороженно глянул охотнику в глаза и повторил жесты в другом порядке: Аваро — еда — Бружигон.

— Думаешь, я тебя съем? — шутливо интерпретировал фосоц.

Кивок.

— Что за чушь? — Аваро резко подскочил и злобно пнул кучу угля — часть долетела до стены пещеры и отскочила в спину ребёнку, но тот даже не дрогнул. — Это на ладони написано, что я дикарь и людоед?!

Бружигон по-прежнему спокойно сидел у костра, даже зевнул, хотя и наигранно. Его хладнокровие пристыдило вспыльчивого гостя.

— Хорошо, постараюсь этого не делать. Всё равно ты мне на один зубок. Смотри сам не сожри кого бездумно — отравишься на всю жизнь.

Навещать парнишку стало главным развлечением Аваро. Они вместе охотились, готовили, мастерили, состязались в умениях. Как могли, скрашивали одиночество друг друга: один говорил сам с собой, другой делал вид, что слушает. Младший показал, где наколоть угля, как делать лезвия из кремня, быстро свежевать дичь; старший в долгу не остался и научил младшего вязать самозатягивающиеся узлы для силков, варить травяной чай в черепашем панцире, вырезать свистки, играть в штонéто* (*игра шашечного типа, не предполагающая доски: обширное поле расчерчивается на земле. В качестве фишек используют камни разных цветов, формы или диаметра*). Только уроки мезаяза не находили в аборигене отклика — он редко высиживал дольше двух минут: либо отвлекался на более прикладные занятия, либо подчёркнуто широко и тягуче зевал, демонстрируя отрезанный у самого корня язык. Наглядных разъяснений, кто и зачем это сделал, Аваро не получил, но в мутных исторических справках Малька Охерна подобные увечья выставлялись необходимым условием для перехода от истребления к более цивилизованной мере — выдворению — без риска экспансии запретных знаний не имевшего письменности народа.

"Дети не появляются из ниоткуда в глуши между горным хребтом и неоглядной пустыней," — мысли Аваро текли в привычном русле. — "Поблизости должна быть дверь. Но до чего ж за ней худо, если он вынужден отсиживаться здесь?!"

Как-то за рыбалкой фосоц перечислил названия всех городов и деревень, о которых слышал, но для Бружигона эти звуки ничего не значили. Если даже он был родом из тех краёв, в пустыне, безусловно, поселился уже давно, и мог попросту не помнить своего происхождения. Впрочем, в повадках аборигена наблюдалась занятная особенность: отчётливо произнесённые слова "возьми", "еда", "тише", "убить" вызвали соответствующую реакцию, только вот глубина понимания напрямую зависела от того, насколько сорванцу любопытно, важно или выгодно происходящее.

Распорядок дня мальчишки оказался ещё менее постоянным, чем способности к мезаязу: Аваро мог прийти рано утром, вечером или даже ночью и не застать приятеля в пещере. Всё это укрепляло подозрение, что тот втихую встречается с сородичами. И, как ни крути, задевало. Не то чтобы дикарь жаждал снова примкнуть к стае — напротив, дружба с немим десятилеткой давала ровно столько общения, забот и веселья, сколько его мрачная

нагура переваривала без отрыжки, — но тайны аборигенов будоражили воображение всякого, кто слышал полные чудес легенды об этом племени.

На второй неделе знакомства Аваро стал замечать, что его монологи, поучения и само присутствие изрядно утомляют мальчика.

"С чего бы ему тяготиться единственным другом? Мы не одни, это ясно. Надо бы проследить за его перемещениями".

После совместного похода за углём гость остался в пещере допоздна и, греясь у костра, притворился, что крепко-накрепко уснул. Бружигон не стал его будить. К утру вся деликатность выветрилась: сборы сопровождались безразличным к чужому сну фырканьем и грохотом, но Аваро держал веки плотно сомкнутыми до тех пор, пока снаружи не стихли шаги. Выждав пару минут, он вскочил, протиснулся через горловину и на полусогнутых засеменил к зелёному поясу в низине. Вскоре охотник оказался в идеальной позиции для скрытного наблюдения, но абориген не делал ничего примечательного: подбирал ветки и красивые камешки, дрался с колючим деревом, пугал птиц и гонялся за ящерицами. Под конец он совсем расстроил шпиона тем, что уселся на траву и целых три часа разглядывал листок заурадного растения, а как только начало темнеть, выдвинулся в сторону дома.

Тем же вечером Аваро снова наведаясь в пещеру и увидел, как Бружигон перемалывает в пюре и варит хвощ с щавелем. Заинтригованный визитёр остался подольше в надежде испробовать странное блюдо: вдруг аборигены знают особые приёмы в готовке или заклинания, превращающие кислые травы в сладости. Когда малец добавил в панцирный котелок свежие рыбы кости, аппетит моментально улетучился. Зеленоватая масса быстро загустела и стала почти однородной, а Бружигон остриём ножа принялся вспахивать гладкий песчаник стены. Он прорезал контур очень быстро, не тратя ни секунды на оценку пропорций или симметрии, затем схватил краску и с помощью тонкой тростинки обвёл борозды зелёным. За пять минут рисунок был готов. Настолько мелкие детали строения листика Аваро при всей своей зоркости мог бы заметить разве что под лупой: дерево тончайших жилок, крапинки и рассеивание пигмента, упорядоченный хаос ячеек, поразительно схожий с сетью морщин на костяшках пальцев. Контррельеф являл в себе не просто достоверную копию реальности, а глубокий и вдумчивый взгляд под неё.

"Много странного в этом паренёчке — и так мало от детей Фоса, Анатри или Сервона".

Повторная попытка слежки также не дала намёков на разгадку, и Аваро крепко задумался, стоит ли продолжать. Всё-таки мальчишка относился к нему как к брату — пусть и бесцеремонно, зато со всей доступной немому открытостью, и предать его доверие было бы в высшей степени подло.

Пару дней Аваро держался, но скука в долгие часы отсутствия единственного слушателя его доконала. Сыщик решил на третью, последнюю вылазку.

Он подждал, лёжа за камнями на вершине скалы, чтобы раскрыть маршрут цели даже раньше, чем сама она поймёт, куда направляется. С высоты предсказать поведение можно и без магии: человек склонен полагать, будто властен над каждым своим шагом, хотя в действительности его извечно ведёт архитектура пространства.

Пусть Бружигон и не выбирал пути, но по решительности его движений сразу стало ясно, что он не просто гуляет, а призван конкретным местом. Через час он спустится с холмов и окажется далеко от реки среди однообразной каменной равнины.

Аваро следовал за мальчишкой до тех пор, пока служившие укрытием растительность и

взгорье не сменились угрюмой пустошью. Идти дальше значило быть гарантированно обнаруженным. Он наблюдал, как смуглая фигура тает у горизонта, и кусал локти. К счастью, Бружигон провёл на каменном поле всего минут сорок, и перед охотником встал мучительный выбор: продолжить преследование или обыскать местность. Пожалуй, он мог убить двух зайцев, вернувшись сюда завтра, но терпеливость, увы, не значилась в коротком списке его добродетелей.

Когда мальчик скрылся из виду, Аваро ступил на абсолютно голую равнину...

Два часа блужданий без малейших результатов. Да и что он собирался здесь найти? На десятки, если не сотни километров одинаково тоскливый пейзаж.

В отчаянии парень устроил привал на узкой прогалине между господствующими повсюду остробокими валунами вперемешку с щебнем. Обнажённый песок сохранил отпечаток сандалии Бружигона, но кругом были только камни, камни, целое море камней.

"Фек! Меня одурачили! Пацан заметил слежку и ловко от неё отделался. А пока я торчу здесь, самодовольно скалится по дороге к своим аборыганам".

Обхватив лицо руками и будто испытывая череп на прочность, Аваро присел на уплощённую грудку. Камни оказались тёплыми и приятными — на удивление зад не ощутил ни единого острого выступа.

"Столь близкая к горизонтали верхушка, а вокруг одни угловатые обломки".

Дикарь залез на неё с ногами, выпрямился, попрыгал, затем с силой пнул сбоку — грудка выстояла. Похоже, кто-то тщательно подбирал строительные блоки, заботясь о прочности конструкции.

"Целый помост! Или остатки древней стены? Зачем такая толстая? И кто вообще строит без раствора? Он же известен с давних пор".

Аваро ещё раз прошёлся по округе, уже в поисках руин брошенного города, но другие нагромождения имели беспорядочную структуру — даже самое богатое воображение не дерзнуло бы приписать её рукотворному сооружению. Он вернулся к помосту.

"Ну и что это? Просто лежанка посреди пустоши! Сцена? Для кого Бружигон устраивает представления? И где реквизит?"

Большинство "кирпичиков" располагалось вплотную, и только крайние слегка пошатывались. Аваро дёрнул за ближайший, но, несмотря на скромные размеры, — меньше пятнадцати сантиметров в самом широком измерении — обломок по ощущениям весил целую тонну. С остальными то же самое.

— Ну не настолько же я слаб! Зачаровали их что ли?

Присмотревшись, он нашёл другое объяснение: все камни крепились друг к другу — без клея и цемента, лишь угловатостью граней. Выступ одного всегда попадал на скол другого, острый край, как щеколда, вставлялся в выемку или упирался в борозду. Аваро подковырнул стык ножом и чуть не сломал остриё. Тогда в ход пошли пальцы и почти сразу раскровились у ногтей, но сдаваться их хозяин не спешил. Глуша боль сквернословиями, он просунул мизинец в единственную брешь сбоку и попытался согнуть фалангу в расчёте на крепость суставов. После щекочущего нервы хруста злосчастный камень сместился, и его удалось поддеть. Без сцепки с соседними совсем лёгкий. Под ним — ничего интересного, такой же неподатливый "кирпичик".

— А ведь могло и переломом кончиться. Паршивый же ты друг, Бружигон! Хватит. Рандо!

Сделав крюк в пять километров, дабы обогнуть скалу с пещерой, Аваро вернулся в

лагерь при излучине.

Помост всю ночь не давал ему покоя, являлся на внутренней стороне век. Его предназначение так и останется загадкой? Скорее всего, но времени вдоволь: в том и прелесть дикой свободы — в уникальной возможности корить себя, что не потратил его на заведомую чепуху. В конце концов, зарок касался исключительно слежки за мальчишкой.

Ближе к обеду следующего дня Аваро вновь стоял посреди пустоши. На сей раз он вдвое расширил радиус поисков, разобрал десятки каменных куч и переполошил всех змей. Утомившись, он снял мокрую рубашку и растянулся на подиуме — висевшее над головой солнце уже прогрело камни, превратив его в печку.

"Лучше места для дневной дрёмы не придумаешь. В этом и весь секрет?"

Парня быстро разморило, но погрузиться в сон мешало отсутствие "кирпичика": из-за прорехи в рядах остальные ходили ходуном при малейшем движении. Перевернувшись на живот, Аваро попытался вставить камень назад, но тот уже не влезал. Ёрзанье сдвинуло соседние — сперва нужно было вколотить их на место.

Аваро размышлял, как правильно расположить в промежутке обломок, чтобы удар сверху вторым привёл к нужному результату, когда его внимание привлекла щель между кирпичиками второго ряда. В открывшейся полуденной яркости глубине проглядывало что-то тёмное.

"Вот и раствор. Но почему только снизу? Чёртова чертовщина!"

Взвинченный недосыпом, Аваро вознамерился во что бы то ни стало разобрать площадку. С шаткой верхушкой крушитель справился играючи, но едва принялся за следующий ряд, как вдалеке возле деревьев мелькнула тень.

— Эй! — крикнул он во всё горло. — Теперь ты за мной следишь? Шуруй сюда!

Никто не вышел. Аваро закатил глаза, кое-как накинул рубаху и рванул к леску, но соглядатай успел скрыться.

"Не уж-то показалось? Крупный зверь? Или знак, что не стоит продолжать..."

Бег так сильно вымотал искалеченного собственным упорством парня, что он уже подумывал оставить дурацкую затею. Но в голове звучал и другой голос, более дальновидный.

"Этой ночью я, определённо, буду спать как убитый. А вот дальше... Опять закрадутся сомнения, фантазия разыграется. Нет, лучше сразу всё проверить и забыть об этом месте".

Вернувшись, он вяло, в страшном упадке сил подцепил один-единственный камень... И уже не смог остановиться. Блоки летели во все стороны, подчас отбивая колени, ногти крошились и трескались, на кончиках пальцев болтались окровавленные куски кожи, но работа не прерывалась ни на миг, ведь фосец точно знал, что скрыто кладкой.

Наконец после бес знает скольких лет погребения увидел свет деревянный прямоугольник с уже набившей оскомину резьбой, только размерами скорее, как дверца шкафа, и без следа краски. Аваро схватил ржавую ручку, но что-то заставило его притормозить.

"Без мелкого шага внутрь не сделаю. Но глянуть-то можно. Одним глазком".

Непомерная тяжесть от привычного рывка на себя. Дверь вместо того, чтоб открыться, съехала в сторону: петли отсутствовали. По сути, она служила всего лишь крышкой для продолговатого ящика. Ящика, в котором лежал скелет.

В ужасе Аваро отскочил назад, неловко зацепив дверь, отчего та съехала окончательно и глухо бахнула о камни.

"Так...Так! Это ничего. Это ещё ничего не значит".

Придя в себя, он снова глянул в ящик, вернее сказать, в гроб. Скелет определённо принадлежал человеку, довольно рослому. Мужчине или женщине, понять было сложно из-за скрюченного положения. Волосы до подбородка, никакой одежды. Плоти на костях почти не осталось, гнилостный запах выветрился, но рассматривать останки вблизи желания не возникало. Из ритуальных предметов только удлинённый ржавый нож. Работа мастера-кузнеца: правильной формы лезвие, цветочная резьба на рукояти, напоминающая рисунки Бружигона.

"Вот где твой родитель..." — с горечью заключил Аваро.

Он поставил дверь вертикально, опёр о ящик и потянул на себя. Затем, поддерживая за край, толкнул в другую сторону. Превращаться в портал она отказывалась.

"Неужели рама с петлями так важна? Ах, точно, дверь сняли с исконного места. Тупица. И что теперь делать? Уложить всё как было?"

Взвесив обстоятельства, Аваро решился: перевернул ящик внутри твёрдых бортов каменной ямы сначала на бок, а после — торопливо из-за внезапно обострившейся суеверности — кверху днищем. Кости при падении гаденько хрустнули, благо звон металла перебил этот звук.

"Теперь можно схоронить и без крышки".

Дикарям почтение к телу чуждо, а потому булыжники поверх гроба клались как попало. Получившийся вал имел куда меньше сходств с могильной плитой, зато, по крайней мере, был внушительным и устойчивым.

Дорога назад выдалась тяжелая. Дверь, пусть и узкая, — не самый удобный в транспортировке по пересечённой местности груз, и всё же ноша на душе отягощала сильнее. Терзало навязчивое предчувствие, что всё кончится плохо, но бросить дверь посреди леса или снова зарыть рука не поднималась.

На подходе к склону гряды Аваро долго ждал, когда мальчик, отёсывавший наконечники, оторвёт от них взгляд: бросится на осквернителя могилы с кулаками, исполосует лицо, насадит на копьё — а тот спокойно продолжал работать. Зрелище преклонённого человека с крышкой гроба на горбе его не впечатляло. Тёмные глаза смотрели скорее пытливо, вбирающе, наверное, так же зорко, как на лишённый разума прообраз для рисунка.

— Прости. Нужно объясниться. Без наглядного пособия не сумею. Там под дверью лежал твой отец?... Мать?

Ответа Аваро не удостоился.

— Скучаешь по ним?

Сдержанный кивок.

— Надо же, ты понял! Кто-то убил его?

Бружигон вытянул руку с распростёртой ладонью и в воздухе очертил полукруг.

— Природа? Болезнь?

Верх, низ, право, лево. Снова полукруг. Внезапно мальчик рухнул на спину; лицо его перекопилось, конечности поджались и скрючились, взгляд устремился ввысь и застыл. Аваро бросился к нему, но и дотронуться не успел — припадочный снова сел как ни в чём не бывало.

— Ача! — мальчишке прилетел щелбан. — Я думал, всё взаправду! Лицедей в тебе погибает. Ой, он же только что сдох.

Сорванец потёр лоб и расплылся в довольной улыбке.

— На вас точно не нападали? Я видел на костях отметины от ножа.

Улыбка исчезла и сменилась скукой. Аваро уже знал ответ, а Бружигон знал, что он знает.

— Понятно. Ножом срезали мясо. Ты или чужак?

Молчание и сверлящий взгляд, от которого становилось не по себе.

— Это неважно, но ты должен показать, где раньше стояла дверь. Уйдём вместе! Мы же здесь застряли. Надо выбираться, двигаться дальше, стремиться... к чему-то. На родине тебя уже не вспомнят. Назовёмся братьями-сервонцами, чтобы тронуть боялись. Я всё устрою: никто и никогда не распознает в тебе аборигена. Обещаю не мешаться, не упрекать, не командовать. Я ведь такой же, как ты. А припрёт, будем сражаться друг за друга до последнего. Ну?

Договорив, Аваро стал себе жалок и омерзителен. Не оттого, что лукавил, а оттого что сознавал: время обязательно превратит эти слова в ложь. Секунду спустя и в нём самом растаяла вера в сказанное.

Бружигон почти не слушал. Он подошёл к двери, оглядел её со всех сторон, нахмурился и стал водить пальцем по резным изгибам.

— Ты вообще помнишь изгнание? Момент перехода?

Палец аборигена дрогнул и остановился. Он подтащил дверь к ногам вопрошающего и ткнул два раза в нижний левый угол.

— Я видел похожие узоры много раз. Или это подделка?

Мальчишка начал закипать — томная загадочность мигом испарилась. Чтобы его успокоить, Аваро обратил взгляд в указанную точку и держал там целую минуту, прежде чем заметил. Кромку завитка с внутренней стороны пересекал крохотный надрез с совершенно гладкими краями. Тот, кто его сделал, никуда не спешил и орудовал расчётливо, без эмоций. Аваро почувствовал себя ещё большим дурнем.

"Надо ж было так облажаться! Выставил одержимость во всей красе. Уступил Беглецу с такой лёгкостью, будто свинец ошибок, раскаяния, надорванного сердца внезапно утратил вес. Пропащего спица Знахаря исправит. А портала нет, нет!"

— Я верну могиле крышку. Сейчас же. Забудь сегодняшний день.

В лице мальчика читалось сомнение. Аваро снова водрузил дверь на спину, прошёл десяток метров и понял, что задыхается: воздух свистел где-то в глотке, но в зажатые лёгкие, казалось, не проникал вовсе. Тело вымотано, а скоро заведёт. Минутная слабость прорвалась наружу — носильщик с обречённой миной глянул через плечо. И тут же об этом пожалел: абориген истолковал взгляд по-своему и помчался вдогонку. Аваро подраспрягнулся, глубоко вдохнул и продолжил путь, но не успел сделать и трёх шагов, как баланс двери на спине нарушился, и она шумно грохнулась на камни. Бружигон явно поспособствовал падению, потянув за уголок.

— Не балуйся, мелочь впалая, я и так при смерти.

Абориген уже волочил дверь назад к скале.

— О! Ясно. Планы поменялись. Это разумно: к чему хоронить в земле, если вещица дельная, красивая. Много чего можно напридумывать... Хмм, кровать, стол, плот, чтобы ноги в реке всякий раз не мочить. Тебя, наверное, выдержит. Весишь меньше сорока, а дверца... ну, допустим, пятнадцать. И каков вывод? Никаков, потому что я ни черта не смыслю в плотах.

Пока Аваро разглагольствовал, мальчик опустил дверь на землю, сел подле и вбил остриё ножа в едва заметный шов выше царги. Потом несколько раз ударил увесистым булыжником по рукояти сбоку — клей уступил, в полотне возникла приличная щель.

— Ну и что ты задумал? Хоть намекни, я помогу.

Как следует повозившись, абориген вырвал из полотна филёнку с повреждённым узором и тут же принялся крошить её на щепки рубилом. Смотреть на это без глубинного содрогания Аваро не мог.

— Сдурел?! — в один прыжок он преодолел разделявшие их два метра, вцепился в дырявую дверь и потащил к себе. Мальчик некстати решил посостязаться в силе и тоже принялся тянуть за край.

— Тебе дров мало? Зачем уничтожать прекрасное?!

Старший предсказуемо побеждал, но младший грозно зыркнул на него и добился капитуляции — только произошла она чересчур стремительно. Бружигон, не ожидавший уступки, отлетел назад. Дверь упала ему на ноги и разодрала кожу до крови.

Впервые за все две недели этот десятилетний мужчина ревел. Не зная, что делать; в болезненном смятении, граничащем с ужасом, Аваро принялся нарезать круги по холму. Бружигон всё не унимался — звуки нескончаемых всхлипываний, стонов и завываний проникали под череп и заставляли мозг гореть огнём. Сносить это дольше казалось пыткой — старший брат измученно опустился рядом и обнял ребёнка. Прошло целых пять минут, прежде чем маленькая рука ответно легла на плечо Аваро.

Плач стих. Бружигон встал, стеснительно пряча красные опухшие глаза, сбегал в низину и принёс охапку листьев подорожника. Часть он использовал как носовой платок, вторую перетёр в руках и приложил к ссадинам. Аваро оторвал от брюк, уже едва закрывавших колени, две полоски ткани и перевязал ими компрессы.

Мальчик, будто ничего и не случилось, продолжил разбирать дверь на куски. Он препарировал без остервенения, но и без усталости, до самой темноты — осталась лишь гора из досок, аккуратно сложенных друг на друга.

Наутро Аваро проснулся с таким чувством стыда, что мигом выпрыгнул из шалаша. Даже пережёвывать завтрак было не в состоянии — движения челюсти наводили тоску, вкус не доходил до головы, комки царапали горло в отсутствие слюны. Обычно сон уносил острые впечатления, всё приглушал и смазывал в памяти, а в этот раз вышло наоборот. Руки дрожали, болезненно кололо в груди, одолевала тошнота. Выплюнув пресное месиво, уныло крутившееся во рту, Аваро рванул к пещере. Он хорошо знал, что не способен на убедительные извинения, но был уверен, что от вида беззаботного лица, чурающегося натужных обидчивых мин, ему сразу полегчает.

Пещера в тот час пустовала. Бружигон куда-то уволок и деревяшки от двери. Похоже, он готовил другую игру, подкидывал новую загадку взамен едва прояснившихся старых.

"Придётся как-нибудь вытерпеть угрызения совести: слишком малодушный повод мешать чужим забавам. Взрослый, не умеющий принимать страдания, — младенец — переросток. Да и полученная раньше срока подсказка только отобьёт интерес".

Нужно было чем-то себя занять, чем-то, что поглотит всё внимание. В погребке приречного лагеря подпортились запасы — слишком уж хозяин увлёкся чужими тайнами. Старая добрая охота — лучшее лекарство. Кроме ящериц, сурка и мелкой птички, Аваро поймал двух крупных черепах. Из всего дикарского рациона, пожалуй, главный деликатес.

Одну он вручит Бружигону вместо извинений.
Вручил бы, если б тот вернулся.

Стоит ли говорить, что Аваро обыскал каждый куст в радиусе десяти километров, каждую расщелинку в скалах, каждую вершину, даже вглядывался в дно заводей и омутов.

Из пещеры пропали все корзины, несколько орудий да пара шкур. Разве бросают большую часть скарба, когда уходят с концами? Только ведь речь о потомке аборигенов — для него обзавестись новым раз плюнуть. Лишь бы не совался в недра пустыни... В пустыне ребёнок погибнет, если даже взрослый чудом избежал смерти.

В мыслях царила полная неразбериха.

"С ним случилась беда! Зверь напал, утащил в логово!"

Сам Аваро не встречал в округе хищников страшнее карликовой лисы, но в пещере хранились потрёпанные шкуры пятнистого волка и рыжей кошки со здоровенными лапами и когтями.

"Нашёл другой портал и заблудился на той стороне!"

Признавать очевидное: что от него улизнули — хотелось меньше всего. Но деваться некуда.

"Снова тот, кого считал другом, ушёл в неизвестность, снова не попрощавшись. Это случается со всеми, или я особенный? Как же! Одержимый беглец. Был им. Но первыми уходят именно они, ранимые улитки. Ползут так, что глазом не приметить движения, — уверен, что никуда им от тебя не деться, а стоит отвернуться, отвлечься, замечтаться, как останется только липкий след, блестящий на солнце. Он ведёт в сырые кущи и быстро обрывается. Разошедшись с улиткой, ты вряд ли увидишь её, ту самую, вновь, ведь домик улиток всегда при них — куда спешить, зачем возвращаться? Но одна вернулась, пусть и не ко мне. Странные, странные улитки. А я... Я бы душу продал за такой домик! Ещё имелась бы она..."

— Спорить глупо: я редкостная сволочь, но виноват не я один! Слышите?!

Делёжка вины, впрочем, приносила боль вместо облегчения.

На третий день розысков и суетливого ожидания Аваро осознал, что достаточно наотдыхался. Наговорился, намудрствовал, а после наворотил всякого. Пора и в путь. Здесь больше ничто не держит. Куда дальше? Не ему это решать. Есть гора, есть река — есть высота и есть проторенная дорожка к ней. Рассуждения излишни.

Он сплёл корзину и сложил всё, что могло пригодиться. Позаимствовал из пещеры десяток шкур, в том числе кошачью, которую повязал на себе чудаковатым способом: передние лапы обнимали шею, а задние, скреплённые брошью, обвивались вокруг талии. Если память ему не изменяла, в Фосе кошек с похожей шерстью и кисточками на ушах звали линко. Аваро по-прежнему нравились имена на букву Л. Остальные шкуры он прошил нитью из волокон крапивы — получилось добротное одеяло, под которым можно спать без костра. С каждым днём в предгорной равнине прибывало тепла, но сами горы — совсем другое. Снежные шапки и не думали уменьшаться. Захватил он с собой и охапку угля: при взгляде с гряды склоны казались абсолютно голыми.

Близ реки всегда была пища для непритязательного желудка, и первые два дня путешествия прошли с комфортом. На третий всё усложнилось: растительность редела, воздух холодал и хуже насыщал лёгкие, а берега становились до головокружения крутыми и обрывистыми — сорваться с таких и выжить мог рассчитывать только дурак или баловень

судьбы, что, в сущности, одно и то же.

Ночью Аваро испытал на себе всю прелесть заморозков вблизи быстрой воды, когда ледяной туман поднимается на метры, а после оседает на коже и одежде моросью. До захода луны он истратил весь уголь и лежал подле стынущего пепелища, закутавшись в одеяло с головой. Дрожь со сном несовместима, и, чтобы хоть как-то отвлечься, Аваро стал припоминать слова песенки, что горланили ребята из галт-отряда под конец испытания. В уме всплывал лишь один куплет — он напевал сначала вполголоса, а затем повторял всё громче, переходя на надтреснуто бравурный крик и наслаждаясь подпевкой эха.

Обтянут алым шёлком ладный старенький обоз,

Мы будем первыми на тракте без тоски и слез.

И не фальшивь мне про наследие на полпути —

Грошовый рай сквозит, от сглаза шторку опусти.

Вскоре голос от колючего холода сорвался и захрипел. Пение прекратилось, а вместе с ним иссякло воодушевление. В ушах тоненько звенело, даже не так — свистело, хотя ветер давно ослаб. Внезапно трели укоротились. Аваро заткнул уши, и звук почти исчез — он точно шёл извне. Для птиц слишком монотонный, безыскусный. Иногда сходным образом пищат сурки, приветствуя утро, но темноте расступаться было рано. Свист то растворялся в шуме реки, то снова пробивался сквозь него.

— Бружиго-о-он! Это ты?!

Ритм не изменился.

"Вряд ли человек, если это он, мог разобрать слова с такого расстояния".

Аваро хотел вскочить с насиженного места и пойти на звук, однако рассудок пока не вполне его покинул. Полагаться на обманчивый слух во тьме, коченеть на морозе, лазить по обрывистым скалам на ощупь — извращённый вариант самоубийства.

Да и почему обязательно Бружигон? Кто угодно мог сделать свисток: бандит, людоед, солдат, культист. Ключнуть на приманку и стать жертвой, добычей, пленником — сама по себе перспектива эта нынешнего Аваро страшила мало, но в истый ужас вгоняло будущее во власти таких же докучливых одержимых. Оставалось ждать рассвета.

Часок-другой всё же удалось поспать. Аваро не переставал дивиться скачкам температур: яркий луч, просочившийся через грубые швы одеяла, прямо-таки выжигал веки. Грудь под рубашкой взмокла. Скинув шкуры, путник напряг слух. Одно лишь журчание.

"Стоит ли снова вопить?"

Если на него нападут или попытаются схватить, он сам себя прикончит — быстро и безболезненно. План в наличии, значит, бояться нечего.

— Бружигон, Бружигон, ты прекрасен и умён, и хозяйственен, и чист — жаль, не девушка, а глист! Ну же, дай знак. Долго ещё дифирамбы петь?!

Свистун отмалчивался.

Аваро заметил смотровую площадку на подъёме к одному из ледовых пиков: большая часть горы оттуда должна быть как на ладони.

"Подбираться к ней с корзиной наперевес слишком рискованно: один чёрт придётся бросить её на предпоследнем уступе. Лучше припрятать вещи здесь. Справиться бы со спуском: он всегда жутче, чем слепое восхождение".

Через два часа запыхавшийся скалолаз стоял на обрывистой площадке — взору открылась величественная панорама предгорной долины, а вот подножие, отроги и склоны

оглядеть можно было, только приблизившись к узкому краю. Потеря равновесия обернулась бы полётом с двухсот метров, так что Аваро решил не пушить хвост — лёг на живот, подполз и свесил голову. На дальнем уступе по правую сторону от реки, который виднелся едва на половину и к которому спуска отсюда природой не предусматривалось, глаз зацепился за одинокую, скривлённую ветром, но могучую сосну. Единственное дерево во всём обозримом пространстве, а под ним — нагромождение потемневших досок, давным-давно бывших чьим-то укрытием.

“Жильё! Старое и разрушенное, но за горой наверняка остались города или хоть что-то, созданное человеком”.

Раздался свист — сперва отрывистый, затем протяжный. Куда громче, а значит, ближе, чем ночью.

— Где ты, чёрт возьми?! — заорал парень сердитым басом.

К сосне из тени выплыла крохотная меховая фигурка с ладонью у рта.

— Бружигон!!! — больше не труся, Аваро выпрямился во весь рост. — Пугтруо! Ты зачем слинял? Поднимайся ко мне! Отсюда и до вершины легко — вместе глянем на ту сторону.

Мальчик заметил его и махнул рукой, зазывая к себе.

— Прошу прощения, любезный, но меня не больно-то тянет спускаться, чтобы потом лезть обратно! Разве тебе не любопытно? Вдруг там новый мир, люди иные?!

Радостный Бружигон ещё раз поманил, свистнул три раза и скрылся за выступом скалы.

Аваро понятия не имел, как перелезть на тот отрог, а пик — вот он, и путь туда очерчен: ясно даже, на какие камни ступать, обходя ледник. Но что он увидит с вершины? Другие горы? Поля, леса, озёра, реки, может, даже дома и города — только это уже было. Вместо мужчин, женщин и детей — точки, подобные муравьям. Оракул будет знать наперёд все их траектории, но так и не разглядит ни единого лица. Припас ли мир хоть что-то поистине удивительное для искушённого скитальца? Без проверки, как водится, не узнать.

"Ох, а проверок-то сколько учинено... Гори оно всё..."

Спуск к месту ночёвки оказался пустяковым. Уступ Бружигона располагался гораздо правее, в тени другого, куда большего — отсюда разве что верхушка сосны виднелась. Подступиться к нему проще с совсем другого бока горы — петлять далеко и долго, но Аваро не сомневался, что осилит. Разучился бегать, зато постигтонкости восхождений.

— Я мысленно уже тебя похоронил, бубачо!

Увидев, чем абориген занимался на уступе, Аваро всецело уверился: выбор сделан правильный. У теневого края обрыва лежала склеенная заново дверь. Светлым выделялась заплатка из среза сосны с резьбой, почти не уступающей исполнением оригиналу.

— Ты сумел её починить! Аж на гору затащил! И ждал меня?! Дурень! Мог бы сразу позвать за собой, не оставляя наедине с чувством вины.

Хотелось наругать сорванца ещё пуще, но в памяти вспыхнули фразы последнего разговора с Ло, и Аваро осёкся. Малец знает его лучше, чем он сам.

В ответ Бружигон, улыбаясь, пожал плечами. Восторг фосца сменился привычным скептицизмом.

— Ты герой, но... Портал из разных частей, к тому же изначально чужого авторства точно заработает? Легенды гласят, будто на создание одного у мастера могло уйти полжизни.

Молчание.

Аваро коснулся полотна и ручки, покрутил по-всякому. Дверь как дверь.

— Ну что ж, развлекайся. Буду с тобой здесь столько, сколько нужно. Тайком не сбежишь.

За минувшие шесть дней Бружигон успел соорудить просторный шалаш из старых досок, на многих даже гвозди сохранились. Утепил со всех сторон сосновыми лапами, наладил сбор воды с влажных скальных стен. Затруднения вызвала разве что еда — припасы охотника пришлось кстати. Сам он, утомлённый лазанием, улёгся в шалаше, но вздрагивал каждые полчаса и выглядывал наружу, проверяя, не бросили ли его снова. Нет: мальчик по-прежнему сидел на краю и мирно обтёсывал заплату. К вечеру сон стал затягивать глубже, и прерывать его удавалось с переменным успехом — Аваро больше не высовывался, доверял ударам инструментов. Тук-тук-тук. Кто бы мог подумать, что эти звуки будут его убаюкивать и окунать в подзабытое чувство покоя.

Запах жареного защекотал ноздри. Пришлось вставать и налегать на хрустящих ящериц. Было уже темно и холодно, но высокий костёр заменял солнце и уютно потрескивал. Даже посидеть на жёстких камнях не довелось: юный мастер сколотил длинную лавку из досок. Обьевшись и с довольным видом схватившись за живот, он залез в шалаш, а Аваро растянулся на лавке и глядел на звёзды, покуда не прогорели сосновые дрова, и налетевший ветер не загнал под крышу.

Тук-тук-тук. "Рановато Бружигон принялся за работу. Посплю ещё".

Следующее пробуждение случилось от тычка пальца точно в шрам на шее.

— Ммм?!

Мальчишка указал наружу, но выход из шалаша прикрывали сосновые ветки, из-за которых проглядывали только угольки вчерашнего костра. Туго соображающий спросонья, Аваро накинуд шкуру, приколот брошью и медленно выполз из согретого дыханием укрытия, пересчитав головой опоры.

— Это что?! Для кого?! — опешил он от увиденного.

Как обычно, Бружигон воздержался от разъяснений, но когда Аваро попробовал отодвинуть ЭТО от края, тот схватил его за рукав и оттащил.

— Да-да, я знаю. Порталы соединяют исключительно точки пространства, соприкасавшиеся в прошлом, но неужели нельзя было сдвинуть на шаг назад?

Абориген помотал головой.

— Петли из гнутых гвоздей, конечно, впечатляют, но что насчёт поставить вертикально?! Сделаем по обычаю заборчик: настругаем кольев из сосны, укрепим досками.

Недоумённая мина.

— Можно хоть за ручку потянуть?

Кивок.

Дверь открылась с трудом: самодельные петли не останавливали створку на ребре — приходилось придерживать рукой, чтобы она, нависая над пропастью, не утащила вниз своей тяжестью и ящик, к которому крепилась. Ещё вчера этот гробик был лавочкой. Аваро взгляделся в зазор меж досок дна: та же каменистая земля, что и под ногами.

— Она работает в одну сторону? Только для того, кто находится внутри?

Бружигон подтвердил догадку.

— Сам-то проверял? Нет?! Серьёзно?! Откуда тогда знаешь, что вообще работает?

Вместо ответа творец с лукавой рожицей развёл руками.

— Если ты ждёшь, что я полезу туда первым, то заявляю со всей возможной категоричностью: я пас.

Резко захлопнув дверцу, Аваро демонстративно уселся на неё.

Абориген не выглядел расстроенным: порубил несколько досок на дрова, а затем полез куда-то вниз. Старший тут же подорвался за ним.

— Идём назад, к пещере? Вещи брать?

Мальчик пропускал вопросы мимо ушей. Он остановился на выположенной площадке и устроил охоту на жучков. Набрав полный карман, вернулся к шалашу.

— Вместе мы уже никуда не отправимся? — с грустью сообразил Аваро.

Бружигон неловко тряхнул головой, как если бы собирался кивнуть, но быстро спохватился и замаскировал движение.

— Кто ты, чтобы это решать? Несмышлёныш. Будто кровь в твоих жилах сама по себе источник мудрости, всевидения и колдовской силы! Я в эту чушь больше не верю. Останусь с тобой и точка. Буду следовать по пятам — привыкай. Я умею петь песни, сочинять дразнилки и рассказывать истории, а тебе всего-то надо выучить язык, чтоб оценить их по достоинству. Глядишь и расхочешь от такого спутника избавляться.

На лице Бружигона цвела улыбка: то снисходительная, то тёплая, то задумчивая — во всяком случае, так её толковал собеседник.

— Ты меня понимаешь?

Мальчик долго-предолго качал головой, а когда устала шея, разразился оглушительным гортанным смехом. Он хлопнул Аваро по плечу и направился к ящику. Встал у "изголовья", открыл дверцу и, подпирая её левой рукой, правой приглашающе забарабанил по дну, как приманивают котом.

— Скучать хоть будешь?

Плавнов прикрыв веки, Бружигон прижал все пять пальцев ко лбу и склонил голову. Фосец отзеркалил его жест.

Ящик оказался не по росту, зато достаточно глубоким, чтобы согнуть колени. В надежде вновь рассмешить мальчика Аваро сложил руки на груди крест-накрест, но проводник уже набросил вуаль серьёзности. Прищуренные глаза источали умиротворённую сосредоточенность — она передалась и провожаемому, рассеявшись, только когда навалилась темнота.

Не кромешная, но давящая. Бьющее по ушам судорожное дыхание. Каждый выдох разбивался об дверь и спёртый воздух моментально возвращался назад. Аваро чувствовал свой страх как нечто материальное, что можно пощупать, потому ласково взял его за шкуру, словно нашкодившего, но любимого питомца, и выставил из разума.

— Бружигон! Ты здесь?

Мальчик постучал по двери, навалился, а в следующий миг Аваро лежал на боку — лицом к пропасти. Сколько же сил у этого существа! Колени ощущали невесомость: край ящика болтался в воздухе. Лишь закрытая дверь и неподвижность отделяли от падения. Сзади послышался скрежет камня о дерево — строгий проводник подпёр ящик булыжниками. Замигал свет: лежавшая поверх досок ладонь медленно скользила прочь.

Шаги Бружигона, поначалу отчётливые, звучали глуше, дальше, призрачнее. Всё во вселенной замерло на излёте.

"Когда будешь готов," — успокаивал сердцебиение отбывающий, но времени не терпелось продолжить свой бег, и оно снисходительно шепнуло подсказку.

"Когда соберёшься с духами..."

Аваро открыл дверь

Коль Вы, читатель мой любезный, —

А я иного, чем на Вы, к дошедшему до сих страниц

Уже не мыслю обращенья,

Хотя и не падаю ниц —

Скорейшего желали б продолженья

Истории незавершенной

(Но спело вызревшей, не дав покоя

Плантатора уму, —

Уже б всю закатывать варенье,

Да вот неясно: уплетать кому?),

Вознаградите пряльщика сего творенья

Докуда это вмоготу:

Неоднократным к тексту возвращеньем,

(Листайте раза три любимую главу!);

Заглавным пальцем, вверх поднятым;

Ласкающим мой взор усталый

Словцом уютно неподвзятым.

Вклад значим сколь угодно малый:

Постом, рублём ли, али евроцентом...

Аристократ, достойных всех регалий,

Катарсис славит пуще дивидендов.

Великий Гугл да поможет

Заблудшему в строю убожеств

Облегчить Путь

Хоть чем-нибудь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net